

**Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)**

ГОРБАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Отвечая на вызов времени:
внешняя политика Перестройки**

**Гласность и реформы в России:
оценки, мифы, факты**

Москва 2011

УДК 94(47+57)

Г 67

Горбачевские чтения. Вып.8 **Отвечая на вызов времени: внешняя политика Перестройки; Гласность и реформы в России: оценки, мифы, факты.** Междунар. фонд соц.-экон. и политол. исслед. (Горбачев-Фонд). — М.: Горбачев-Фонд, 2011. — С. 168.

*Под редакцией О.М. Здравомысловой
Компьютерный набор И.Г. Вагина*

ISBN 978-5-86493-142-4

© Горбачев-Фонд, 2011

© Оформление И.П. Матушкина И.И., 2011

Сдано в набор 17.02.2011. Подписано к печати 04.03.2011.

Формат 60x90/16. Объем 10,5 п.л. Тираж 700 экз.

Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)

Отпечатано в типографии ООО «Сам-Полиграфист»

От редактора

В восьмом выпуске «Горбачевских чтений» опубликованы материалы двух конференций, приуроченных к 25-летию Перестройки (1985–1991) — «Отвечая на вызов времени» и «Гласность и реформы в России: оценки, мифы, факты».

Внешняя политика Перестройки остается одним из наименее исследованных в научном отношении этапов в истории советской и российской внешней политики. При этом существует множество политизированных мнений, экспрессивных эмоциональных оценок, разнообразных «экспертных заключений», которыми изобилуют материалы СМИ. Название международной конференции «Отвечая на вызов времени» совпадает с названием книги, изданной Горбачев-Фондом в 2010 году. Книга посвящена внешней политике Перестройки. Она основана на документах, большинство которых составляют записи бесед М.С. Горбачева с руководителями государств. В первой части Горбачевских чтений опубликованы выступления политиков и исследователей на презентации книги и двух сессиях конференции — «Перестройка в мировой истории XX века», «Современные мировые вызовы и поиск «нового мышления».

В Перестройку в Советском Союзе начались политические реформы, призванные дать ответ на вызов, связанный с наследием тоталитарного прошлого. Этот вызов можно сформулировать так: несвобода, жесткие рамки административной системы, сковывающие инициативу людей, лишили общество стимулов и возможностей развития, в то время как мир входил в эпоху стремительного научно-технического прогресса и глобализации. Реформаторы в СССР видели свою задачу в том, чтобы преодолеть отчуждение общества от политики, дать людям возможность участвовать в изменениях и влиять на принимаемые решения — то есть становиться гражданами. Пусковым механизмом реформаторского курса на демократизацию стала Гласность. Только в атмосфере гласности СМИ смогли обеспечить обратную связь, необходимую для реального диалога общества и власти. Вопрос о Гласности и ее роли в реформировании общества не потерял своей остроты и актуальности в современной России. Этой теме посвящены материалы второй части Горбачевских чтений.

Содержание

От редактора 3

ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

Выступления на презентации книги

«Отвечая на вызов времени»

<i>М.С. Горбачев</i>	6
<i>А.С. Черняев</i>	14
<i>Р.А. Медведев</i>	15
<i>В.Л. Шейник</i>	18
<i>Ф.Я. Лукьянов</i>	23

Выступления на сессии

«Перестройка в мировой истории XX века»

<i>В.Б. Кувалдин</i>	27
<i>Арчи Браун</i>	32
<i>А.А. Бессмертных</i>	38
<i>С.М. Rogov</i>	42
<i>Стивен Коэн</i>	46
<i>Джульетто Квеза</i>	49

Выступления на сессии

«Современные мировые вызовы и поиск

«нового мышления»

<i>Вальтер Юрген Шмид</i>	51
<i>Ф.А. Лукьянов</i>	55
<i>Билл Таубман</i>	61
<i>С.А. Савранская</i>	63
<i>Б.И. Макаренко</i>	68
<i>Фредо Ариас Кинг</i>	71
<i>П.Р. Палажченко</i>	73

ГЛАСНОСТЬ И РЕФОРМЫ В РОССИИ: ОЦЕНКИ, МИФЫ, ФАКТЫ

Вступление

О.М. Здравомыслова74

Доклады

Начало реформ: пусковой механизм

А.А. Левандовский75

Гласность в политике Перестройки

В.Л. Шейнис90

Дискуссия

**«Один из главных элементов гласности — изучение
общественного мнения»**

А.Г. Левинсон102

**«Гласность с самого начала рассматривалась
как одна из главных черт демократии»**

В.А. Медведев106

**«Опыт Перестройки в Свердловской области:
революция ценностей или инерция развития?»**

М.С. Ильченко111

**«В сегодняшней России заметно различие между
гласностью и свободой СМИ, или свободой печати»**

М.А. Липман116

**«Бюрократическая система в России
опять находится на пути контрреформ»**

Ю.Г. Чернышов128

Статьи

Гласность 20 лет спустя: томский оазис

Н. Погодаев133

Как мы воспринимаем прошедшее, ставшее уже историей

В.Л. Каплун147

ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

Выступления на презентации книги «ОТВЕЧАЯ НА ВЫЗОВ ВРЕМЕНИ»¹»

М.С. Горбачев

Я начну свое выступление с воспоминания о том, что произошло в первые дни, непосредственно следовавшие за мартовским, а потом апрельским Пленумами ЦК КПСС в 1985 году. Через эти события многое становится яснее. Именно тогда обнаружилось многое из того, с чем нам пришлось встретиться в дальнейшем.

Уже в самые первые дни мне захотелось услышать, что же говорят люди. Я неделю ездил на московский завод ЗИЛ: ходил по цехам, встречался с людьми, заходил в магазины, в заводскую больницу. Это был непосредственный контакт с людьми. Я выслушал много интересного и почувствовал, что люди хотят поддержать нас — это было самое главное. Никакая журналистика не заменит этих встреч с людьми — того, когда видишь их глаза и слышишь, что они говорят, о чем думают.

Это было интересное общение. А потом в конференц-зале ЗИЛа я встретился с большой группой представителей завода: «Хочу впервые вам сказать то, о чем до сих пор не говорили ни Генеральный секретарь, ни члены Политбюро. С конца 70-х годов мы сдаем позиции: падают темпы экономического развития страны. Когда приходил к власти Андропов, показатели темпов экономического роста были отрицательными. Правда, советская статистика отличалась от других статистик тем, что она смогла «решить» и эту задачу. Кое-как мы вытянули ситуацию, но уже тогда экономика была в тяжелом состоянии».

¹ Книга «отвечая на вызов времени. Внешняя политика Перестройки: документальные свидетельства» опубликованна Горбачев-Фондом в издательстве «Весь мир» в 2010 году

В первые дни после назначения Генеральным секретарем ЦК КПСС я, не откладывая, поехал в Ленинград. (Тогда город еще назывался «Ленинград». Сейчас я понемногу привык к другому имени, но с трудом привыкал, что это — не Ленинград, а Петербург).

Я считал нужным поехать и проинформировать ленинградцев — они особый народ, в нашей истории сделавший многое, показавший пример мужества и стойкости. Я всегда с любовью относился к Питеру и уважал его жителей.

По пути из аэропорта, выйдя из автомобиля на Московском проспекте, я подошел к памятнику, посвященному прорыву 900-дневной блокады Ленинграда. Там уже собрались люди. Натура у меня такая: если вижу, что люди пришли и что-то хотят сказать или спросить, или просто увидеть, — я реагирую на это всегда. Таким был мой опыт работы секретарем крайкома партии — таким остался и сейчас.

Побывав на многих предприятиях города, я поехал в Смольный на заключительную встречу с представителями разных слоев ленинградцев.

Когда я улетал в Москву, Зайков — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС — вручил мне пленку записи той встречи. Потом, когда мы с Раисой Максимовной вернулись домой, то решили посмотреть эту пленку. Запись встречи произвела на меня огромное впечатление. Я подумал: надо, чтобы все это увидели люди. Позвонил Егору Кузьмичу Лигачеву² (он был на работе) и сказал: «Сейчас пришлю тебе пленку, подумай, что с ней сделать: может быть, в обкомы разослать. Потому что всегда информация сообщается коротко: выбирают какие-то тезисы, которые понравились журналисту».

Егор Кузьмич перезвонил мне: «Мы с Михаилом Васильевичем Зимяниным сейчас посмотрели запись. У меня такое впечатление, что ничего не надо трогать, как есть — так все и показать. Кое-где, правда, есть неряшливости».

По-моему, именно с показа на телевидении моей встречи с ленинградцами началась Гласность. На той встрече говорилось много неприятного о том, что у нас происходит.

² Е.К. Лигачев — член Полит бюро ЦК КПСС в 1985–1990 году.

Потом была Украина. В Днепропетровске я спрашивал:

— Как вы смотрите на то, что мы начинаем?

— Хорошо, правильно.

Я спросил:

— Что-то такие редкие, одиночные голоса — каково общее мнение?

Зал ответил:

— Правильно. Так держать!

Я ездил по стране и заряжался на все последующие годы. Это было важно.

На Украине, на встрече с партийным активом, я сказал добрые слова об огромной республике (которая теперь — самостоятельное государство). А потом, когда начал перечислять, что надо делать лучше, это не совсем понравилось украинцам. Это была зона Леонида Ильича Брежнева — у нас же все было распределено по зонам. (Существовала, например, зона обороны: в книге, которую я сейчас заканчиваю, я говорю об Устинове, о том, как он оберегал свою зону.) Тем не менее с украинским активом мы расстались по-хорошему. Но я сказал им то, что хотел сказать. Я был бы не я, если бы не сказал этого.

В Минске были очень теплые и откровенные встречи. Потом сразу поехали в Восточную Сибирь: я, Байбаков, Долгих, Ельцин, Черномырдин и другие. От этой поездки осталось самое сильное впечатление, которое я помню до сих пор. Мы начали с Нижневартовска, доехали почти до Полярного круга, посетили Уренгой.

Поразило меня то, что главный разговор был — человеческий.

Нефтяники говорили:

— Наверное, Михаил Сергеевич, все знают, что нефть и газ нужны всем. Но вы посмотрите: живем мы в вагончиках, не хватает молока. Товары нам сбывают залежалые — из других областей, где их не продали.

Особенно остро выступала молодежь в Уренгое. Их там было немного, они почти всем городом вышли. Говорили:

— Не можем слетать в Москву или куда-то еще. Нет авиационных связей. Мы оторваны от большой земли.

Но что удивительно: как бы они ни были возмущены, взволнованы, тем не менее, со мной разговаривали как хозяева края. Не как временщики, а как люди, приехавшие сюда навсегда. Поэтому все их беспокоило.

Когда впитываешь в себя все это, то понимаешь, что с такими людьми надо строить отношения очень серьезно. По возвращении в Москву быстро разработали решения, которые сняли многие проблемы. Они выполнялись — и дело быстро поправилось. У нас начался прирост добычи нефти. Потом, когда разгорелись политические страсти, наше внимание к этому вопросу ослабло, и нефть стала хуже фонтанировать.

Цены на нефть упали. Я назвал это в своей книге³ — «удар в спину». Теперь мы уже знаем всю картину. Президент США Рейган и король Саудовской Аравии договорились и снизили цену на нефть с тем, чтобы создать нам трудности. В результате мы получили — 10–12 долларов за баррель. Можете себе представить?! «С нефтью» был Леонид Ильич Брежнев, а теперь и Владимир Владимирович Путин. А у нас оказалась такая ситуация, что мы потеряли 2/3 валюты. Антиалкогольная кампания намного, очень намного урезала доходы, поступающие в бюджет. Не знаю, насколько это все верно, — но нам поступали данные, что за счет пьянства и всего того, что с ним связано, мы ежегодно теряем больше 100 млрд. рублей.

Поездки по стране «завели» всех. Я всех остальных попросил тоже поехать и увидеть своими глазами, что происходит. Но, в основном, мои коллеги поехали в 86-м году, после съезда партии.

Вспоминаю поездку в Самару. Приезжаю — тишина, никаких вопросов у руководства и никаких движений. Такое впечатление, что «машина времени» перенесла меня назад. Причем люди пытаются мне что-то сказать — партийные секретари их придерживают.

Я сказал: «Подождите. Люди со мной хотят побеседовать. Успокойтесь. Я же не вас спрашиваю» — пришлось даже так действовать.

³ Подготовленная к изданию рукопись книги М.С. Горбачева «Наедине с собой»

Разговор был один и тот же: «Чтобы Вы, Михаил Сергеевич, знали: ничего не происходит. Как было раньше, все так и есть».

После съезда⁴ я собрал всех (членов Политбюро и руководителей с мест) поделиться впечатлениями о том, что происходит в стране. Кажется, маховик перемен уже должен был по-настоящему набирать обороты. Оказалось, что у всех — точно такое же впечатление, как и у меня...

Это была тревожная информация. Мы начали думать: что делать? Всплыл главный вопрос — кадры. Еще при Юрии Владимировиче Андропове и его правлении мы начали менять кадры. С приходом нового руководства эта работа была продолжена. В состав руководства пришли тогда: Лигачев, Рыжков, Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, Воротников, Чебриков, Разумовский, Ельцин, потом Никонов, Добрынин, Слюньков, Лукьянов, Бирюкова, Талызин, Ивашко, Геренко, Фалин, Семёнова. И это — еще не все.

Одновременно шел процесс кадрового обновления на уровне областей, краев, на уровне горкомов и райкомов партии. Десятилетиями оставаясь на месте, люди теряли, по-моему, не только интерес, чувство ответственности, но и вкус к работе.

Надо было что-то решать о самих механизмах, которые бы заработали и вернули людей к настоящей активности, ответственности за дело. Это был самый сложный вопрос.

Мы стали обсуждать все это и принимать решения. Пленумы проходили один за другим. В общем, начало показало, что мы, как говорил Андропов, не знаем своей страны. Но это даже мало сказать...

Мы пришли к выводу, что нужен пленум по кадрам, причем под углом зрения Перестройки — чтобы люди понимали: другая жизнь пришла, иначе надо ее строить. Ведь уже в 86-м году мы внесли первые изменения в планирование, в оценку работы предприятий. Промышленным министерствам разрешили фирменную торговлю. Много практических предложений было внесено, чтобы вызвать интерес у людей, занятых в различных сферах.

⁴ XXVII съезд КПСС работал с 25 февраля по 6 марта 1986 г.

И, тем не менее, шли письма, что ничего нового не происходит. Из Белоруссии пришло письмо от рабочего, который требовал: «Дайте команду ударить по штабам!».

В это время я поехал в Красноярск и Норильск. В литейном цехе (это большой комбинат, народ боевой) меня окружили: «Вы знаете, что ничего у нас не меняется? Ничего не улучшилось!»

Все требовали улучшений — ждали, что улучшиться должно сразу. Пресса показывала, что люди ждут улучшения, — а ничего не происходит. (Умная пресса скажет: надо помочь, но надо иметь в виду, что не все происходит сразу.) Я думаю, что эти дни вызвали беспокойство у всех.

Нельзя не сказать и о международных делах, которыми мы начали заниматься с первых дней. Я и Громыко беседовали с представителями иностранных делегаций, приехавшими на похороны Константина Устиновича Черненко. Встречались со всеми руководителями Варшавского Договора, с вице-президентом Бушем, Колем, Тэтчер, Накасонэ. Это, по сути дела, большая плеяда. Состоялись очень важные и интересные беседы.

Кстати, о том, как началось сотрудничество с Андреем Андреевичем Громыко. Нам, конечно, было известно, что со здоровьем у Константина Устиновича Черненко, — плохо, причем очень плохо. Но смерть, как всегда, приходит неожиданно. Вечером, 10 марта 1985 года, когда я вернулся домой после работы — вдруг звонок академика Чазова: «Скончался Константин Устинович».

Я назначил заседание Политбюро на 11 часов. Всех членов Политбюро обзвонили. А с Громыко я решил встретиться раньше, накануне заседания — и поговорить с ним. У меня был такой принцип: пока жив Генсек, никаких разговоров и попыток не должно быть. А суета, возня — были, группировки были, шепот... Потрясающее живое время.

Аппарату некогда было работать: обсуждали ситуацию. Я это останавливал.

Мне задавали вопрос и Рыжков, и Лигачев. Я говорил им: «Поживем-увидим. Давайте не будем при живом Генсеке осуждать такие вещи — и тем более со мной»: по поручению

К.У. Черненко, я, фактически, руководил тогда и Политбюро, и Секретариатом.

До последнего дня я ни с кем не говорил, — а с Громыко решил поговорить. Андрей Громыко — крупная фигура не только в масштабах отечественной, но и мировой политики. Он был не просто дипломатом, но и выдающимся политическим деятелем.

Мы встретились. Разговор продолжался три-пять минут, поэтому я помню его почти наизусть.

Я сказал:

— Мы все ожидали, и этот момент пришел. Ситуация в стране тяжелая. Люди требуют перемен — везде. Перемены нужны: дальше так жить нельзя. Надо решаться, хотя и опасно. Думаю, нам с Вами нужно объединить усилия.

Он сказал:

— Я полностью согласен с Вашей оценкой и готов сотрудничать.

На этом наш разговор закончился. Я думаю, это был очень важный шаг. Потому что никакой команды у меня не было. Команду надо было создавать.

Единственный, с кем я в эти годы работал, постоянно был в контакте, — Вадим Андреевич Медведев, который тогда руководил Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Мы обсуждали важнейшую тему — отношения собственности: пару статей я написал с его участием. Я рекомендовал Вадима Андреевича Андропову. Тот был полностью согласен, поскольку знал Медведева. Но сказал ему: «Я только Вас прошу, ради Бога, не спешите стать академиком». У Андропова это вызывало возмущение: берут человека на работу в ЦК КПСС, а он, прежде всего, думает о том, как устроить свою карьеру: стать академиком или членом-корреспондентом, чтобы создать плацдармы для отступления...

Я бы сказал так: 86-й год и первая половина 87-го года — это время, когда мы вползали в политический кризис. А ведь тогда началась еще и Гласность, был Чернобыль, антиалкогольная кампания. Произошли международные встречи с Рейганом, Миттераном.

Французы были инициаторами идеи разрядки. Мы это учитывали. Была потрясающая поездка во Францию⁵. Тот, кто помнит ее (она освещалась очень подробно), может это подтвердить.

Потом произошла встреча с Рейганом⁶. Многие крупные деятели из числа республиканцев советовали ему не встречаться с Горбачевым. Даже писали письма, потом делали утечки этих писем, направленных Рейгану. Особенно был настроен «против» министр обороны США Уайнбергер.

И тем не менее встреча с Рейганом состоялось. Расскажу о ней в нескольких словах.

Встретились, пожали друг другу руки. Началась беседа. Делегации остались, а мы удалились на 30–40 минут. Когда закончилась беседа, я вышел — меня спрашивают: «Какое впечатление, Михаил Сергеевич?». Я говорю: «Настоящий «динозавр».

Журнал «Ньюсуик» на той же неделе — вслед за встречей — сделал утечку информации. Рейгану задали точно такой же вопрос. И он сказал: «Твердолобый большевик».

Началось с этого. Но через два дня два «твердолобых» (динозаврами как-то не хочется называть) пришли к тому, что вышло заявление, которого ждал весь мир. До этого руководители СССР и США не встречались шесть лет — в самых тяжелых, накаленных ситуациях холодной войны. Наконец, встретились. Это должно было закончиться или провалом, или документом. Документ получился. В нем было сказано, что «ядерная война недопустима, в ней не может быть победителя». И еще: что «наши страны не будут стремиться к военному превосходству».

Так начиналось...

Стоит еще сказать, что уже на первой встрече с руководителями Варшавского Договора было сказано (все это зафиксировано): «Мы с вами друзья, но мы независимы друг от друга, каждая страна проводит свою политику и сама за нее отвечает. СССР не будет вмешиваться в ваши дела».

⁵ Официальный визит Горбачева во Францию 2-5 октября 1985 года.

⁶ Советско-американская встреча на высшем уровне в Жиневе 19-21 ноября 1985 года.

Я думаю, они посмотрели и подумали: новичок пришел. Но мы-то не вмешались ни разу! Практически, нигде не вмешались.

В общем, в течение двух-трех лет произошло то, что я называю «прелюдией Перестройки». Начало Перестройки — 1987 год.

...Думаю, первое, что каждый журналист, а уж тем более интеллектуал должен был бы сказать сейчас: модернизировать, демократизировать, очеловечивать страну, общество — как они могли решиться взяться за все это?!

А.С. Черняев,

*эксперт Горбачев-Фонда, в 1986–1991 гг. — помощник
Генерального секретаря ЦК КПСС, затем Президента
СССР М.С. Горбачева по международным делам*

Идея книги «Отвечая на вызов времени» принадлежит Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Составителями текстов были А.Б. Вебер, А.А. Галкин, Ю.А. Красин, В.А. Медведев, П.П. Палажченко — доктора наук, профессора, профессионалы высокого класса. На меня была возложена обязанность координатора проекта. Книга состоит из записей бесед Михаила Сергеевича, а также из стенограмм заседаний Политбюро, посвященных международным вопросам. Мы выбирали материалы из этих записей, из этих бесед, но не отбирали. Я подчеркиваю разницу, поскольку мы стремились, чтобы цитаты отражали реальную ситуацию в отношении объекта бесед, предмета, а также проблем, направлений, даже персоналий, с которыми имел тогда дело Михаил Сергеевич. Мы стремились, чтобы все соответствовало тому, как было в действительности.

То, что вошло в книгу, воссоздает картину практики внешней политики Перестройки и развития политического мышления в международном политическом поле.

Книга построена хронологически. Хронология определяет не только датировку, но и логику развития отношений по тому или иному направлению, с той или иной страной, по той или иной проблеме. Какой-нибудь дотошный читатель скажет: «Ага, Михаил Сергеевич, здесь в 86-м году Вы говорили об

этом вопросе так, а в 89-м и 90-м годах Вы о том же самом говорили совсем иначе». Мы считаем, что в этом как раз и состоит достоинство книги, потому что происходило развитие практики внешней политики и развитие мысли — самого внешнеполитического мышления.

Исключалось смысловое редактирование текста записей.

Мы старались передать живую картину той политики, как ее вел Горбачев, показать его дипломатию — совершенно новую дипломатию.

По существу, именно Горбачев ввел в мировую политику понятие диалога. Но в его представлении диалог — это дипломатия не с целью обмануть собеседника или как-то обойти его. Откровенность Горбачева в его общении с собеседниками, потрясая тогда внешнеполитический мир, исходила из принципа, исключающего обман собеседника. Это было очень существенно для успеха этой политики.

О внутренних делах, о внутреннем развитии Перестройки существуют разные мнения — хотя в принципе, с точки зрения истории — это, конечно, подвиг. Что же касается внешнеполитического поля, безусловно здесь был реальный, исторический поворот. Это признано во всем мире.

В.А. Медведев,

*член-корреспондент РАН, эксперт Горбачев-Фонда,
секретарь ЦК КПСС (с 1986 г.), член Политбюро
ЦК КПСС (1988–1990 годы)*

Мне — тогда Секретарю ЦК КПСС, в течение двух с половиной лет пришлось непосредственно заниматься вопросами взаимоотношений нашей страны с нашими союзниками и друзьями — социалистическими странами. Этому посвящена четвертая глава книги.

Наша политика в отношении социалистических стран, в общем, выражается формулой: мы покончили с «доктриной Брежнева». Это действительно так. Мне хотелось бы ввести один корректив в этот тезис. Дело в том, что «доктрина Брежнева» (под таким названием эта политика вошла в историю) получила свое название по понятным причинам.

Автором «доктрины» является не Брежнев, который только ее подхватил. Есть более крупные авторы этой доктрины — это, конечно, Хрущев и, конечно, Сталин, которые, в общем-то, ничего не провозглашая, вели политику жесткого диктата по отношению к социалистическим странам, не останавливаясь ни перед чем, когда руководители тех или иных стран начинали проводить какую-то иную политику — отличающуюся от советской.

Конечно, Брежнев является организатором вторжения в Чехословакию. Но было еще вторжение в Венгрию при Хрущеве. Было отлучение от социализма и остракизм по отношению к титовской Югославии со стороны Сталина. Был, наконец, разрыв — труднообъяснимый с современной точки зрения — с великой страной Китаем.

Так что, мне кажется, характеризовать внешнюю политику Советского Союза по отношению к соцстранам только формулой «отказа от доктрины Брежнева» — не совсем точно. Я думаю, что можно и нужно ставить вопрос более широко. В Перестройку политика Советского Союза в отношении социалистических стран была коренным, кардинальным разрывом со всей той линией, которую вели наша страна и ее руководство, начиная с победы в Великой Отечественной войне и образования мировой социалистической системы.

Этим подчеркиваются значение и важность нашей политики в отношении социалистических стран, и это вписывается в общий контекст политики горбачевского руководства — политики Перестройки. Она должна противопоставляться не только политике Брежнева, но всей той линии, которую проводила наша страна в послевоенный период.

Мое второе замечание касается отношения и влияния советской Перестройки на положение в социалистических странах. Теперь всем ясно, что влияние было огромным и, по сути дела, предрешило судьбу развития мировой истории в этом районе нашей планеты. Конечно, надо учитывать то, как отреагировали на Перестройку руководители социалистических стран. Здесь я бы выделил два полюса — не две крайности, но именно два полюса. Первый — это Венгрия и Польша. Кстати говоря, с руководством и той, и другой страны — Яношем Кадаром и Войцехом Ярузельским — сложились самые тесные связи, и было

достигнуто самое лучшее взаимопонимание. И это связано с тем, что в этих странах еще до Перестройки начались некоторые демократические процессы и в экономике, и в политической жизни, которые в дальнейшем привели не к революции 89-го года, а к постепенной эволюции, постепенному освобождению от груза прошлого и выходу на современный уровень развития.

Другая крайность — ГДР и Румыния, где отношение к Перестройке не характеризовалось пониманием, но где не было активного сопротивления. Сколько мы получили демаршей в свой адрес по поводу публикаций в советской печати от руководства ГДР — Хонеккера, Хагера и других деятелей. Они высказывали протест против публикаций, имевших (или даже не имевших) прямого отношения к ГДР... Сколько дискуссий было с Чаушеску! С ним было много встреч и острых дискуссий по самым животрепещущим вопросам социально-политического развития нашей страны.

Это, конечно же, отражало особенности внутренней политики этих стран. Не случайно, именно в ГДР и Румынии процесс трансформации, развивавшийся во всех соцстранах, приобрел взрывные формы, которые привели в Румынии к многочисленным жертвам из-за попыток Чаушеску подавить силой демократическое движение.

Наконец, «бархатные революции», характерные для Чехословакии, Болгарии в какой-то степени...

Перемены в социалистических странах, которые явились логическим следствием и политики Советского Союза, и советской Перестройки, — перемены в этих странах, в общем-то, не во всем были приятны — я так могу сказать — для нашей страны. Тем не менее, мы исходили из исторической реальности и практических задач. И, несмотря на то, что эти процессы приняли взрывной характер с компонентом антисоветских настроений, руководство нашей страны и Горбачев приняли все меры к тому, чтобы перемены в бывших социалистических странах приобрели демократический, цивилизованный характер, чтобы они не отразились коренным образом на наших взаимоотношениях. Характерно, что в течение 90–91-го годов Горбачев встретился, по сути дела, со всеми новыми лидерами — с Вацлавом Гавелом, Тадеушем Мазовецким — (польским премьер-министром, активистом «Солидарности»), с

Ионом Илиеску в Румынии, с руководителями Венгрии, Болгарии и других бывших социалистических стран.

Речь шла о том, чтобы сохранить то положительное, что накоплено в наших отношениях, отказаться от того, что исчерпало себя и отвергнуто историей, и попытаться наладить новые отношения между нашими союзниками, между нашими ближайшими соседями.

К сожалению, в дальнейшем, в 90-е годы эта линия не получила никакого развития. Более того, я не припомню серьезных визитов, которые бы руководители бывших соцстран нанесли в Российскую Федерацию, не говоря уже о том, что Ельцин не посетил ни одну из бывших социалистических стран. Это, по-моему, нанесло очень серьезный ущерб. Более того, Ельцин не только не пытался препятствовать расширению НАТО на Восток, но, наоборот, в некоторых своих заявлениях даже приветствовал этот процесс.

Думаю, совершенно не оправданно, чтобы отношения современной России с нашими ближайшими соседями носили ненормальный, тем более конфронтационный характер. Конечно, не все зависит от нас. Конечно, нам не нравится то, что расширяется НАТО и т.д. и т.д., что идет переориентация бывших соцстран на Запад. Но надо не просто констатировать этот факт. Надо находить пути нормализации отношений и с нашими бывшими республиками — теперь самостоятельными государствами, и с нашими соседями — бывшими союзниками по Варшавскому Договору, Совету Экономической Взаимопомощи.

Мне кажется, что сегодня в этом плане делается недостаточно. А это — жизненно важная задача и, думаю, что от ее решения нам никогда не уйти.

В.Л. Шейнис,

д.э.н., профессор ИМЭМО РАН

Книга произвела на меня исключительно большое впечатление, как и другие работы, изданные Горбачев-Фондом, которые, на мой взгляд, чрезвычайно полезны.

Книга «Отвечая на вызов времени» — очень полезна и очень нужна, по крайней мере, по двум причинам. Первая за-

ключается в том, что она возводит преграду на пути фальсификации истории.

Я думаю, что эту книгу надо послать в созданную недавно Комиссию по фальсификации истории и сказать: «Уважаемые господа-товарищи! Идет вал материалов в средствах массовой информации, прежде всего — телевизионных сюжетов. Выпускаются разного рода подделки, недостойные, неумные. Но они оказывают (я это знаю по своим студентам) влияние на молодежь, которая не знает реальных фактов. Книга «Отвечая на вызов времени» дает вам реальную картину».

Второе, может быть, еще более существенное. А именно: я позволю себе сформулировать следующий тезис. Я думаю, что все отчетливее вырисовывается необходимость Перестройки-2. Перестройки-2 во внутренней политике и, может быть, несколько в меньшей степени, а может быть, в такой же степени — во внешней политике. Ибо мысль Михаила Сергеевича, которая была выражена, между прочим, очень четко в его известной публикации 87-го года «Перестройка и новое мышление», была совершенно крамольной для того времени, для идеологических служб: «мы живем во взаимосвязанном, взаимозависимом, хотя и противоречивом мире».

М.С. Горбачев. Одно слово пропущено — целостном.

В.Л. Шейнис. Целостном — совершенно верно.

Я могу рассказать один личный эпизод. В 87-м году я приехал в Берлин и выступал перед немецкими учеными. После выступления ко мне подошел один знакомый немец, который не знал русского языка. Тем не менее, он обратился ко мне с просьбой: не могу ли я прислать ему хотя бы на русском языке экземпляр книги «Перестройка и новое мышление», потому что в Германии в 87-м году эта публикация блокировалась. Он рассчитывал, что ему переведут самое важное в этой книге...

Мне хотелось бы подчеркнуть, что восприятие тогда у многих было таким: наш мир — взаимосвязанный, взаимозависимый, целостный, правда, еще противоречивый. Но взаимозависимость как бы вытесняет противоречия. Глядя на события последнего времени, — из того времени — необходимо констатировать, что противоречия не ушли. Более того, возникли новые противоречия.

Да, сегодня чрезвычайно маловероятна, практически, исключена перспектива взаимного обмена ядерными ударами со стороны России и Соединенных Штатов. Но возникли новые, грозные опасности. Листая книгу «Отвечая на вызов времени», я обнаружил в ней слова Горбачева: человечество перестало быть бессмертным. Это очень точная и важная мысль.

Новые опасности реально угрожают человечеству. Думаю, что понимания этого не хватает и на Западе. Но это проблема западных ученых, западных политиков, западного общественного мнения. Я хотел бы подчеркнуть, что понимания не хватает также и у нас. (В этой связи характерна мимоходом оброненная фраза одного из бывших кураторов нашего нынешнего премьер-министра, относящаяся ко времени, когда тот еще был рядовым сотрудником известных служб: у него пониженное чувство опасности.)

Возвращаясь к книге, назову несколько моментов, с моей точки зрения, особенно актуальных именно в сегодняшней ситуации.

Первое — осознание грозящей опасности и подход к новому мышлению. Импульс к нему дало именно осознание опасности. В книге можно найти замечания Михаила Сергеевича при обсуждении доклада на XIX партконференции (1988 год). В одном из первоначальных текстов, было сказано: «Угрозу ядерной войны удалось отодвинуть благодаря нашей силе» — это была традиционная интерпретация. Это положение было удалено и заменено, как я понял, по инициативе Михаила Сергеевича: «Угрозу ядерной войны удалось отодвинуть **благодаря новому мышлению**». Это, на мой взгляд, один из ключевых моментов.

Далее. Способность критической оценки ситуации, самокритика. На меня произвел большое впечатление рассказ Михаила Сергеевича о том, как еще до Перестройки, гуляя по берегу Черного моря, он обменялся с Эдуардом Шеварднадзе своими впечатлениями о том, что происходит. Вот фраза: «страна больна, все прогнило».

Я мог бы сослаться, например, на известное положение, (много раз цитированное), из последнего Послания президента Медведева, где он достаточно жестко оценивает развитие в

нулевые годы. Но, к сожалению, отличие заключается в том, что за самокритикой Горбачева последовали дела. Не сразу. Я могу сказать как наблюдатель, как человек, находившийся в самом низу общественной пирамиды (научный работник, преподаватель), как нас подчас огорчала и раздражала замедленность Перестройки.

М.С. Горбачев. Но теперь ты понял, что слишком быстро мы шли.

В.Л. Шейнис. Нет, Михаил Сергеевич, я не понял этого. Думаю, что очень многое было потеряно именно из-за медленности.

М.С. Горбачев. Мы с тобой — старые оппоненты. В этой связи вспоминаю, как Лили Марку — историк из Франции (мы с ней встретились уже после того, как я покинул все свои должности) однажды обратилась ко мне:

— Вас в основном критикуют (это красной нитью проходит) за то, что вы медлительны, нерешительны и т.д. Вы-то как сами считаете: не спешили ли Вы?

Я отвечаю:

— Знаешь, Лили (мы уже по-дружески общались), было и то и другое. В чем-то мы поспешили...

— Ваши «горбачевские» разъяснения мне не нужны. Вы скажите, что Вы считаете: спешили Вы или все-таки медленно шли?

Я ответил:

— Я думаю, спешили.

Она говорит:

— И я такого же мнения.

Насколько наше общество в его тогдашнем состоянии, пережившее длительный период тотального контроля во всем, в том числе и в сфере творчества, было готово к тому, чтобы сразу перейти из одного состояния в другое? То, что будет трудно, — все знали. Но что **так** будет — не знал почти никто.

В.Л. Шейнис. Михаил Сергеевич, я согласен с тем, что Вы сказали вначале Вашей французской знакомой, что в чем-то медленно и в чем-то быстро. И думаю, что Вы в заключительном, обобщающем замечании поспешно с ней согласи-

лись: что в целом, двигались слишком быстро. Я думаю, что это не совсем так...

Хотел сказать, что давление, которое оказывала та часть нашего общественного мнения, которую Михаил Сергеевич называет «радикальной», — это был, на мой взгляд, важным и полезным фактором развития политической ситуации. Хотя кое в чем мы были не правы. Я об этом тоже говорил и писал.

Мне хотелось бы обратить внимание на моменты, которые мне кажутся дискуссионными, но, тем не менее, чрезвычайно важными.

Прежде всего, о приоритете общечеловеческих ценностей. В те времена альфой и омегой партийной пропаганды был пресловутый классовый подход. Классовый подход — это была удавка, с помощью которой душили свободную мысль. Это реальность. И я мог бы привести множество фактов и из опыта своей работы, и из опыта работы моих коллег. Так вот, четкое заявление Горбачева по поводу ссылок на то, что мы — авангард рабочего класса: «Где тот рабочий класс, на авангардную роль по отношению к которому они претендуют?».

Этот отход от классового подхода, переход на более высокую ступень понимания, на мой взгляд, был заслугой Перестройки.

Глядя на сегодняшний день, я должен сказать, что классовый подход как противоположность общечеловеческим ценностям — заменен сейчас акцентом на национально-государственные интересы. Никто не отрицает того, что национально-государственные интересы существуют. И государство обязано их реализовать. Но к национально-государственным интересам необходимо подходить диалектически (еще одна цитата, по памяти пересказываю, из книги), а именно: необходим поиск баланса интересов. Причем поиск относится не только к тому, что сталкиваются противоположные позиции, выдвигается максимальная запросная позиция и где-то вырабатывается баланс. Нет, говорит Горбачев, необходимо изначально учитывать возможности того, что может принять твой контрагент. Это, по-моему, чрезвычайно важно, но это, в значительной мере, утрачено в нынешней внешней политике.

М.С. Горбачев. «Научная» оценка со стороны других интерпретаторов такова: это предательство, когда предлагается учитывать интересы противоположной стороны.

В.Л. Шейнис. Михаил Сергеевич, подобные интерпретации я назвал бы подлостью. Именно так: зашательская критика, критика лживая, критика, которая исходит из непонимания приоритетных процессов мирового развития, — эта критика исходит или от недоумков, или от подлых людей. Такова моя позиция. Я не собираюсь ее скрывать.

М.С. Горбачев. По поводу интересов — очень важно. Да, есть классовые, корпоративные и другие интересы. Все это правильно. Но в наше время речь идет об общечеловеческом приоритете.

В.Л. Шейнис. Совершенно верно. А наша беда, на мой взгляд, заключается в следующем: к великому сожалению, сейчас провозглашается так называемая зона привилегированных интересов. Я думаю, что постановка этого вопроса оскорбительна для тех стран, которых включают в зону привилегированных интересов. Сейчас существует тезис о том, что нам надо пересмотреть границы — в мое время, когда я был депутатом⁷, все-таки этого стыдились — это же провокационные заявления.

Думаю, что политика Горбачева, ориентированная на разрыв с державническим, имперским подходом, — одна из главных заслуг Перестройки, нашедшая отражение на страницах книги «Отвечая на вызов времени».

Ф.А. Лукьянов,

главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

Даже беглое ознакомление с книгой показывает, насколько важное событие ее выход в свет.

Как человек, который никогда политику не делал, а всегда только писал и критиковал, я не имею права вдаваться в дискуссию, была ли Перестройка слишком быстрой или слишком медленной. Тем более, я думаю, что ответ на этот вопрос мы не получим никогда. Сколько будет людей, столько раз будут

⁷ В.Л. Шейнис был Народным депутатом в 1990-1993 году.

доказываться разные точки зрения, потому что каждый имеет определенную аргументацию.

На мой взгляд, в этом контексте важно другое. В общественном сознании, в особенности в сознании политической элиты сегодняшней России, все-таки закрепилось представление, что Перестройка была слишком быстрой. Эта боязнь решительных шагов, боязнь сделать какой-то принципиальный выбор в пользу перемен, в пользу модернизации, реформ (как угодно можно это называть) — заметна. Виктор Леонидович Шейнис сказал про Перестройку-2. Я не знаю, как это называть, но все понимают сейчас необходимость перемен в России. Но «синдром Перестройки» — мешает. И руководство все время боится: мы сейчас начнем быстро идти вперед, — а получится так, как в тот раз.

Я думаю, что это, конечно, ошибка, связанная с неполным пониманием того, что произошло в Перестройку. И, скажем, такие замечательные концепции, как консервативная модернизация и прочие (те, что сейчас пытаются выдвигать), показывают не наличие стратегии, а именно внутренний страх, боязнь необходимых перемен.

Символично, что мы обсуждаем книгу «Отвечая на вызов времени» в тот самый день, когда в Москве заседает «ближневосточный квартет», находятся Хиллари Клинтон и Генсек ООН. Это важное международное событие. Если посмотреть на темы, которые обсуждают Лавров и Клинтон — СНВ, Афганистан, система безопасности в Европе, проблемы Ближнего Востока, — берешь книгу, изданную Горбачев-Фондом, и идешь по главам: все эти темы там есть.

Оценивать это можно по-разному. Можно сказать, что тогда ничего не добились и поэтому сегодня вернулись — фактически обсуждается то же самое. А можно сказать, что импульс, который был дан тогда Михаилом Сергеевичем Горбачевым и идеологами Перестройки, к сожалению, не достиг результата, и в дальнейшем его не использовали так, как следовало. Поэтому многие проблемы, в особенности те, что касаются СНВ, возникают сейчас, хотя и абсолютно в другой исторической обстановке. И, конечно, эти переговоры уже отнюдь не так важны, как это было 25 лет назад. Но при этом очень за-

метно, что тогда (в книге очень наглядно это представлено) был шанс, была возможность действительно **решить** некоторые проблемы. Не все, конечно. Но тогда у Советского Союза и Соединенных Штатов в руках были золотые акции мировой политики, чего сейчас нет ни у России, ни даже у Соединенных Штатов. И сейчас все те же темы возвращаются в гораздо более сложном контексте, — во многом потому, что, к сожалению, тогдашний процесс был прерван, не дойдя до своего логического конца.

Вышедшая книга — замечательный способ наблюдать, как работали механизмы тех, действительно, исторических перемен. С одной стороны, можно видеть трансформацию позиций и Горбачева, и его партнеров. Анатолий Сергеевич Черняев говорил⁸ о кажущейся непоследовательности: 85-й год — одно, а 88-й — несколько другое. Но это была попытка адаптировать принципиальную стратегию к быстро меняющимся обстоятельствам. Это не был отказ от идеологии, идеи, которая была заложена изначально.

В книге, помимо почти детективного — для людей, которые интересуются этим — сюжета, есть чудесные картинки, маленькие эпизоды, показывающие образы политиков. Мне, например, запомнился разговор с Бушем-старшим (по-моему, 90-го или 89-го года), когда Буш говорит, что Примаков к ним приезжал, чтобы изучать опыт Конгресса. А Буш ему сказал: не надо наш опыт изучать. Нас по поводу этого Конгресса иногда просто отчаяние охватывает — как с ним дело иметь.

Это очень искренне прозвучало. А я, это прочитав, подумал, что мы американский опыт изучать не стали. Сейчас у нас, в России, с «Конгрессом» как раз все в порядке. Слава Богу, никаких проблем, как у Буша или сейчас у Обамы, — у нас нет..

В книге очень четко видна логика действий. Идут дискуссии о том, была ли вообще какая-то стратегия в то время — на мой взгляд, безусловно, была. Это видно. И видно, как эту стратегию пытались отстаивать — когда-то более успешно, когда-то менее. Я надеюсь, что это издание, как и другие из-

⁸ См. выше — выступление А.С. Черняева на презентации книги

дания Горбачев-Фонда, закладывают традицию, которая крайне важна для России.

Надеюсь, те, кто после Горбачева руководили и руководят нашей страной, рано или поздно тоже издадут нечто подобное, чтобы мы могли увидеть логику и характер действий президента Ельцина, президента Путина, президента Медведева. Пока эта инициатива не получила продолжения. Но я уверен, что она очень важна.

Самое сильное впечатление на меня произвел последний документ американского раздела — «Разговор Горбачева с Бушем»: в нем Михаил Сергеевич информирует президента США о том, что через несколько часов он сделает заявление об уходе с поста Президента СССР.

Обращаясь к этому эпизоду книги, хочу заметить, что у нас принято — всегда, но сейчас в особенности — без конца «скрежетать зубами» по поводу прошлого, упущенного, недоделанного. Какое-то самовозбуждение существует по поводу того, что все было не так и надо или переделать все, или вернуться и переиграть и т.д. К сожалению, это и сейчас во многом определяет нашу общественную атмосферу. Отчасти, мне кажется, это делается специально, в чисто инструментальных целях, отчасти — отражает внутренний раздрай в нашем обществе.

В том разговоре с Бушем Горбачев говорит, что он по-прежнему считает, что все это неправильно, что надо было решать вопросы по-другому, что единое государство в любом случае важнее, нужнее и эффективнее — но так уж вышло. И он просит Буша поддержать республики, помочь им, потому что очень важно, чтобы наши идеи продолжались.

Мне кажется, это ключевой момент. Достойный уход, — притом, что все мы знаем, какие непростые отношения сложились у Михаила Сергеевича с рядом руководителей республик, и как все было сделано в декабре 1991 года... Тем не менее, способность переступить через личное и во имя интересов страны, уже уходя, попросить главного партнера помочь тем, кто только что тебя, грубо говоря, выставил, — мне кажется, это качество как раз и объясняет, почему, несмотря на все потрясения последних 20-ти лет, мы постоянно возвращаемся к Перестройке, читаем эти книги и приходим в Горбачев-Фонд.

**Выступления на сессии
«ПЕРЕСТРОЙКА В МИРОВОЙ
ИСТОРИИ XX ВЕКА»**

В.Б. Кувалдин,

д.и.н., профессор Московской

школы экономики (МГУ), эксперт Горбачев-Фонда

Мне кажется, что Перестройке крупно не повезло в академическом плане. Есть большое обилие суждений, так называемых политологических экспертов. Очень многие из них поверхностны. Удивительно мало серьезных фундаментальных работ, и что особенно обидно — их очень мало в нашей стране.

Понятно, что это не случайность — это во многом определялось позицией тех людей, которые пришли к власти после Михаила Сергеевича. Но все-таки это, по-видимому, определенная характеристика и для нашего академического сообщества. Поэтому хотел бы еще раз подчеркнуть главное: Перестройка, безусловно, вошла в мировую историю XX века. Я бы выделил здесь, в первую очередь, три момента.

Первое. Перестройка дала нам возможность выйти из тупика того, что мы называли реальным социализмом, или государственным социализмом. Мы входили в этот тупик долго, мучительно, даже кроваво. Мы провели в нем много времени — почти весь XX век: по моему мнению, XX век начался в 1917-м году, а закончился в 1991-м, и, конечно, выбираться из него было невероятно трудно. Это была ответственность перед нашей страной, но это была ответственность и перед другими, которые зашли в этот тупик вслед за нами — во многом, руководствуясь нашим примером, а иногда — под прямым нашим нажимом.

Сегодня, пожалуй, в первый раз я услышал с такой определенностью от Михаила Сергеевича, что, с его точки зрения, Перестройка началась в 88-м году. Я с этим согласен: мне кажется, что истинное начало Перестройки — это XIX партийная конференция, старт политической реформы, после которого

движение из того, что мы называли реальным социализмом, становится необратимым.

Но прежде нам надо было изжить две иллюзии — одну большую, а другую, я сказал бы, великую иллюзию. Большая иллюзия заключалась в том, что надо почистить, поправить, навести порядок, отстроить — и все пойдет.

Это было наследие, в определенном смысле — завещание, полученное Горбачевым от Андропова. И действительно, в течение всего 86-го года — чистили, правили, проводили антиалкогольную кампанию, вводили госприемку и делали многое другое.

Вторая иллюзия, которая мне кажется великой, — это иллюзия поколения, к которому принадлежали инициаторы Перестройки. В отличие от поздних сталинистов, которые, собственно, и составляли брежневское Политбюро, это были все-таки дети другого времени — дети хрущевской эпохи, «оттепели». В них жила великая мечта об обновленном, свободном, демократическом, гуманном социализме. И когда они получили возможность эту мечту реализовать, они начали двигаться именно в этом направлении.

Но, по моему мнению, к тому моменту мечта была уже изжита — правда, не у нас, а в других социалистических странах — я имею в виду, в первую очередь, кадаровскую Венгрию, где, конечно, социализм был намного более мягким, гуманным, чем у нас. И как только венграм предоставилась возможность, — они в 89-м году пошли в другом направлении.

Я сейчас не оцениваю саму мечту, а говорю о том, что, мне кажется, она была невозможна в рамках того реального социализма, государственного социализма, основы которого были заложены сталинизмом. Мне кажется, в этих рамках она была нереализуема. И конечно, очень важно, что пришлось понемногу уходить от этой иллюзии, потому что все мы, и в том числе инициаторы Перестройки, были детьми своего времени и своего общества. И часто — особенно вначале — приходилось двигаться вперед, повернувшись при этом назад.

И было потеряно три года, была растрочена очень значительная часть того огромного политического капитала, который Михаил Сергеевич получил в начале Перестройки. И, конечно, потом в критический период, то есть в 89–91-м годах

сказался дефицит политического капитала, политической поддержки.

Мне представляется, что это было неизбежно. Потому что сама история отпустила инициаторам Перестройки очень короткое время — мне представляется, что это было время с середины 88-го до середины 90-го года, когда было принято фатальное решение о суверенитете России.

Известно, что историческая заслуга Перестройки состоит в том, что она положила конец холодной войне. Да, конечно, это сделал не один Горбачев. Да, у него нашлись настоящие партнеры, в первую очередь, в лице президентов Рейгана и Буша. Но импульс, постоянный, мощный импульс, направленный в сторону окончания холодной войны, шел все-таки из Москвы, из Кремля.

Хотел бы затронуть еще один вопрос, который меня давно интересует и мучает, — он связан с тем, как заканчивалась холодная война и с тем, как это было связано с последующим распадом Советского Союза.

Мы исходили из того, что это — две разные вещи. Холодная война закончилась в 88–89-м годах. Советский Союз прекратил свое существование в конце 91-го года. И ясно, что временной разрыв здесь существенный.

Но, тем не менее, знакомясь с материалами и документами, я вынужден был поставить эту точку зрения под сомнение. С чем это связано? Если вы внимательно прочтете книгу «Отвечая на вызов времени», то увидите, что соответствующие заверения Михаилу Сергеевичу давались. Еще Буш, после встречи в 88-м году, сказал Горбачеву, что людям, которые настроены против его курса, против него лично, нет места в Администрации США — и их в ней не будет. Бейкер, встречаясь с Горбачевым в 89-м году, сказал: таких людей в нашей Администрации нет.

Но у нас есть и другие документальные свидетельства: загляните в мемуары Гейтса. Он ясно пишет, что в руководстве США была группа, которая считала, что настоящим завершением холодной войны может быть только разрушение Советского Союза — и ничто иное. Гейтс был не одинок: он называет и других участников — Чейни, который в этот момент был

более влиятельным (он был военным министром), Бергера, Скоукрофта (частично), и Кондолизу Райс (тоже частично).

Мне представляется, что по-другому быть не могло. Все-таки республиканская администрация, республиканцы всегда были несколько правее центра. Все-таки мы только что вышли из холодной войны. И при всем огромном интересе, уважении и симпатии в американском обществе и к Михаилу Сергеевичу, и к Перестройке, как мне представляется, в составе американской элиты была очень влиятельная группировка, настроенная именно на такое окончание холодной войны.

Я хотел бы обратить ваше внимание на то, как действовала эта группировка. Она не могла действовать открыто, поскольку президент Буш был верен своей позиции. И она, соответственно, нашла своего троянского коня. Если вы заглянете в Меморандум, который Гейтс послал президенту Бушу-старшему еще летом 90-го года, сразу после избрания Ельцина председателем Верховного Совета, то увидите то, что там написано: да, Горбачев сделал свое дело — это великий человек, мы отдаем ему должное. Но ведь в душе он остается коммунистом — он же не исправился. То, что он сделал, пока у власти он, — остается обратимым. Надо нам поставить на настоящих реформаторов, которые пойдут до конца, особенно в том, что касается рынка.

Надо сказать, — и это тоже очень важно, что, как мне представляется, ни президент Буш, ни Государственный секретарь Бейкер на этой точке зрения не стояли. Они смотрели на вещи шире и дальше. Я думаю, что у Буша было четыре основных соображения. Первое заключалось в том, что он прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько опасен хаос в великой ядерной державе, и к чему может привести поддержка и поощрение радикалов.

Второе — о чем Буш со всей ясностью сказал в Киеве 2 августа 91-го года, когда навлек на себя неудовольствие именно этих людей, этого крыла. Он прекрасно понимал, что как только подымает голову этнонационализм, этнократия в республиках — о демократии можно забыть надолго. А этого он поощрять не хотел.

Я думаю, что было у Буша третье важное соображение. Он действительно видел Советский Союз партнером в мире после

холодной войны — полагаю, что все-таки он не видел его равноправным партнером, как хотели мы, он видел СССР в положении младшего партнера. Мне представляется — это и была его линия. Она обнаружилась как раз в таких ключевых вещах, как германское объединение и война в Персидском заливе. В частности, Буш использовал здесь как политик и произошедшее ослабление позиций Горбачева под ударами и справа, и слева.

Четвертое, очень важное обстоятельство. Буш и Скокрофт — аристократы по манерам, по воспитанию, по взглядам на мир (а Буш — даже по крови). И конечно, некоторые особенности поведения Бориса Николаевича Ельцина, которые проявились во время его зарубежных визитов, и, в частности, в Соединенные Штаты, их очень сильно коробили. И поэтому люди (сейчас я имею в виду и Гейтса, и Чейни), которые старательно организовывали встречу Бориса Николаевича с Бушем, тщательно «отмывали» эту сторону их отношений.

Последнее — на чем я хотел закончить и что мне кажется очень важным, состоит в том, что Перестройка оставила еще одну, третью, может быть, даже и важнейшую часть своего наследия. Перестройка оставила свое видение мира после холодной войны. Видение мира без войн. Видение мира без насилия. Видение мира, построенного на диалоге. Видение мира, в котором люди способны услышать друг друга, мира, в котором люди идут навстречу друг другу.

К сожалению, именно в связи и с исчезновением Советского Союза, и с насильственным обрывом Перестройки в результате государственного переворота, даже серии государственных переворотов во второй половине 91-го года эта линия оказалась без своего глашатая, без своего защитника. А она очень важна.

Мне кажется, что в этом заключалось колоссальное нравственное и политическое послание, которое оставила Перестройка и которое, к сожалению, пока что осталось неуслышанным и нереализованным. А когда пытаются идти другим путем (в Югославии, в Ираке) — мы видим результаты этого.

Как мне представляется, именно выход из тупиков реального социализма, окончание холодной войны, тот образ и политическое наследие, которые оставлены глобальному миру

— даже одно из этих деяний обеспечивало бы Перестройке совершенно особое место в истории XX века. К счастью, этих достижений было три.

Арчи Браун,

историк и политолог⁹,

профессор Оксфорда (Великобритания)

У Перестройки есть два величайших исторических достижения. Она сыграла решающую роль в демонтаже коммунистической системы. Ничуть не меньшую роль сыграл Горбачев в прекращении холодной войны. Мне думается, справедливым будет утверждение о том, что в марте 1985 года новый Генеральный секретарь ЦК КПСС ставил перед собой только одну из этих задач. Он *определенно* хотел прекратить холодную войну, но одновременно он хотел реформировать существующую советскую политическую и экономическую систему, а не *заменить* их чем-то иным. Только в первой половине 1988 года, в дискуссии, результатом которой стал созыв XIX Партийной конференции, выяснилось, что реформирование системы вылилось в системное преобразование. По крайней мере, так по-новому формулировали задачи Горбачев и те, кто по своим убеждениям стоял на близких ему позициях. К счастью, некоторые из этих людей и сегодня с нами.

Конечно, внутри партии и в государственном аппарате, в том числе в его высших эшелонах, было немало тех, кто по-прежнему считал Перестройку обычной корректировкой существующего здания, а не строительством фундаментально новой конструкции на новом основании.

Для многих из нас, кто на протяжении многих лет следил за ходом событий в Советском Союзе, то, что происходило в первые четыре года Перестройки, было потрясающим. Эти процессы внушали надежды, в которые верилось с трудом. В

⁹ Арчи Браун — почетный профессор политологии Оксфордского университета и почетный преподаватель колледжа Св. Антония, Оксфорд. Автор книг: *The Gorbachev Factor (1996)*, *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective (2007)*, and *The Rise and Fall of Communism (2009)* Монографии и статьи Арчи Брауна, — важный вклад в исследование и понимание Перестройки, политики М.С. Горбачева, новейшей истории России.

начале 1987 года у меня была беседа с Исайей Берлиным, крупным английским философом и авторитетнейшим специалистом по русской культуре. Я пытался убедить его, что в Советском Союзе происходят по-настоящему серьезные политические перемены. Он был настроен крайне скептически и ответил: «Я поверю, что в Советском Союзе что-то меняется, когда они напечатают «Реквием» Анны Ахматовой». После этого разговора прошло несколько недель, и я уже мог написать Берлину, что «Реквием» только что вышел из печати тиражом в 175 000 экземпляров. По мере того, как гласность становилась практически неотличимой от свободы слова и свободы печати, в 1988–89 гг. появились публикации, которые в политическом отношении были еще более потрясающими: вышли знаменитые книги Оруэлла, Кестлера и даже «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, который в 1989 году был напечатан в нескольких номерах «Нового мира».

Внутри Советского Союза прорыв к политической и духовной свободе стал одним из главных достижений Перестройки. Одновременно с этим происходили и серьезные изменения в политических институтах. Такие изменения были неполными, но принятое в 1988 году решение о переходе к многомандатным выборам в законодательные органы власти, о которых и речи не было на протяжении всех предыдущих семидесяти лет — решение о создании коллегиального органа, имеющего право критиковать исполнительную власть и способного призвать ее к ответу — означало, что система уже никогда не вернется к старому.

Система претерпевала качественные изменения. Когда в марте 1989 года на выборах Съезда народных депутатов членам партии было разрешено соперничать друг с другом на выборах и отстаивать совершенно разные политические платформы, это означало, что демократический централизм выбросили на свалку истории.

Естественно, что столь глубокие внутренние изменения в Советском Союзе оказали глубокое воздействие на Восточную Европу. Четкий отказ от, так называемой, «доктрины Брежнев-ва», согласно которой прежние советские руководители при-своили себе право осуществлять вмешательство, при необхо-

димости даже вооруженное, чтобы гарантировать сохранение коммунистического строя даже в тех странах, где коммунистический режим был навязан вопреки воле большинства населения, как ничто другое содействовал тому, что произошло в Европе в 1989 году. Горбачев в частном порядке уже проинформировал руководителей стран Восточной Европы о том, что советского вмешательства больше не будет. Однако эти руководители (верившие или не верившие в то, что так и будет) совсем не собирались сообщать об этом населению своих стран. Лидерам, не пользующимся доверием у своего народа, было удобно, чтобы люди думали, что за руководством их стран стоит военная сверхдержава, готовая в любой момент вмешаться, чтобы увековечить коммунистическую систему.

На протяжении всего 2009 года — в связи с двадцатой годовщиной падения коммунизма в Восточной Европе — предлагались разноречивые объяснения трансформаций, произошедших в 1989 году. Одна из позиций, которая была особенно популярна в Соединенных Штатах, утверждала, что с коммунизмом покончил Рональд Рейган. Определенно, Рейган сыграл роль в прекращении холодной войны, но в течение периода его пребывания у власти в Советском Союзе сменились четыре лидера — Брежнев, Андропов, Черненко и Горбачев — и ничто не менялось к лучшему ни в отношениях между Востоком и Западом, ни в сфере расширения свободы в Восточной Европе. Это случилось только тогда, когда в Кремль пришел Горбачев.

О Рейгане или о Папе Иоанне Павле II ни в коем случае нельзя сказать, что они были малозначительными фигурами. Однако роли Рейгана приписывают гораздо большее значение, чем она имела в действительности. Причиной перемен в Советском Союзе были вовсе не наращивание американской военной мощи, не СОИ и не обличение «империи зла». Эти моменты скорее укрепляли позиции сторонников жесткой линии внутри советской политической элиты, а не позиции реформаторов. Благодаря позиции Рейгана, который был готов к диалогу и который разделял стремление Горбачева освободить мир от ядерного оружия, стал возможным серьезный прогресс в отношениях между Востоком и Западом. После переизбрания на второй срок Рейган отдалился от многих его бы-

лых союзников и сторонников. Он предпочитал полагаться на рекомендации государственного секретаря Джорджа Шульца (и на то, что сообщал ему выдающийся дипломат Джек Мэтлок, который в то время был послом США в Москве), а не на скептицизм, исходивший от министерства обороны и ЦРУ. Но, несмотря на всю значительность роли президента Рейгана и Папы Иоанна Павла II, ни военная мощь Рейгана, ни моральный авторитет Папы не смогли бы уничтожить коммунизм. Именно те, кто сидел в Кремле, а не в Белом Доме и не в Ватикане, держали «на замке» двери в Восточную Европу и препятствовали новым веяниям. Именно у тех, кто сидел в Кремле, были ключи от этих дверей.

Следовательно, именно изменения, вызванные к жизни Перестройкой в Советском Союзе, сыграли решающую роль не только в демонтаже коммунистического строя в самом Советском Союзе, но и в том, что страны Центральной и Восточной Европы обрели независимость. Советская внешняя политика в период Перестройки изменилась удивительно быстро. Отчасти это произошло потому, что в течение первого года пребывания Горбачева на посту Генерального секретаря полностью сменилась высшая команда, отвечавшая за внешнюю политику. Кроме того, и сам советский лидер мог оказывать решающее воздействие на внешнюю политику, причем здесь ему было гораздо легче действовать, чем в других политических областях, особенно в экономике, поскольку в изменениях экономики было задействовано гораздо больше политических сил и институтов. Во внешней политике очень помогло то обстоятельство, что в Москве существовали научные институты, специализировавшиеся на изучении международных отношений и ситуации в различных регионах мира. В них работали первоклассные специалисты (некоторые из них продолжают работать и сейчас). Новое политическое мышление появилось не «вдруг». Оно формировалось годами, и к 1985 году стало более радикальным, когда сама ситуация стала поощрять специалистов-международников к тому, чтобы сказать то, о чем раньше говорить не позволялось. В 1985 году заговорили о том, что раньше обсуждали только в узком кругу друзей или «на кухне». Если эра Брежнева была золотым веком для советской бюрократии, то Перестройка стала золотым веком для

ученых, исследователей, работавших в академических институтах. Они, наконец, получили возможность вслух сказать то, что думали, привести свои аргументы. Самоцензура стала больше не нужна.

Первые четыре года Перестройки были революцией сверху или, как сказал сам Горбачев, «революционным изменением, осуществлявшимся эволюционными методами». И все же, если подходить к вопросу с исторической меркой, эта эволюция шла чрезвычайно быстро. Однако к 1989 году — к моменту, когда начал свою работу Первый Съезд народных депутатов, избранных в ходе первых альтернативных выборов, эволюционный характер изменений стал утрачиваться, уступая место раздробленным тенденциям. Даже в 1991 году у Горбачева оставалось достаточно силы и авторитета, чтобы не допустить репрессий и кровопролития. И его непреходящая заслуга состоит в том, что он отказался от них — не прибегнул к насилию, которое на тот момент было единственным средством, способным подавить национально-освободительные движения в ряде республик Советского Союза. Нельзя забывать о том, какие ожидания породила новая эпоха — то, что в 1989 году, когда в странах Восточной Европы один за другим пали коммунистические режимы и эти страны обретали независимость, советские войска оставались в казармах. Это, естественно, воодушевляло народы стран Прибалтики, которые поверили, что они тоже способны добиться независимой государственности.

Здесь следует отметить, что реформаторам в советском руководстве следовало бы отнестись к Эстонии, Литве и Латвии как к особому случаю и быстрее предоставить им независимость, к которой они стремились. Но такие выводы легко делать, когда «сидишь в кресле» — профессор из Оксфорда к ним приходит легче, чем руководитель огромной страны, который сразу на нескольких фронтах бьется с политическими противниками, отстаивая свою жизнь в политике. Если вспомнить, что Брежнев, как вспоминают его собеседники, в частных беседах говорил, что не удержался бы на посту Генерального секретаря, если бы стерпел отход Чехословакии от социализма (которая в 1968 году даже не заявляла о выходе из

Варшавского Договора), то становится понятно, почему другой Генсек, позволивший странам Варшавского Договора придти к политической самостоятельности, хотел, как минимум, замедлить и отрегулировать процесс в момент, когда утрачивались части уже самого Советского Союза.

Курс на радикальные реформы, который Горбачев проводил, начиная с 1985 года, был в высшей степени желательным, но отнюдь не заранее predetermined. Это был политический выбор. Но были и другие варианты, которые в случае своего осуществления означали бы продолжение холодной войны, в особо острые моменты грозившей перерасти в ядерную военную катастрофу. Ее мог вызвать технический сбой или человеческая ошибка. Существование коммунистических систем в Советском Союзе и в Восточной Европе можно было бы продлить еще на несколько десятилетий, но для этого в случае острой необходимости пришлось бы прибегать к более суровым репрессиям, причем даже в ситуации, когда разрыв между двумя частями Европы постоянно расширялся.

Относительный экономический спад стимулировал реформы, однако не требовал их с неизбежностью: для слома сильного авторитарного режима требуется нечто большее, нежели только дефицит бюджета и падение темпов экономического роста. Коммунистическая система имела в своем распоряжении сложный арсенал средств поощрения за конформное политическое поведение и иерархию взысканий в случае политического отступничества. Из материалов интервью, их мемуаров и архивных документов мы знаем, каких взглядов придерживались члены Политбюро на момент смерти Черненко. Думаю, будет справедливым сказать, что только один из них стал бы продолжать политические преобразования, когда выяснилось, что это означает конец монополии Коммунистической партии на власть, и что все глубокие проблемы общества, которые в течение десятилетий загонялись вглубь, всплывут на поверхность политической жизни. К счастью, именно этот человек был наделен огромной силой убеждения, полномочиями назначать и пользовался гораздо большим авторитетом, чем кто-либо из его коллег.

Может показаться парадоксальным, что Генеральный секретарь ЦК КПСС сыграл решающую роль в демонтаже коммунистических систем в Европе. Но факт остается фактом: самым главным в этом процессе была новизна политического мышления, присущая политике, в руках которого было сосредоточено больше власти, чем в руках кого бы то ни было другого в странах советского блока. И хотя в 1989 году массовые движения снизу ускорили падение коммунистических режимов в Восточной Европе, их возникновение стало результатом фундаментальных изменений, которые на тот момент уже произошли в Советском Союзе, в том числе и в советской внешней политике. Таким образом, ключевые решения, которые сделали возможной демократизацию 1989 года, принимались не в 1989-м, а в 1988 году. И принимались они не в Варшаве, Будапеште, Берлине или Праге — они принимались здесь, в Москве.

А.А. Бессмертных,
президент Внешнеполитической ассоциации,
Министр иностранных дел СССР (1991 г.)

К теме Перестройки мы будем возвращаться многократно — десятилетиями, а может быть, столетиями. Потому что мы говорим о явлении, которое явно недооценено ни современниками, ни последующими поколениями. Потому что это явление, хотя и краткосрочно, но по своей значимости выходит за пределы чего-то традиционного для российской истории.

Мне часто приходит мысль об определенном сходстве восприятия Перестройки с тем, как воспринималась первая русская демократическая революция — Февральская революция 1917-го года. Сходство состоит в том, что через какое-то время она, как и Перестройка, почти исчезла из исторического анализа, — не было ни видения, ни оценки значимости этого события.

Я согласен с Михаилом Сергеевичем в том, что Перестройка началась в 88-м году. В том определенном смысле — да: в 88-м году уже начали заниматься самими инфраструктурами, переменами в стране. Но все-таки Перестройка началась в 85-м году с Перестройки сознания в широком смысле и Перестройки мнений по очень многим конкретным вопросам. То есть мно-

гие вещи, которые казались обыденными, неожиданно стали восприниматься по-новому под воздействием самого ощущения новизны, которое было связано с появлением Горбачева.

Мы обсуждаем эту важную тему в ситуации, когда мир находится в экономическом хаосе, когда ряд государств в Европе и Азии оказались на краю экономической и финансовой катастрофы, перспективы не совсем ясны, порой — весьма удручающе, когда продолжаются войны, которые ведет самая мощная держава сегодня — Соединенные Штаты Америки.

Взгляд на период Перестройки в СССР, произошедшей четверть века назад, обнаруживает в нашем восприятии другую эпоху. Сейчас мы еще ярче видим, что это была эпоха надежд, разочарований, перемен и оптимизма. Перестройка ушла в историю, одновременно оставшись одним из важнейших явлений XX века. Суть этого явления до сих пор вызывает споры, потому что в самом этом громадном явлении остается еще немало недосказанности или неразгаданности.

XX век был мрачным и сложным. И Перестройку — это светлое пятно в истории этого века — я бы называл Ренессансом. Это был именно Ренессанс, когда заговорили о демократии (я имею в виду не только СССР, но и другие страны), о свободе, открытости. Причем этот разговор начался в огромной зоне — от Берлина до берегов Тихого океана. Разговор о свободе вдруг охватил значительнейшую часть мира и огромную часть его населения. Это был поистине ренессансный настрой, пережитый нами — я хорошо это помню.

Поэтому не нужно принижать Перестройку какими-то спорами о деталях. Они, конечно, важны, но пусть им занимаются профессиональные историки. При этом мы должны понимать, что речь идет о событии, до конца непонятом и недооцененным.

Мне кажется, что нужно выделить одну важную мысль: Перестройка мыслилась, и реализовывалась сразу в двух ипостасях — во-первых, в демократизации (потом — о замене) системы, существовавшей в СССР и Восточной Европе; во-вторых, в международной политике. Одновременность этих двух ипостасей свидетельствует о достаточно хорошо продуманном и эффективном подходе, поскольку оба процесса взаимосвязаны, в определенной степени — взаимообусловлены. Я говорю об исторической

значимости такого подхода. В нем была новизна и особое очарование, если можно так сказать о политике. Горбачев понимал: нельзя перестроить страну и даже пытаться ее перестроить, если холодная война будет продолжаться. Поэтому интеллектуальная и политическая энергетика пошла сразу по двум направлениям.

Что касается внешней политики, то замыслы Горбачева, я думаю, были успешны с первого хода. Например, встреча на высшем уровне Горбачев — Рейган (1986-й год): в том, что обе страны не будут стремиться к военному превосходству, была необыкновенная новизна для того времени. Чтобы Соединенные Штаты это сказали — было необыкновенно. Я помню, как после первой встречи Горбачева с Рейганом ко мне подошел сотрудник Госдепартамента США и сказал: «Теперь нашим придется трудно. У вас очень сильный лидер».

Михаил Сергеевич оказался (и это было удивительно для меня — профессионального дипломата, имеющего многолетнюю практику ведения переговоров) — блистательным переговорщиком. Горбачев вел переговоры очень свободно, конечно, хорошо подготовившись. И это ему очень помогало. Вспоминаются переговоры в Токио, где, конечно, главный вопрос был территориальный...

М.С. Горбачев. Рейган сказал, когда я его критиковал за что-то: Вы на нас нажимаете, я вижу, что Вы недовольны. Но я знаю, что через месяц Вы поедете в Японию. Тогда скажете: какие американцы хорошие ребята...

А.А. Бессмертных. Так оно примерно и было. Переговоры с японцами были феноменально сложными. Я перед этим был в Японии, на себе все это испытал... Уверен, именно способность Михаила Сергеевича моментально реагировать на подбрасываемые аргументы, реагировать на них находчиво и, как в теннисе, перебрасывать мяч немедленно, не давая ему коснуться земли «над сеткой» в дипломатическом разговоре, помогло нам, в конечном счете, достичь результатов.

К сожалению, Перестройка, набирая темпы, не завершилась теми результатами, на которые мы все надеялись. Она осталась хорошо отработанным экспериментом, не реализовавшимся окончательно на практике. Не потому, что реформаторская энергия иссякла, и авторы этой концепции ушли куда-то «в

слепую аллею», а потому, что в результате Августовского путча (1991 г.) была насильственно прервана линия на Перестройку.

Еще одна причина того, что Перестройка прервалась, состояла в том, что Запад, который аплодировал Перестройке нашей внутренней системы, реально поддержать процесс — отказался. Встреча в Лондоне¹⁰ окончательно подтвердила, что этого не будет.

М.С. Горбачев. Надо сказать, что это пункт, который мы не должны прощать Джорджу Бушу. На встрече «семерки» с участием Президента СССР Буш возглавил эту негативную линию. Тэтчер, которая, как и Черчилль, относилась к коммунизму с «большой любовью», спрашивала: что же это такое — что же тогда стоит поддерживать, если не Перестройку, которая меняет все?!

А.А. Бессмертных. Вернемся к моменту, когда власть еще сохранялась у Михаила Сергеевича — до того, как ее захватили люди другой политической породы и других намерений. Я думаю, что главной линией во внешней политике было стремление изменить устоявшийся статус-кво. Этот подход — внутренняя Перестройка и внешняя Перестройка — давали нам хороший шанс. Стояла главная задача — покончить с холодной войной. Эта задача была решена. Холодную войну совместными усилиями выиграла наша страна и Запад, наша страна и Соединенные Штаты Америки.

Подчеркну, что холодная война и распад Советского Союза — разные события, каждое из которых развивалось по своему собственному сценарию. А вопросы безопасности нашего государства, мировой безопасности — это один из результатов Перестройки во внешней политике, одно из тех великих благ, которые Перестройка дала мировому сообществу.

Хочу завершить свое выступление цитатой из Джека Мэтлока, который недавно издал книгу «Супердержавные иллюзии». «Слишком много американских политиков, — пишет Мэтлок, — рассматривают конец холодной войны так, как будто это была квазивоенная победа, а не результат переговоров, выгодных для обеих сторон». И подобных свидетельств много.

Уверен, что мировая история включит Перестройку в ряд важных событий, символизирующих страстную и честную

¹⁰ Встреча лидеров стран «семерки» в Лондоне 16–17 июля 1991 года.

борьбу за благополучие своей страны и своего народа. Пусть эта борьба была не всегда успешна, пусть были ошибки и провалы, но именно такой борьбе история придает высокое значение и хранит память о ней в своих анналах.

С.М. Рогов,

член-корреспондент РАН,

директор Института США и Канады РАН

В моей жизни — человека, родившегося после Великой Отечественной войны, Перестройка — это самое важное событие, которое произошло в мире. И это, конечно, начало колоссальнейших изменений внутри нашей страны.

В первую очередь, это, действительно, революция в общественном сознании. Мы воспитывались в коммунистической догме. Весь мир делился на черных и белых, точнее говоря, на красных и белых. Идея общечеловеческих ценностей, отход от того, чтобы смотреть на мир по принципу «кто не с нами, тот против нас», — это исторический прорыв. Это начало перехода России к строительству демократии и современного рыночного рынка. Подчеркиваю слова «начало перехода», потому что Перестройка, к сожалению, была прервана в Беловежской пуще. И поэтому переход к демократии и современному рынку оказался зигзагообразным — шаг вперед, два шага назад.

М.С. Горбачев. Я, вообще-то, думаю, что путч прервал Перестройку. Все позиции были подорваны, и открылась дорога для всех авантюристов — для кого угодно.

С.М. Рогов. Я с Вами почти согласен — но пока руководителем страны оставался Горбачев, у меня лично была надежда, что еще не все потеряно.

В этой связи я задумываюсь над тем, к чему привела идея общечеловеческих ценностей в нашей стране. Действительно, общечеловеческие ценности — очень важная вещь. Но ведь есть еще ценности групповые — классовые, национальные ценности, и прочие.

Михаил Сергеевич, в результате того процесса, который Вы начали — когда «крышка» была снята, возникла протivoестественная коалиция людей, у которых были разные ценности. Но, несмотря на это, они в той или иной степени помогали

друг другу остановить Горбачева — «твердолобого коммуниста», по выражению Рейгана.

Это были и наши ультрареформаторы, которым казалось: «ох, как медленно мы идем, Горбачев — за эволюцию, мешает». Им казалось, что надо сразу перейти к рынку, который очень некритично воспринимал тогдашний Запад, где господствовала рейганомика и идея полной либерализации рынка.

Другая группа — это люди, для которых главными были национальные или националистические ценности. Это было не только в Прибалтике, а, в первую очередь, у нас в стране, где вдруг укоренилась идея, что республики — это обуза, если избавимся от них — быстро побежим в демократию, рынок.

Наконец, еще один компонент этой коалиции — западные партнеры: у Горбачева не оказалось настоящих, достойных, до конца честных партнеров на Западе. Во многом они соглашались, и кто-то довольно искренне. Но на Западе слишком сильна была инерция холодной войны. Была идея завершить холодную войну без победителей и побежденных. Если говорить спортивными терминами — вничью и начать играть вместо футбола в теннис или в какую-то другую красивую игру.

Эта инерция продолжалась и после падения Берлинской стены. И продолжалась она в Лондоне в 91-м году, когда, прекрасно понимая ситуацию, в которой оказался Горбачев, западные партнеры не пошевелили пальцем, чтобы реально, а не на словах — поддержать.

Я считаю, что холодная война все-таки закончилась с распадом Советского Союза — начавшись в 1917 году, она закончилась именно с распадом Советского Союза, когда Ельцин на блюдечке с голубой каемочкой преподнес Западу свершение мечты, о которой, в общем-то, Запад серьезно и не мечтал: что Советский Союз исчезнет — все, нет больше противника. Вспомним речь Ельцина в американском Конгрессе 30 января 92-го года. Он говорил: я принес вам победу — давайте будем праздновать.

Думаю, что на Западе инерция холодной войны до сих пор не прекратилась. Она проявляется в таких вещах, как расширение НАТО, как попытка получить абсолютное военное превосходство. Я вовсе не хочу сказать, что во всем виноват Запад. Но давайте задумаемся: что было бы, если бы партнером

Горбачева был бы Обама? И здесь я хочу пуститься в очень опасные параллели, хотя сразу скажу, что все параллели неточны. Но тем не менее, посмотрите: появляется американский лидер совершенно другого поколения — человек, который не связан с мышлением холодной войны. Кстати, что его родители познакомились в 60-м году, на первом курсе университета, в классе по изучению русского языка.

Сейчас Америка столкнулась с тяжелейшим системным кризисом. Обама пытается решать такие вопросы, как Перестройка американской экономики. Популярен лозунг «мы хотим изменений, мы хотим перемен» — избиратель Обамы «поет» почти как Виктор Цой.

Речь идет о создании социального государства, которого в Америке никогда, по существу, в зрелом виде не было, — это сейчас реформы здравоохранения, образования. Обама пытается найти способ, как выбраться из Афганистана — это напоминает кое-что. Но Обаме еще надо из Ирака каким-то образом выбраться. Идет он зигзагообразно — мы тоже из Афганистана не сразу вышли.

Посмотрите на риторику Обамы на международной арене: фактически, отказ от идеи однополярного мира, признание, что мир многополярен и надо сотрудничать. Обама — первый лидер со времен Горбачева, который заговорил публично об идее ядерного разоружения.

Посмотрите, с каким колоссальным сопротивлением он столкнулся. Причем, с одной стороны, это твердолобые динозавры — республиканцы, с другой стороны — в его Демократической партии крайне левое крыло говорит, что Обама идет на компромиссы, отказывается от идеологической чистоты. А на внешнем поле — есть ли у него уж очень серьезные партнеры, которые, действительно, пытаются не только поддерживать, но дальше двигать идеи, которые предлагает Обама?

Несколько слов о Восточной Европе. Это, я думаю, было, наверное, самое тяжелое решение для Горбачева и всего периода Перестройки. Как я понимаю, после Великой Отечественной войны господствовала сталинская идея — прежде всего, создать зону безопасности подальше от границ и потом уже, чтобы закрепить эту зону безопасности, провести установление ком-

мунистических режимов в Восточной Европе. До 47-го года Сталин не пытался посадить у власти коммунистическое правительство — была народная демократия, какая-то рыхлая коалиция.

Горбачев отказался от «доктрины Брежнева», точнее говоря, «доктрины Сталина», потому что выяснилось, что без наших танков эти режимы держаться не могут. И они фактически ушли с политической арены в течение буквально нескольких месяцев. Потому что в отличие от нашей страны в большинстве восточноевропейских государств коммунистические режимы не имели внутренней опоры, внутренней предыстории и без внешней поддержки со стороны наших танков, конечно, им было очень тяжело удержаться у власти.

Обратите внимание: реформаторские процессы начинались, скажем, в 68-м году в Чехословакии, а Советский Союз не хотел реформироваться, поэтому он подавил. При Перестройке в Советском Союзе начинается процесс эволюционных реформ — а Восточная Европа отстает. Но когда стало ясно, что наши танки не вмешаются, там вместо эволюции мгновенно произошел полный крах режима. Кто, как Чаушеску, этого не понял, того просто поставили к стенке.

Наверное, я думаю, это было самое сложное решение, потому что это означало фактический конец биполярного мира. Социалистический лагерь мгновенно исчез, в 90-м году прекратил существование Варшавский Договор. Это, конечно, вызвало мощнейшую оппозицию курсу Горбачева внутри партийной верхушки. Потому что, глядя на то, что происходит в Восточной Европе, они испугались, что то же самое может произойти и у нас.

Весь период Перестройки рисуют сегодня у нас черной краской: предательство, измена — всякая гнусность говорится. Это особенно тяжело понять молодым людям, потому что они тогда не жили, а то, что они видят по телевизору, вольно или невольно действует на их сознание.

М.С. Горбачев. Молодым людям надо сказать, что по телевидению показывают то, за что платят — и все. Чтобы им ясно было.

С.М. Рогов. Вопрос в том, что на Западе — когда окончание холодной войны было истолковано как победа Запада — с

Россией начали обращаться как с побежденной страной, началось расширение НАТО и т.д. Мы видим, что пошла игра, по существу, в одни ворота, и после распада Советского Союза Запад перестал принимать во внимание наши интересы безопасности.

Сейчас объявлена перезагрузка российско-американских отношений. Давайте задумаемся: в чем же смысл перезагрузки? Просто в том, чтобы подписать новый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений? — Это очень важно, но это не самоцель, хотя, конечно, необходимо осознать, что режим контроля над вооружениями находится на грани полного краха. Посмотрите: Договора по ПРО уже нет, Договора по обычным вооруженным силам фактически нет, Договор СНВ-1 перестал действовать...

Но возникает вопрос: где наши инициативы в этой сфере? Идея создания новой системы европейской безопасности — хорошая идея. Горбачев говорил о том, что Европа должна стать нашим Общим домом, Бейкер говорил, что надо создать систему безопасности от Ванкувера до Владивостока, сейчас президент Медведев повторяет эту формулировку.

Но мир за эти двадцать лет изменился. И хотелось бы, чтобы Россия в новых условиях занимала позицию, не просто реагирующую на то, что делают США, Европа, или Китай. Хотелось бы, чтобы на нас смотрели как на лидеров, которые — как тогда, в конце 80-ых годов — предлагают нечто новое и начинают это осуществлять.

Стивен Коэн¹¹,

историк, профессор Нью-Йоркского университета

Перестройка, которая началась двадцать пять лет назад, была историческим событием, которое изменило мир, а его последствия продолжают сказываться и сегодня. Но для меня

¹¹ Среди последних работ Стивена Коэна, изданных в переводе на русский язык. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. — М.: АИРО-XX, 2001. Можно ли было реформировать Советскую систему? — М.: АИРО-XX, 2005. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? — М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после сталинизма. — М.: Новый хронограф, АИРО-XXI, 2009. Утраченное наследие Горбачева — М.: Новый хронограф, АИРО-XXI, 2009.

и моей жены, Катрины ванден Хювель это был также период, который изменил наши жизни. Это наша история любви.

Сегодня Катрина — издатель и главный редактор журнала *The Nation*, одного из главных политических изданий в Америке. Она также один из лидеров американского прогрессивного политического движения. Поэтому мы больше не можем, как когда-то, много лет назад, жить подолгу в России. Но те Перестроечные годы остались очень важным периодом нашей совместной жизни.

Впервые мы оказались вместе в Советской России еще при Брежневле, но наша любовь выросла и окрепла в годы Перестройки, когда мы жили в Москве по несколько месяцев в году. Тогда политика Михаила Сергеевича и его реформы стали буквально частью нашей жизни. Мы поженились четвертого декабря восемьдесят восьмого года и провели медовый месяц, освещая и комментируя историческую речь Горбачева в ООН. Вторую годовщину нашей свадьбы в декабре восемьдесят девятого года мы отмечали в Риме, где комментировали встречу Михаила Сергеевича с Папой Римским, а затем на Мальте, где, как считают многие историки, Горбачев и президент Буш положили конец холодной войне.

Наша дочь Ника, которой уже восемнадцать и она первокурсница университета, родилась в Перестройку, в мае девяносто первого года. В два месяца она впервые прилетела с нами в Москву, где мы освещали последний саммит Михаила Сергеевича и президента Буша. Так что Ника, пожалуй, единственная американка в своем поколении, которая может похвастать, что она была в Советском Союзе. В любом случае, она — дитя Перестройки.

После девяносто первого года Михаил Сергеевич принял нас с Катриной в круг своих личных друзей. С тех пор мы видимся, как минимум, один или два раза в год. Ника видела Михаила Сергеевича так часто, что в восемь лет она даже решила, что он ее крестный. И в каком-то смысле это так и есть. В общем, наша семья — Катрина, Ника и я — мы все своего рода Перестроечники. Поэтому для нас участие в этой конференции одновременно честь и очень сентиментальное путешествие.

Теперь несколько слов по поводу моей брошюры под названием «Утраченное наследие Горбачева». Она была написана

в первую очередь для американского читателя. Это была попытка начать в моей стране дискуссию о возможностях — тех, что были, и тех, что есть. Мой главный тезис состоит в том, что руководство Горбачева создало две исторические возможности — возможность демократизировать Россию и возможность покончить с долгой холодной войной между Америкой и Россией. И обе эти возможности, составляющие главное наследие Горбачева, после его отставки были утрачены по вине элит в Москве и Вашингтоне. Об этом я пишу в своей брошюре.

О чем я не пишу и что хочу подчеркнуть сегодня, это то, что эти возможности еще можно вернуть. Но прежде чем искать потерянное, люди должны знать, что они потеряли. В моей стране сегодня мало кто понимает суть тех возможностей, которые были созданы Горбачевым двадцать лет назад. А в России о них предпочитают забыть или отмахнуться. Вот почему я написал эту брошюру, которая также является главой моей новой книги.

То, что возможности, которые Горбачев дал России и миру, оказались упущены — это факт трагический, но не удивительный. И точку в этой истории ставить рано. Великие лидеры, особенно демократические, как Михаил Сергеевич, на долю которых выпала большая историческая миссия, как правило, сами не могут довести ее до конца. Они могут только открыть запертые двери и дать миру новые альтернативы. Борьба за их реализацию — дело других людей и других лидеров. Это задача на годы и даже десятилетия.

Возьмем пример из истории моей страны. Франклин Рузвельт своим «Новым курсом» начал историческую Перестройку американского капитализма. Но Рузвельт не завершил ее. И сегодня, семьдесят пять лет спустя, мы видим, что борьба за возможности этой Перестройки продолжается — в попытках президента Обамы дать медицинскую страховку всем американцам и урегулировать американскую финансовую систему, породившую нынешний экономический кризис. Каков будет результат — мы пока не знаем.

Перестройка в России была прервана лишь поколение назад. Может быть, те споры и борьба, которые идут сейчас вокруг проблемы «модернизации» России, означают возрождение к жизни части наследия Горбачева — его второй шанс? Дру-

гая часть его наследия — увы! — зависит от наличия в Америке сильной оппозиции по отношению к курсу Вашингтона на новую холодную войну с Россией, взятому в девяносто втором году.

Когда я вижу, как много людей — и в Америке, и в России — робко взирают с политической обочины на сегодняшнюю борьбу, я вспоминаю две фразы, сказанные в Перестройку. Одна принадлежит Михаилу Сергеевичу: «Все стоящее в философии появилось сначала как ересь, а в политике как мнение меньшинства». Другая фраза тоже приписывается Горбачеву, но скорее принадлежит не ему, а кому-то, кто слушал речь Михаила Сергеевича о его надеждах на Перестройку в восемьдесят шестом году: «Если не теперь, то когда? Если не мы, то кто?»

Я предлагаю сделать эти фразы девизом нашей конференции.

Джульетто Кьеза,

журналист, депутат Европарламента

Я глубоко вовлечен в разговоры об оценках Перестройки. Хочу прокомментировать два момента нашей сегодняшней дискуссии.

Первый — о возможности Перестройки-2. Это очень важно. Я не думаю, что вторая Перестройка могла бы быть повторением первой. Здесь затрагивали проблемы нынешней России, которая претендует — и правильно претендует — на мировую роль. Но она не может достигнуть этой роли старыми методами.

Двадцать пять лет спустя ситуация очень сильно осложнилась — тогдашняя ситуация была не такой опасной, как сегодняшняя. Сегодня мы чувствуем себя менее уверенно и не так уверенно, как раньше, можем строить планы на будущее. Это необходимо признать.

Говорю так, потому что считаю: правы те, кто думает, что на Западе преобладала идея победы над Советским Союзом и над Россией. Это общее мнение на Западе, которое существует на сегодняшний день. Большинство на Западе придерживается мнения, что это — наша победа. Двадцать пять лет мы жили в условиях и психологии победы. А двадцать пять лет

спустя мы находимся в ситуации, когда победители находятся в начале поражения.

Соединенные Штаты Америки, которые тогда были, по существу победителями, на сегодняшний день находятся в самом глубоком кризисе в своей истории.

Я вспоминаю один пассаж из выступления Бжезинского, произнесенного в 1968 году. Не могу произнести дословно, но смысл следующий. Бжезинский сказал: в 2000 году нас ждет такая революция, перед которой и Робеспьер, и Ленин будут выглядеть маленькими реформаторами. Почему Бжезинский в 68-м году сказал такую фразу? У меня создалось впечатление, что он тогда очень тщательно изучал работы Римского клуба, о котором Горбачев знает хорошо.

Именно в эти годы в работах Римского клуба было сказано, что мир придет в прямом смысле к катастрофе, если не учитывать пределы роста. Сейчас, с опозданием в десять лет, мир находится именно в этой ситуации.

Почему сейчас так нужны размышления о Перестройке? Потому что новое мышление сейчас важнее, чем раньше. Методы, которые тогда не были успешно использованы, на сегодняшний день являются жизненно важными для человечества.

В мире есть два государства, которые «хотят революцию» — Китай и Соединенные Штаты Америки. Китай никто остановить не может, но он тоже будет сталкиваться с пределами роста. А Соединенные Штаты Америки, которые не могут смириться с преимуществом Китая в мире, — самое вооруженное государство в истории человечества.

Новая Перестройка начнется, если Россия будет способна понять, как она может играть мировую роль в уже не в биполярном мире. Россия, может играть успокоительную, компромиссную роль, осознания, что ресурсы нашей планеты ограничены. И для продолжения нашей общей жизни нужно их делить спокойно и мирно.

Именно на этом пути Россия может найти свою новую мировую роль.

**Выступления на сессии
«СОВРЕМЕННЫЕ МИРОВЫЕ ВЫЗОВЫ
И ПОИСК «НОВОГО МЫШЛЕНИЯ»**

Вальтер Юрген Шмид,

Чрезвычайный и Полномочный посол ФРГ в России

Хочу передать всем присутствующим сердечный привет от Ганса-Дитриха Геншера, который, будучи другом Михаила Горбачева, и уважая огромные достижения его политической деятельности, хотел принять участие в конференции. К сожалению, в кругу его близких знакомых произошло событие, которое помешало ему приехать в Москву.

Ганс-Дитрих Геншер позвонил мне и сформулировал основные тезисы своего выступления, которые я выскажу здесь. Они составят генеральную линию моего выступления.

Мы говорим о новых вызовах — и, может быть, о новых ответах. Но мне кажется, что дискуссию на эту тему нельзя начинать, не осмыслив того, что прошли только два десятилетия после окончания холодной войны. Эти два десятилетия были недостаточно использованы нами для того, чтобы создать новый мировой порядок, новые отношения.

Надо сказать, что предпосылки для этого были созданы — два выдающихся государственных деятеля уже сформулировали эти идеи. Первым из них был Михаил Сергеевич Горбачев. В декабре 1988 года, выступая перед Генеральной Ассамблеей ООН, он говорил о вызовах, с которыми столкнется человечество вне зависимости от государственных границ и политических режимов, в которых живут люди. Ответы на эти вызовы нужно было искать всем одновременно. Американский коллега Горбачева — Буш-старший также говорил о том, что важнейшая задача, которая стоит перед нами, — это задача создания нового мирового порядка на основе нового международного права.

Эти идеи были высказаны более двадцати лет тому назад. За последующие годы мы сделали некоторые шаги вперед — к сожалению, были также сделаны и шаги назад. Мы, к сожа-

лению, столкнулись с попыткой управлять миром по однополярной схеме. Но это ответила сама история: мы знаем, что однополярного мира быть не может, что мы вынуждены и обязаны жить в многополярном мире.

Американский президент, покинув свой пост, сказал, что США являются самой сильной державой в мире. Однако впоследствии США не смогли использовать свою силу для создания нового мирового порядка, в котором и сами они чувствовали бы себя комфортно — даже не являясь самой сильной державой в мире. Поэтому сегодняшняя задача — создание мирового порядка, основанного на принципе кооперации, сотрудничества. В решении этой задачи должны принимать активное участие все регионы современного мира.

Европа, Соединенные Штаты Америки и НАТО стояли также перед вызовом изменить свои отношения и продолжить исполнять свою роль гаранта безопасности. Каковы принципы, на которых мог бы основываться новый мировой порядок? Думаю, что здесь мы должны обратить взгляд на то, что сегодня подвергается основной критике, — на европейский процесс интеграции.

Какова особенность этого процесса, начавшегося после Второй мировой войны? Она состоит в том, что для успеха процесса европейского объединения чрезвычайно важным было то, что все члены Европейского Сообщества независимо от размеров их территорий и населения, независимо от их силы — имеют одинаковые права. Надо сказать, что история Европы до окончания Второй мировой войны реализовалась, прежде всего, в стремлении крупных, сильных держав отстаивать свои интересы, и именно эти державы доминировали в европейской политике.

После окончания Второй мировой войны в рамках начавшегося процесса европейской интеграции были объединены три крупные страны и три маленькие страны — они формировали партнерство равноправных государств, равноправных партнеров. Осознание этого должно распространяться на международные отношения в целом: размер страны — не значит одновременно, что у нее больше власти, больше силы. Нет, прежде всего, надо подчиняться силе права, силе закона. Это

именно то, что сказал Буш-старший: надо создавать новый мировой порядок на основе международного права — прежде всего, на основе права.

Здесь существуют три пути.

Первый путь, который может пройти каждый без каких-либо санкций и без ответственности — был бы путем в хаос.

Второй путь — поддаться иллюзии, что какое-то одно государство, опираясь на свою экономическую и военную мощь, может предписывать другим странам, что делать, и может нарушать все существующие законы и права в зависимости от своих потребностей. Это — путь господства.

Мы знаем, что и первый, и второй пути означали бы глобальное потрясение всей мировой системы.

Третий путь связан с выбором кооперации, глобального сотрудничества на основе равноправия, равенства народов, государств, регионов. Именно к такому выводу пришли европейцы после Второй мировой войны, вступив на этот путь. Можно сказать, что это своего рода *европейский выбор*. И я хочу поставить его в центр моего выступления. Кооперация, сотрудничество означают, что благополучие одного возможно только при условии благополучия всех. Мы должны стремиться сделать так, чтобы было хорошо всем, а не пытаться выиграть что-то только для себя, получить преимущества в ущерб другим странам.

Наш путь — европейский путь кооперации — показывает, что все мы — будь-то «большая восьмерка» или «большая двадцатка» — должны напрягать свои силы для решения общих проблем, общих задач. Разразившийся финансовый кризис показывает, что совместными усилиями можно преодолеть и эту проблему. А на нас надвигаются — энергетические, топливные, сырьевые угрозы. Страны, которые производят сырье, торгуют, экспортируют сырье, должны тесно сотрудничать с теми странами, которые потребляют это сырье и энергетические товары.

Мы говорим о двадцатипятилетию Перестройки. При этом не надо забывать, что принципы, которые мы выдвигаем для всех, — это свобода и творческое развитие личности. Это хо-

рошие принципы для того, чтобы совместно в условиях сотрудничества добиться новых успехов.

Двадцать пять лет назад важнейшим вопросом, игравшим большую роль в политике, был вопрос безопасности. Это связано с тем, что вероятность военных конфликтов была чрезвычайно велика. Однако за двадцать лет, прошедших после окончания холодной войны, в Европе и за пределами Европы не создана надежная система безопасности. Многие договоры прекращают свое действие — и надо признать, что система безопасности начинает постепенно разрушаться. Иначе говоря, структура безопасности — от Атлантики до Владивостока — еще не создана. Думаю, мы бы достигли очень многого, если бы заключили новые соглашения в этой сфере, гарантирующие безопасность для всех.

Здесь очень важную роль играет вопрос ядерного разоружения. Сегодня американский президент Барак Обама поставил перед собой задачу сделать мир безъядерным. Думаю, что будет хорошо, если бы мы смогли оказать ему поддержку, а не оставили в одиночестве с его идеей. Надо отметить, что самый серьезный вызов, который стоит перед нами, состоит именно в сохранении безопасности. Хотя надо признать, что вызовы есть практически во всех сферах сотрудничества.

Позвольте еще раз напомнить, что речь идет о создании глобальной структуры безопасности, о создании новых правил для глобальной экономики, структуры реагирования на сбои в финансовой сфере, в экономической системе. Необходимо создать надежную систему поставки энергоносителей, сырья, которая обеспечивала бы благосостояние всех. Надо создать структуру глобального права, которая будет устраивать всех.

В заключение — несколько слов об отношениях между Европой, США и Россией. В этой связи имеет смысл вспомнить о том, что было двадцать лет тому назад. Мы начали многосторонне решать европейские проблемы. И в Европе, и в США, и в Москве появилось понимание того, что нам необходимо развивать новые отношения. Благодаря доверию, развитию сотрудничества стратегические задачи можно было решить без каких-либо серьезных уступок друг другу. За эти годы мы по-

няли, что Москва и Россия являются нашим глобальным партнером в деле обеспечения стабильности.

Такая практическая политика и вообще политика не всегда бывают понятны. Но, слава Богу, холодная война была закончена, структуры обеспечения безопасности, созданные в период холодной войны — для ее продолжения, были разрушены благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачеву: мы стремились к тому, чтобы наше сотрудничество уменьшало возможность возникновения конфликтов.

Думаю, нам необходимо вернуться к нашим идеям того времени, что Россия является не нашим «естественным противником», как зачастую пытаются это изображать, но что Россия — наш естественный партнер.

Иными словами, перед лицом вызовов современности, размышляя о новых идеях, нам следует вернуться к тому, что мы начали, но не закончили двадцать пять лет назад. Эту работу мы должны теперь продолжить.

Ф.А. Лукьянов,

главный редактор журнала

«Россия в глобальной политике»

Фраза «мы живем в стремительно меняющемся мире», кажется стереотипной, даже шаблонной, тем не менее, эта констатация — чистая правда.

И в этом смысле тема нашей дискуссии очень важна, потому что Перестройка, которая началась двадцать пять лет назад — это, конечно, набор конкретных внешнеполитических шагов, идей и мероприятий, проводившихся в тот период. Но прежде всего, Перестройка — пример того, как была предпринята попытка качественного, всеобъемлющего пересмотра мировой системы отношений.

В этом смысле речь Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН в 1988 году была интеллектуальным вызовом, равно которому по масштабу, охвату и смелости — не было с тех пор в мире. Я даже не беру Россию — это вообще отдельная печальная история. Но если взглянуть на мировую палитру, в выступлениях политиков не встречалось более целостного взгляда на будущее. А именно это сейчас необходимо — я имею в

виду не конкретное содержание той речи или тех действий, а именно такого рода *подход*.

Главная проблема заключается в том, что, с одной стороны, есть действительно очень быстро меняющаяся мировая среда, а, с другой — есть сознание политиков и не только политиков, а вообще общественное сознание в мире, которое не успевает за этими переменами. Оно не успевает осмыслить перемены, и тем более, оно не успевает сформулировать какие-то рекомендации и видение будущего.

В книге «Отвечая на вызов времени» — в эпиграфе к Заключению — цитата из Максимилиана Волошина: «Наш дух разорван между «завтра» мира и не изжитым предками «вчера». Это очень точно отражает ситуацию, когда «вчера», что бы мы ни говорили, — определяет политическое сознание «сегодня». И еще существует «завтра» — мера, которая никому не ясна. То есть мы находимся в процессе некоего перехода, пункт назначения которого нам не известен.

В мире сейчас возникли совершенно другие поля напряжения и линии размежевания, чем те, которые существовали двадцать пять лет назад, и чем даже те, которые предполагались десять лет и пятнадцать лет назад. Любые попытки разделить мир надвое — по какому бы то ни было критерию — обречены на провал. Мир делится как-то сложно — на самые разные, неравновесные части. Не так давно, на излете администрации Джорджа Буша-младшего была предпринята кратковременная, но очень мощная попытка утвердить в международном сознании новую оппозицию «а-ля холодная война» — только уже не Запад против Востока, а либеральный капитализм против авторитарного капитализма. Те же самые люди, которые выступали идеологами продвижения демократии, сформулировали к 2005-му, 2006-му годам эту оппозицию, которая изначально была надуманной. Все прочие попытки построить эту привычную схему — одни против других и некий баланс — не срабатывают так же, как не срабатывают и привычные внешнеполитические подходы.

Например, про лояльность многополярного мира говорилось многократно. Но каков этот многополярный мир? Он же совсем не похож на то, что представляется при упоминании этого понятия. Классическая великодержавная конкуренция в

стиле минувших веков — XIX или начала XX века, безусловно, невозможна в мире, где все действительно конкурирующие центры (будь это страны или конгломераты стран), при этом пребывают в состоянии глубокой, безнадежной взаимозависимости. То есть, они никуда не могут друг от друга деваться.

И, конечно, ярчайший пример этого пробуксовывания всех подходов, (об этом уже упоминал здесь Джульетто Кьеца) — отношения Китая и Соединенных Штатов. У Соединенных Штатов традиционно есть две основные модели взаимодействия со странами, которые не являются их союзниками — либо вовлечение, либо сдерживание. В случае с Китаем не работает ни то, ни другое, — вовлечь Китай не получается, потому что он никуда вовлекаться не хочет. А сдерживать Китай тоже невозможно, потому что еще не придумала международная теория, как сдерживать собственного главного кредитора. Это абсолютно новая ситуация. Это не значит, что она «хуже» или «лучше», чем прежняя. Но она совершенно другая, чем та, к которой мы привыкли и к которой готовились.

На мой взгляд, существует несколько крупных неопределенностей, которые будут диктовать развитие событий в ближайшую пару десятилетий.

Первые две неопределенности связаны с судьбой Китая и Соединенных Штатов (о чем говорил Джульетто Кьеца): Китай меняется. Сейчас, после долгих лет спокойного развития и категорического отказа от любых подозрений в том, что Китай на что-то претендует, мы видим, что Китай стал вести себя на международной арене намного более уверенно. Пока — это неактивное вмешательство в международную повестку дня, но, как минимум, уже заявка на то, что мнение Китая должно учитываться значительно больше, чем это было два-три года тому назад.

Иначе говоря, тенденция видна. Вопрос: продолжится ли она? Если продолжится, то насколько далеко? И будет ли Китай по мере дальнейшего развития превращаться в страну, которая уже в классическом великодержавном стиле начнет вести себя более напористо, если не сказать агрессивно? И как на это реагировать остальным?

Другая «зеркальная» неопределенность — ситуация в Соединенных Штатах. Поскольку до сих пор, несмотря на очевид-

ные изменения риторики и, действительно, искреннее стремление президента Обамы по-другому подойти к решению международных проблем, есть одна аксиома, которую никто в Соединенных Штатах не ставит под сомнение, — это американское лидерство. То есть обсуждаются способы обеспечения лидерства, но не обсуждается даже гипотетическая возможность, что Соединенные Штаты Америки не будут мировым, глобальным лидером. Пока по масштабу преимуществ по всем параметрам, которые существуют у США, конечно, странно обсуждать, что Америка начнет быстро сдавать свои позиции.

С другой стороны, совершенно очевидно, что лидерство по модели, какой она выглядела десять лет назад, то есть по модели фактически полного доминирования — не будет. Такое лидерство не состоялось и не состоится.

Главный вопрос: сумеют ли Соединенные Штаты нащупать другой подход? Сейчас говорят о многосторонних подходах, о необходимости искать партнеров в разных частях мира. Но это все-таки подразумевает, что повестку-то дня для партнеров и взаимодействия с ними будут выработать Соединенные Штаты.

Я не уверен, что это сработает, поскольку мир становится — если выразиться неполиткорректно — все более наглым. Разные части мира начинают проводить какие-то свои повестки дня и не очень хотят слушать кого бы то ни было. К чему это приведет — непонятно, но это факт.

Тогда возникает следующий вопрос: если Соединенные Штаты поймут, что лидерство более невозможно, что они будут делать? Как они себя поведут? Может ли Америка после десятилетий лидерской позиции сначала в западном мире, а потом в глобальном масштабе вернуться к более сдержанной внешней политике? Если да, то какого рода? Понятно, что классический изоляционизм невозможен в сегодняшнем мире, потому что экономика взаимозависима: невозможно изолировать по объективным причинам. Тогда какого рода внешнюю политику будут проводить Соединенные Штаты?

Есть интересные результаты недавно проведенного в Америке опроса о роли США в мире. С одной стороны, резко выросло число американцев, которые считают, что США не надо вмешиваться во все подряд в мире и не надо пытаться кого-то чему-

то учить и что-то насаждать. То есть существует, действительно, пересмотр прошлого и отказ от того, что было — это реакция на политику Буша. В то же самое время американцы говорят, что Америка должна проводить свои национальные интересы. При чем не нужно обращать внимание на реакцию других стран.

То есть мы как будто перестаем претендовать на лидерство и связанную с этим ответственность, но при этом считаем, что если нам что-то нужно, мы должны это делать без оглядки на мнения других. Правда, так считает не большинство опрошенных, а примерно сорок процентов. Тем не менее, это интересная и пугающая комбинация. Если Америка пойдет этим путем, обладая мощью, которая у нее есть, то стоит задуматься, как на это реагировать.

Третья неопределенность связана и с Россией, и с Европой. Оба эти субъекта мировой политики находятся, скорее, на спаде, чем на подъеме.

Что касается России, то здесь очень заметен контраст между декларируемыми амбициями и реальными возможностями, и самое главное — осознанием этих возможностей. Что касается России, то по объективным параметрам, она не может быть центром возрождения империи или чего-то подобного. В то же время не складывается никакого четкого понимания, как Россия может сохранять свое влияние в мире, где ее относительная мощь уменьшается.

Что касается Европы, то она совершенно очевидным образом начинает впадать в состояние «стратегического смущения». Поскольку вместо того, чтобы превращаться, как предполагалось еще несколько лет назад, в самостоятельный геополитический центр нового многополярного мира, Европа — после Сорбонского договора — сознательно и решительно отказалась от глобальных амбиций и сделала выбор в пользу самосозерцания и самосовершенствования. Это замечательное занятие, очень важное, полезное и для самих европейцев очень хорошее. Но только этим хорошо заниматься, когда вокруг полная тишь, гладь и спокойствие, чего в современном мире нет и в помине. А самое главное — в дальнейшем ситуация будет только ухудшаться.

Общая проблема и для Европы, и для России заключается еще и в том, что нам предстоит в ближайшее десятилетие

процесс смены идентичности или коррекции идентичности, прежде всего по демографическим причинам, поскольку через 25–30 лет ни Европа, ни Россия не будут по составу населения такими, какими они являются сегодня. Мы не знаем, какими будут эти новые Европа и Россия, какие взгляды в них будут доминировать.

Мы говорили о том, что благодаря политике Перестройки мир начал говорить об отказе от классовых ценностей и ориентации на общечеловеческие ценности; но в реальности, скорее, можно сказать, что на место классовых ценностей пришли национальные. Советский Союз в значительной степени разрушил национализм, а не другие чувства. Сейчас мы наблюдаем его расцвет в разных формах и проявлениях.

С одной стороны, мы видим в Европе постепенный подъем классического национализма, настоящей ультраправой ксенофобии. Но это всегда было и будет. С другой стороны, возник замечательный, интересный феномен — подъем того, что можно назвать либеральной ксенофобией, когда на приход людей иной культуры, европейцы — жители самых либеральных стран (Голландия, Дания, Швеция) реагируют не с точки зрения «мы белые, и поэтому мы лучше», а с точки зрения «мы должны защитить наши демократические, либеральные завоевания от людей, которые на них посягают». Как это переплетется и что произойдет в результате — совершенно непонятно.

Если говорить о будущих проблемах мироустройства, то обратим внимание: когда Михаил Сергеевич выступал с речью в ООН, и речь шла о новом мировом порядке, считалось, что этот новый мировой порядок должен быть универсальным. Наверное, рано или поздно человечество к вернется к этому — к осознанию необходимости универсального мирового порядка. Сейчас, на мой взгляд, наоборот: мы имеем глобальную среду, которая структурируется отдельными региональными очагами. Между этими очагами (можно называть их полюсами, или центрами развития, или великими державами) должны складываться отношения взаимозависимости и конкуренции, поскольку и то и другое неизбежно. К сожалению, пока абсолютно непонятно, что это будут за отношения.

Тем не менее, уже сегодня становится все яснее, что опыт Перестройки, ее революционного подхода к стереотипам, которые мы унаследовали не только от холодной войны, но и от еще более далеких времен. Этот опыт должен быть обязательно востребован.

Билл Таубман,
политолог, журналист,
автор биографии Н.С. Хрущева¹²

Как свидетельствует название конференции, она связывает две эры — «тогда» и «теперь». И в моем выступлении я хотел бы сравнить двух выдающихся политических руководителей тогдашней эры и сегодняшней. Я не сразу скажу, о ком я говорю. Думаю, вы догадаетесь, особенно потому, что уже были намеки от других ораторов. Начнем со сходства между ними. Я назову двенадцать. Может быть, вы будете предлагать еще больше?

Первое. Оба пришли во власть после руководителей, которых презирали и в своей стране, и за границей.

Второе. Оба получили в наследство от предыдущих лидеров непопулярную войну. Оба знали, что им самим надо покончить с этой войной, но так, чтобы конец не казался бы поражением.

Третье. Каждый поднялся из скромной семьи, которая жила далеко-далеко от столицы.

Четвертое. У обоих образование высокого качества в элитных вузах. Оба учились на юрфаке.

Пятое. Оба сразу же после прихода к власти объявили гласность основой своей политики. Один из них сделал гласность международным термином, дал возможность гражданам своей страны изучать свою настоящую историю и обсуждать политику без страха. Другой сделал заявление о гласности и прозрачности правительства в первый же день работы своей администрации и проводил эту политику в жизнь, не смотря на сопротивление консерваторов.

¹² Биография Н.С. Хрущева, написанная Биллом Таубманом, вышла в русском переводе в серии ЖЗЛ. В настоящее время Таубман работает над биографией М.С. Горбачева.

Шестое. Оба стали политиками интеллигентными, которые любят думать и говорить о больших идеях. Оба узнали, что эта привычка является одновременно и выгодой, и недостатком в политике. Почему? Потому что ни политикам, ни массам не всегда нравится такой язык. Оба также умеют прекрасно дебатировать, что им позволяет победить соперников, которые не всегда прощают это.

Седьмое. Оба приличные и порядочные люди. Каждый любит свою жену и детей. Оба часто предпочитают проводить время в семейном кругу, чем с другими политиками или с массами.

Восьмое. Обоим по душе компромисс. Оба глубоко верят в него. И в этом тоже отражаются их личности.

Девятое. К сожалению, их время оказалось крайне поляризованным. Другие политические силы: ни справа, ни слева не хотели компромиссов.

Десятое. Оба реформисты. Оба хотели фундаментальных перемен во внутренней и внешней политике. Но хотели подходить к ним постепенно, стараясь собрать для них как можно больше союзников со всех сторон политической арены.

Мне кажется, как ни странно, что для обоих есть общий термин, который придумал американский ученый, имея в виду того руководителя, который сегодня во власти. Термин трудно переводится — по-русски, это может быть, дальновидящий минималист. Но вышло иначе. Один пошел дальше и быстрее, чем ожидал, и потерял союзников. Другой пошел более медленно, чем ожидал, и потерял союзников.

Одиннадцатое. Приход во власть обоих породил большие надежды и ожидания, которые оказались крайне трудно, мягко говоря, удовлетворить.

Двенадцатое. Не сразу, но слишком скоро появилась сильная оппозиция сначала среди политиков и потом более широко. В обоих случаях пришло страшное время, когда казалось, что нашим героям не удастся реформирование своего общества.

Вы давно догадались. Речь идет о Михаиле Сергеевиче Горбачеве и Бараке Обаме.

И теперь. Различия не столько в них самих как политиках и личностях, сколько в ситуациях, которые они встречали и которые их встречали.

Первое. Советская и американская системы — политические, экономические, социальные — очень разные. С первого взгляда покажется, что советская система к концу 80-х была в гораздо худшем положении, чем положение сегодняшней Америки. Я так и думал до недавнего времени. Но учитывая экономический кризис и наш политический ответ, или точнее отсутствие нашего хорошего ответа на этот кризис, может быть, надо пересмотреть это мнение. Нет, в конце концов, мне кажется, что советское положение было на самом деле гораздо хуже.

Второе. Так как Горбачев считал положение СССР таким серьезным, его реформы затрагивали почти все сферы советской жизни — политическую, экономическую, внешнеполитическую, взаимоотношения между национальностями. По американскому стандарту повестка дня Обамы огромна, но меньше горбачевской программы. И поэтому более возможна.

Третье. Вначале оппозиция в Советском Союзе была слабее, чем в США, потому что генсек имел больше власти, чем американский президент. Но потом положение переформировалось. Против Горбачева выступили не только политики, но и танки. В Америке, слава Богу, против Обамы танков нет. Но действуют политики, и много избирателей, как показывают ноябрьские выборы в моем Массачусетсе.

В заключение хочу сказать, что Горбачев изменил свою страну и весь мир прежде, чем вынужден был уйти. У Обамы похожие цели. Какая будет его судьба? Поживем — увидим. Надеемся, что ему удастся.

С.А. Савранская,

историк, научный сотрудник

Архива национальной безопасности США¹³

Хотелось бы поставить вопрос о связи времен и проблеме европейской безопасности. В декабре 1991 года Михаил Сер-

¹³ Архив национальной безопасности США занимается публикацией документов и добивается рассекречивания американских документов периодов холодной войны, Перестройки, прекращения холодной войны.

геевич в разговоре с министром иностранных дел Великобритании Дугласом Хердом сказал: «У нас еще есть шанс, который мы должны использовать, — навсегда интегрировать эту огромную страну (он говорил о Советском Союзе) в международное сообщество. Я не знаю, чего будет стоить достижение этой цели, но я уверен в том, что она будет не сравнима с той ценой, которую мы все заплатили за конфронтацию холодной войны».

Но теперь мы видим цену того, что многие надежды и планы, к сожалению, не были претворены в жизнь. И наиболее серьезной упущенной возможностью конца холодной войны, на мой взгляд, было то, что идея общеевропейского дома не воплотилась в жизнь.

Идея общеевропейского дома, идея новой системы европейской безопасности была выдвинута Горбачевым очень рано — начиная с его первого визита во Францию. Затем он развивает эту идею в 1987 году в Праге, затем более детально в 1988 году во время визита в Варшаву. И уже конкретный план общеевропейского дома был предложен им в речи в Страсбурге в 1989 году. Эта речь впоследствии стала основой для Парижской хартии, утвержденной в 1990 году на Европейском совете в Мадриде о построении новой Европы от Ванкувера до Владивостока.

Эта идея совсем не такая уж новая и совершенно не утопическая. Горбачев, например, цитирует Виктора Гюго о Соединенных Штатах Европы. И Хельсинский заключительный акт 1975 года также привел к этой идее, несмотря на то, что это был разгар холодной войны.

Но горбачевское видение Европы было гораздо более глубоким и более всеобъемлющим. Было четыре основных составляющих этого видения: система коллективной безопасности через постепенную трансформацию блоковой системы; глубокая экономическая интеграция и Восточной Европы, и Советского Союза в Европу; человеческое измерение, когда новая Европа строилась бы на основе общечеловеческих ценностей и уважения к правам человека; наконец, четвертый элемент этой системы — защита окружающей среды.

В конце прошлого года в США вышло много книг о конце холодной войны. И во многих из этих книг можно увидеть такое суждение, что идея общеевропейского дома была несколько

наивной и до конца не разработанной. Но это совершенно не так. Если читать документы тех лет — это был совершенно конкретный, хорошо разработанный план. И то, о чем многие люди сегодня забывают, что он был поддержан тогда практически всеми ведущими политиками Европы. Приведу только два примера — Ганс-Дитрих Геншер поддержал эту идею. И он же сформулировал идею создания Европейского Совета Безопасности по модели Совета Безопасности ООН.

А самым сильным сторонником идеи Горбачева об общеевропейском доме и новой системе европейской безопасности был Франсуа Миттеран. Он поддерживал идею даже до создания Европейской Конфедерации. К сожалению, впоследствии Миттеран увлекся идеей создания единой европейской валюты и в каком-то смысле забыл об идее общеевропейского дома.

В 1989–1990 годах эта идея, этот план были вполне реальными, если бы эта поддержка продолжалась. Вопрос: почему же все-таки процесс не пошел? Почему затормозилось строительство общеевропейского дома? Я бы хотела назвать несколько причин этого.

Интересно, что в январе 1990 года Анатолий Сергеевич Черняев записал в своем дневнике: «Восточная Европа отваливает от нас совсем и неудержимо. И все очевиднее, что поначалу общеевропейский дом будет без нас, без Советского Союза, который пока что поживет по соседству».

К сожалению, так и получилось. Первая причина, на мой взгляд, самая ранняя причина — недоверие со стороны администрации США. Архив национальной безопасности США на протяжении последних десяти лет подавал запросы по закону о свободе информации США. Мы пытались выяснить, что же все-таки думали на самом деле представители администрации США о Горбачеве? Мы имеем двадцать документов, все эти документы — совершенно секретные, ЦРУ. Во всех — аналитика о Горбачеве, его планах и его перспективах.

Как, если говорить вкратце, меняется этот анализ? В самом начале — 85-й, 86-й, 87-й годы (Особенно здесь нужно назвать имя Гейтса — директора ЦРУ). Недоверие к Горбачеву. Горбачев — это несерьезно, это не по-настоящему. Это такая пропагандистская попытка усилить Советский Союз и потом

бросить реальный вызов США. До 1988 года такая точка зрения преобладает, несмотря на то, что Рейган все-таки не очень серьезно ее воспринимал.

Самое интересное то, что в 1989 году, когда приходит к власти президент Буш-старший, оценка Советского Союза и перспектив Горбачева становится еще более консервативной. В сентябре 1989 года Гейтс говорит о том, что нет, холодная война еще не закончилась, ничего не изменилось в Советском Союзе, угроза для США исходит от Советского Союза.

Но вдруг очень быстро оценка меняется — после Мальты. И оценка становится такой: да, Горбачев абсолютно серьезен, его реформы — далеко идущие, реальные, они в наших интересах. Но Горбачев не удержится у власти. Поэтому долгосрочные проекты, долгосрочная поддержка Советского Союза не в наших интересах, потому что на смену Горбачеву вот-вот могут прийти коммунисты.

И уже только совсем поздно, уже когда Советский Союз, по сути, начинает разваливаться — в 1991 году, в конце 1991 года они говорят о том, что да, нужно поддержать. Но как поддержать? Уже слишком поздно.

Посол Мэтлок в своей последней книге постоянно говорит о Советском Союзе: «Я не мог праздновать развал Советского Союза. Это не был праздник. Это была наша потеря».

Это первая и главная причина, почему поддержки идеи общеевропейского дома со стороны США не было. США были очень важным игроком в 1989–1991 годах. Буш и особенно Скоукрофт очень опасались, что Горбачев популярнее их в Европе. Это видно по всем документам. Когда они садятся и обсуждают европейскую политику, они говорят: «Опять этот Горбачев со своими инициативами, он перехватывает у нас внимание, он в центре внимания. Нам надо что-то сделать, чтобы перехватить эту инициативу обратно». Как будто это конкурс «кто популярнее», а не стратегия. Это видно даже в дневниках Буша и Скоукрофта. Кстати, Скоукрофт сейчас с сожалением смотрит на те времена.

Опасение, что Советский Союз вытеснит США из Европы, также вело к тому, что США не могли поддержать идею общеевропейского дома, несмотря на то, что на Мальте Михаил Сергеевич сказал Бушу, что идея общеевропейского дома не

означает попытки вытолкнуть США из Европы, а, напротив, предполагает их глубокую вовлеченность в строительство новых европейских структур и институтов.

Следующая причина — это лавинообразные перемены в восточноевропейских странах, которые, конечно же, вышли из-под контроля и разрушили идею постепенного общеевропейского процесса.

И следующая очень важная причина — это объединение Германии. Несмотря на то, что Михаил Сергеевич поддержал полностью объединение Германии и был одним из самых важных игроков — без него объединение Германии, естественно, просто было бы невозможно.

Объединение Германии стало катализатором строительства другой структуры в Европе — это строительство Евросоюза. Германия очень активно была вовлечена в строительство Евросоюза, оттянула на себя внимание таких политиков, как Миттеран и потом также Джон Мейджор. То есть внимание от идеи общеевропейского дома было отвлечено.

Если посмотрите на события последних пяти лет, то увидите, что идея новой структуры европейской безопасности возрождается. Эта структура, эта идея — гораздо беднее той, которая была предложена Михаилом Сергеевичем в годы Перестройки. Здесь идет речь только о структуре безопасности. Но, тем не менее, это хорошее начало.

То, что произошло в 90-е годы — распространение НАТО на Восток вопреки заверениям, которые были даны советскому лидеру в 90-м году. Это совершенно ясно подтверждают документы. Распространение НАТО на Восток, конечно, очень осложняет строительство новой системы безопасности в Европе. Опять процитирую Мэтлока, который публично сказал: мы вновь разделили Европу расширением НАТО, и будет очень сложно эту Европу снова соединить. Это очень сильное заявление.

И все-таки даже в 2009 году появилось четыре серьезных плана строительства новой структуры европейской безопасности. И, конечно, основное из них — это план президента Медведева. Я думаю, что многие идеи Горбачева легли в основу этого плана. И все-таки этого недостаточно.

Я призываю вернуться к идее общеевропейского дома, к тем идеям, которые охватывали не только безопасность, но и человеческое измерение, включали также экономическое и экологическое измерения.

России необходимо вернуться в Европу и прислушаться к Горбачеву. Иначе в России не может произойти модернизации.

Б.И. Макаренко,

политолог, член дирекции

Института современного развития (ИНСОП)

Новое мышление, как мне представляется, было единственной в отечественной и одной из очень немногих в мире попыток продвинуться к реализации Кантовской идеи вечного мира. Для Советского Союза, для России это звучит революционно, потому что наша дипломатия до сих пор не научилась мыслить в категориях иных, чем категории реал-политик. Новое мышление, концепция которого задумывалась и начиналась как концепция внешнеполитическая, до сих пор остается концепцией, которая либерализовала, демократизировала советское, а ныне — российское общество. Поэтому я хотел бы рассматривать все, что произошло с тех пор, как первые шаги к реализации Кантовской идеи вечного мира. Мир перестал быть биполярным — но он не сделался многополярным. Попробую аргументировать такую концепцию.

Сначала казалось, что на место биполярного мира пришел однополярный. В 90-е годы, особенно после 11 сентября 2001 года, мало кто в этом сомневался. Но монополярность очень быстро исчерпала себя. И нынешняя американская администрация сама говорит о необходимости отхода от унитаризма и опоры на международные институты. Вызов в том, что эти институты остались во многом не реформированными со времен холодной войны. И поэтому главный вызов — создание новой системы международных институтов.

Если мир перестал быть биполярным и монополярным, то каким же он стал? Я бы сказал: мир стал мозаичным. В однополярном и биполярном мире есть четкая одна-единственная иерархия — иерархия военной силы, военной мощи. Все остальные иерархии значимы постольку, поскольку они работа-

ют на создание этой силы — и в экономике, и в технологиях, и в инновациях, и даже в культуре.

Когда это противостояние ушло с мировой арены как единственное, выяснилось, что иерархий в мире множество. Наверное, во главе каждой из них будут по-прежнему стоять Соединенные Штаты. Но если мы возьмем вторые, десятые места в этой иерархии, посмотрим, как выстраивается иерархия: экономические мощи, инновационные мощи, способность к науке и обновлению, финансовые мощи, культурные мощи, то мы увидим разные иерархии.

Такие страны, как Япония и Китай, забравшие лавры передовых, успешно развивающихся стран, стали ими уж точно не благодаря своей военной мощи, военного потенциала, а именно потому, что они к такому потенциалу и к такой военной мощи не стремились как к самой приоритетной цели. Именно поэтому, как заметил Федор Лукьянов, «мир стал более наглый». Но это естественно, потому что стать наглым, заявить о своих интересах и их отстаивать можно только тогда, когда ты не боишься, что какой-то доминирующий игрок жестко встроит тебя в одну единственную иерархию глобального противостояния.

Наверное, формирующаяся в мире многополярность будет асимметричной. С «наглыми» игроками, действительно, очень трудно иметь дело и очень трудно приводить к консенсусу столь множественные и несовпадающие асимметричные интересы. Это возвращает к мысли, что главный вызов современного мира — создание адекватной системы международных институтов.

Шаг к Кантовскому вечному миру я вижу еще и в том, что начинает, наконец, реализовываться Кантовский принцип республики — демократии не воюют друг с другом. Это всегда было прекрасной мечтой и отчасти реальностью. Республики Европы и Северной Америки отказались от войны друг с другом благодаря Советскому Союзу — точнее потому, что они сплотились против Советского Союза.

Но только с прекращением холодной войны вся Европа, независимо от степени своей демократичности, действительно оказалась застрахована от большой войны, хотя, как показывают события, в том числе и очень недавние, не застрахована от многих малых войн. Вообще расширение зоны вечного

мира между республиками, как опять-таки предупреждал Кант, чревато тем, что на его периферии будут происходить множественные военные конфликты, в том числе и затеваемые и самими членами этой зоны всеобщего мира, чтобы установить свои принципы так, как они их видят, за пределами своей зоны. Новые угрозы — это международный терроризм, несостоявшиеся государства, гуманитарные катастрофы. Все это даже республики, искренне стремящиеся к миру, будет провоцировать на военное воздействие.

Поэтому нужны новые серьезные институты в самых разных отраслях. Приведу несколько примеров.

Мы прошли через мировой экономический кризис. Я далек от того, чтобы повторять общие места о том, что это кризис либерализма. Либеральная экономика дала миру несколько десятилетий очень мощного развития. Да, во многом издержки этой модели породили кризис. Но на выходе из него важно не выплеснуть с водой ребенка — сохранить все те преимущества, которые мировой экономике и миру дает преимущество свободной торговли, но в то же время поставить в жесткие национальные и международные социальные рамки спекулятивный капитал, надувание финансовых пузырей, все то, что породило этот кризис. Это первая задача строительства институтов.

Вторая задача — европейская безопасность. Наверное, с тем, что модель Хельсинки нуждается в каком-то обновлении, согласны уже все. Никто не понимает, как это сделать, потому что НАТО как институт не может быть гарантом европейской безопасности, поскольку Россия его таковым не считает. Без России нет европейской безопасности. Но в России должны понять, что для большинства европейских стран НАТО — это если не единственная, то важнейшая гарантия безопасности.

Новая европейская безопасность — это когда все страны научатся слышать и понимать интересы друг друга даже тогда, когда эти интересы не совпадают.

Третье — ядерное вооружение. Кажется, мы понимаем, что ядерные потенциалы Соединенных Штатов и их союзников по НАТО, с одной стороны, и России — с другой, не направлены друг на друга. Но если мы возьмем ведущиеся сейчас переговоры по СНВ, то мы найдем в них что-то отличающееся от

переговоров, которые шли в 70–80-е годы. Хотя, в общем-то, логика та же — посчитать все боеголовки, посчитать все носители и создать механизмы их верификации. Все правильно — потому что в этом состоит переговорная традиция и в Москве, и в Вашингтоне. Хотя сейчас ядерное оружие нужно не для того, чтобы сдерживать друг друга, а для того, чтобы сдерживать «третьи» страны.

Мечта Обамы — продолжение мечты Горбачева — мечта о безъядерном мире. Мы еще очень далеки от реализации этой мечты. Но для того, чтобы мы могли надеяться и двигаться в этом направлении, первейшая задача — подписать Договор об СНВ и пойти дальше — начать думать о ядерном разоружении.

Новое мышление, рожденное четверть века назад, живо, как жива мечта человечества о вечном мире. Главная задача и политиков, и общества — имея в виду этот ориентир, Перестроить социальную систему.

Фредо Ариас Кинг,

основатель, издатель,

редактор журнала «Демократизация» (Мексика)

Я хотел бы поставить вопрос о необходимости Перестройки в Латинской Америке. Как мы все знаем, здесь есть много сравнимых черт не только между Горбачевым и Хрущевым, но и между Россией и Восточной Европой, с одной стороны, и нашими собственными переменами в Латинской Америке — с другой.

Двенадцать лет назад в Фонде Горбачева один аналитик говорил о мексиканизации России. Один из путей — быстро изучить и понять нашу проблему и взглянуть на политические силы. Есть три главные политические силы в Латинской Америке: либералы, консерваторы и антисоциальные силы.

Либералы — и левые, и правые, — конечно, самая здоровая сила, но и самая малочисленная по сравнению с другими остальными. Они любят и верят в человечество и будущее своей страны. Многие из них мотивируют это идеями, ценностями и свободы больше, чем собственными интересами.

Из общего ряда выделяются несколько лидеров. Я думаю о Фернандо Энрике Кордозо, который был нашим Александром Дубчексом, поскольку он перешел из недемократического

левого фланга в демократический центр, изменяя при этом страну. А впрочем, как мы все знаем, Дубчек его идеи поменяли гораздо больше, чем собственную страну.

А также я думаю об Оскаре Ариесе, Рауле Альфонсине, Патриссии Эльвин, Эдуардо Фрейе, других героях нашего времени.

Однако, к сожалению, политические лидеры иногда используют здоровую либеральную идею своих движений и партий лишь для прихода к власти, а затем связываются с олигархами, монополиями. А продолжением их действий становятся застой и стагнация.

Вторая сила — консерваторы. Это наши бояре. Они мотивированы материалами, интересами, властью, монополизмом, привилегиями. Они бывают весьма циничны. Они обычно безвредны для традиций своей страны. Но их цинизм, монополия, привилегии и стагнация как раз и создают условия для процветания антисоциальных сил.

Третья сила — антисоциалы. Они у нас в избытке, к сожалению. Они обычно используют язык прогресса и левых идей и даже убеждают наивных наблюдателей. Однако после прихода к власти они отходят от своей соблазнительной риторики, чтобы сконцентрировать в своих руках ресурсы власти, а остальным оставить — бедность и жестокость.

В Венесуэле, например, при Уго Чавесе мы наблюдаем новую красную олигархию, заменившую традиционную, разрушение среднего класса и даже дефицит продуктов питания и электричества на пике нефтяного бума. Это, конечно, — вина американцев.

В конечном итоге и антисоциальные силы, и консерваторы разделяют философию застоя. Необходимая Латинской Америке Перестройка может прийти только с либералами, особенно с радикальными либералами, которые принесли в жертву свою политическую карьеру ради перемен, необходимых их странам.

И тут мы приходим к нашей главной проблеме — у нас нет своих Горбачевых в Латинской Америке. Те из нас, кто изучает Перестройку, не перестают изумляться этому феномену. Как заметила как-то писательница Татьяна Толстая, феномен Горбачева пока не объяснен. А академик Заславская сказала в интервью мне: «Я очень высоко ценю Горбачева. Если бы Горба-

чева не было в составе Политбюро 85-го года, то я думаю, что полусуществование, полужизнь в России могли бы еще продолжаться несколько десятков лет. Это важно для молодых. Жизненный интерес Горбачева — был интерес Советского Союза и России. Это государственный муж. Но мы почти не видим теперь государственных мужей».

Люди забывают, к сожалению, какой нервной и опасной для самой себя и для окружающих Россия была до Перестройки. Никто другой не готов был дать народу власть, провести первые свободные выборы, освободить интеллектуальную прессу, избавиться от империи, покончить с холодной войной, ненавистью и самоизоляцией, военным бременем.

Никакой другой лидер не был готов к тому, чтобы вырвать Россию из сталинского лабиринта. И мы с нежностью вспоминаем Раису Максимовну, семья которой пострадала от сталинизма, как и семья Михаила Сергеевича.

Россия вернется к демократии. И это будет неизбежным следствием горбачевской Перестройки.

П.Р. Палажченко,

руководитель службы международных контактов Горбачев-Фонда

«Современные мировые вызовы» — мы называем так вызов безопасности, вызов преодоления бедности и отсталости, экологический вызов и, конечно, проблему демократии и прав человека в мире, а также проблему ресурсов, и то, возможна ли в современном мире управляемость на глобальном уровне.

Новое мышление — то, как оно задумывалось и как оно развивалось в горбачевские годы, — это, пожалуй, наиболее подходящий инструмент для поисков ответов на эти вызовы.

Наша дискуссия подтвердила, что и Россия, и мир находятся в преддверии перемен. Эти перемены обязательно начнутся. Многое будет зависеть от того, как поведут себя лидеры — лидеры России и мировых держав. Думаю, когда народы, общество и лидеры опять окажутся перед судьбоносным выбором, опыт Перестройки, того, что делалось в то время внутри страны, и в международных отношениях, обязательно будет востребован. Этот опыт, несомненно окажется полезным и очень важным.

ГЛАСНОСТЬ И РЕФОРМЫ В РОССИИ: ОЦЕНКИ, МИФЫ, ФАКТЫ

Вступление

О.М. Здравомыслова,
Горбачев-Фонд

Гласность и реформы — понятия, которые появились в русском языке довольно давно, спор о них идет уже не первый век. Если же вчитаться в современный российский политический дискурс, обращает внимание, что, начиная с 2005 года слово *реформы* упоминается сравнительно редко и как будто даже получило отрицательную коннотацию, связанную с радикальностью и разрушительностью нововведений. А значение *гласности* все чаще оспаривается и противопоставляется *свободе слова* — как неполноценное, расплывчатое и несовременное. Хотя если обратиться к старым и новым словарям русского языка, оказывается, что *гласность* — это понятие, широко употребляемое с XIX века и в своем значении *публичности, открытости* — важнейшее для культуры, особенно, сферы права.

В 2005 году Горбачев-Фонд и факультет журналистики МГУ провели международную конференцию и опубликовали сборник статей «Гласность и журналистика». Его авторы — журналисты, и международные исследователи СМИ доказывали, что с конца 80-х годов — с Перестройки, гласность превратилась в одно из ключевых понятий теории журналистики и вошла в политическую теорию. Нельзя «закрыть» гласность и оставить свободу слова, поскольку гласность, или открытость, доступность публичному обсуждению — это атмосфера, в которой свобода слова только и может быть действенной. При неполной, ограниченной гласности свобода слова сталкивается с реальной опасностью вырождения, превращения в пусто-порожную болтовню.

Триада: «гласность — реформы — гражданская активность» сопровождает процессы демократических изменений в

любой стране. Только в атмосфере гласности у граждан возникает возможность контролировать действия власти и принуждать к ответственности.

Иное направление общественного развития выражено знаменитой формулой, которую Достоевский вложил в уста Великого инквизитора — «чудо, тайна и авторитет» — что, по сути, есть формула деспотической власти. Так в принятии или отторжении гласности сталкиваются глубоко противоположные по своей природе воззрения на мир и его будущее.

Гласность создает общественный диалог и обратную связь между гражданами и властью, она становится необходимым условием политики в эпохи, когда реформы назрели и востребованы обществом, когда остро необходим ответ на очередной вызов модернизации.

ДОКЛАДЫ

Начало реформ: пусковой механизм

А.А. Левандовский,
МГУ им. Ломоносова

Важнейшую проблему российского бытия конца XVIII — первой половины XIX веков составляло бросающееся в глаза противоречие: с одной стороны, необходимость отмены крепостного права в стране очевидно назревала; с другой — провести это радикальное преобразование здесь было некому.

О том, что крепостное право есть зло, писал еще Радищев в конце XVIII века, обосновывая свое убеждение с позиций, которые сейчас назвали бы «гуманитарными». Подобные взгляды медленно, но верно распространялись в той, крайне малочисленной, части дворянского общества, которую позднее А.И. Герцен справедливо назвал «образованным меньшинством». Скорее, впрочем, медленно, чем верно... Во всяком случае, к середине XIX века сторонники реформ были представлены ничтожной кучкой «инакомыслящих» членов славянофильского и западнического кружков в столицах и та-

ковыми же оригиналами-одиночками, рассеянными по просторам провинциальной России. Основная масса дворян-помещиков любые разговоры, в которых крепостное право ставилось под сомнение и в это время по-прежнему воспринимала, как безусловное зло — «благородное сословие», в целом, прекрасно сознавало, что все его материальное благополучие и политическое влияние зиждилось именно на крепостничестве.

С другой стороны, о необходимости, если и не полной отмены, то серьезного смягчения крепостных отношений начинали постепенно задумываться представители верховной власти. Свидетельством этого, опять-таки, очень медленного, но верного поворота государственной политики — от последовательно закрепощения крестьянской массы к поискам выхода из крепостного застоя — явились царские указы, пусть не многочисленные и не вполне последовательные: указ «О трехдневной барщине» Павла I (1797 г.), указ «О вольных хлебопашцах» Александра I (1803 г.), нормировка барщины и оброка в ходе инвентарной реформы Николая I (1847 г.)... При этом у государей, особенно у Николая Павловича, на первый план все больше стала выходить экономическая составляющая крепостного вопроса: все ясней становилось, что хозяйственная система, сложившаяся на основе принудительного труда, в XIX веке начинала тормозить развитие самого хозяйства. С высоты престола это было заметно особенно хорошо.

* * *

Зато в крепостной, николаевской России жилось так тихо, так спокойно... И сами представители власти не могли не ценить этой тишины и покоя, которых их предшественники добивались веками. Именно к середине XIX века в стране, наконец-то, был наведен вождеденный порядок — благодаря строго централизованной системе управления, в основание которой были положены все те же крепостные отношения.

Эта система имела, собственно, три уровня власти: высший, центральный — царь с министрами; средний, губернский

— губернатор со своим штатом чиновников; низший, уездный — городничий в городе и капитан-исправник за его пределами. А ниже — был помещик... «У меня сто тысяч даровых полицмейстеров», — говаривал Николай I; мог бы сказать то же и о судьях, и о сборщиках податей... Действительно, уже с середины XVIII века помещик стал совершенно реально выполнять функции дарового агента власти по отношению к своим крепостным: поддерживал среди них крепостной порядок, разбирал хозяйственные и семейные тяжбы, взимал подати в пользу государства. Отмена или даже смягчение крепостного права грозили, с одной стороны, разрушить этот надежный фундамент системы управления; с другой — посорить верховную власть с помещиками, которых она привычно воспринимала как свою единственную, по-настоящему, надежную опору. Легко ли было рубить сук, на котором сидишь...

Не удивительно, что Николай I, при всем его несомненном понимании бесперспективности крепостных отношений, сделал все же решительный выбор в пользу тишины и покоя. Именно в его царствование была разработана и взята на вооружение теория «официальной народности» — идеология, провозглашавшая существующее положение вещей воплощенным идеалом бытия русского народа. Утвердившись на таких принципах, Николай I заведомо отказывался от любых серьезных преобразований.

В конечном итоге, вопрос решался в пользу помещика и чиновника, благоденствующих персонажей того времени — тех, кому на Руси, взаправду, было жить хорошо... За исключением этой крепкой связки действующих лиц, помянуть в связи с крепостной проблемой больше некого. Все остальное население России было безгласно, невежественно¹⁴, лишено политического смысла и влиять на решение принципиально важных государственных вопросов никак не могло. За исклю-

¹⁴ Напомню, что в начале XIX века грамотные на Руси составляли 1% с небольшим от всего многомиллионного населения. Ясно, что за вычетом представителей тех сословий, грамотность которых подразумевалась по определению — помещиков, духовенства и, отчасти, купечества — на долю трудовой массы населения не оставалось ничего... К 1861 году процент грамотных вырос, в общем-то, ничтожно — до 4% с небольшим.

чением, конечно же, действий «бессмысленных и беспощадных»... Но к середине XIX века пугачевщина стала уже забываться. В стране, повторим, было тихо¹⁵.

Таким образом, реформы, объективно востребованные страной — отмена крепостного права, прежде всего — не интересовали здесь, казалось, почти никого. Исключение составляли очень немногие дальновидные представители власти, которые, однако, не склонны были спешить с переменами, и «образованное меньшинство» — общность ничтожная по численности и не имевшая никакого влияния на государственные дела. В такой ситуации застой, восторжествовавший к середине XIX века, почти во всех сферах политической и экономической жизни, казался совершенно безысходным.

* * *

Ситуацию резко изменила Крымская война. Общая техническая отсталость России от передовых стран Запада, мало кому заметная в мирное время, в этой войне проявилась со всей очевидностью. Еще сравнительно недавно русская армия, в отношении вооружения, ничем особо не уступала наполеоновской, безусловно, лучшей в мире — и сражалась с ней на равных, более того, побеждала ее! Однако, это время, так тесно связанных между собой военного паритета России с Западом и ее боевой славы, осталось в прошлом. Теперь же, в 1850-х годах Россия заведомо проигрывала своим противникам — Англии и Франции — и на море, и на суше. Великолепно обученным экипажам боевых судов черноморского флота пришлось топить их своими руками у входа в Севастопольскую бухту — выдержать бой с пароходами союзников русские парусные корабли

¹⁵ Конечно же, и в это время бывали волнения, убийства помещиков, поджоги усадеб. Но все эти проявления недовольства носили локальный характер; власть с помощью своих хорошо отлаженных структур, как правило, быстро и умело подавляла подобные «беспорядки» в зародыше. И знаменитую, часто цитируемую фразу А. Бенкендорфа из отчета III отделения собственной его императорской канцелярии: «Крепостное право есть пороховой погреб под государством» — в контексте общей государственной стабильности следует, наверное, воспринимать как приглашение Николая I к размышлению — а не как призыв к немедленным действиям. Двери погреба пока что были надежны заперты и хорошо охраняемы.

не могли, по определению: не та была скорость, не та маневренность. Артиллерия и, особенно, стрелковое оружие заметно уступали западным по дальности и меткости стрельбы. У союзников в Крыму, за тридевять земель от Западной Европы были огромные проблемы со снабжением своих армий всем необходимым; и все же они справлялись с этим лучше, чем действовавшее на своей родной земле русское командование — железная дорога в России к этому времени, по большому счету, была всего одна (Петербург — Москва), шоссейных было мало, а обычные, грунтовые дороги большую часть года находились в безобразном состоянии, представляя собой топь непролазную. И так далее, и тому подобное... Грандиозный, зияющий провал в несколько десятилетий стал очевиден — в него уложилось все николаевское царствование: в то время, как Европа бурно развивалась, Россия топталась на месте. И современникам становилось все ясней, что коренной причиной этой роковой для страны отсталости был именно тот «образцовый» самодержавно-крепостнический порядок, который официальные идеологи возводили в идеал бытия русского народа. Да, и «образцовость» эта оказалась мнимой: напряжение военного времени буквально выдавило на поверхность все пороки николаевской системы управления, до того, может быть, не столь заметные. Главным из них, очевидно, было совершенно формальное отношение российского чиновника к делу, очень органично сочетавшееся с неудержимым, хищническим мздоимством¹⁶.

¹⁶ Чиновничий подход к делу наиболее ярко проявлялся как раз в снабжении русской армии в Крыму — то, что оно было сказочно безобразным зависело далеко не только от отсутствия железных дорог... На снабжение отпустились огромные средства — и тем не менее, рацион защитников Севастополя нередко ограничивалось ржаными сухарями, перетертыми с крошку, которую перед едой размачивали в воде; раненые в госпиталях зимой обогревали помещение своим дыханием; обозные лошади выгрызали друг другу гривы — с голодухи, за полным отсутствием фуража. На автора статьи, в частности, сильное впечатление произвел эпизод из воспоминаний одного артиллерийского офицера, командовавшего в Севастополе батареей, состоявшей в основном из орудий нестандартного калибра. В снарядах к ним вскоре после начала осады было официально отказано за, якобы, полным отсутствием их на военных складах. По счастью, пишет автор, на его батарее служил унтер-офицер, имевший родство, оказавшееся спасительным: ему приходился кумом смотритель одного из этих складов... Так, «по благу», тайком, проблемы с нестандартными снарядами успешно решались на протяжении всей осады.

Все это, буквально, било в глаза, производя самое сильное впечатление, оскорбляя патриотические чувства, которые так заботливо пестовались в николаевскую эпоху, и порождая самые серьезные опасения за будущее страны. Необходимо было срочно становиться другими, меняться — и россияне начали меняться.

* * *

Поначалу, конечно же, господствовали эмоции. Лучше всего общие ощущения передал, наверное, славянофил А.С. Хомяков, писавший в частном письме на другой день после известия о смерти Николая I, которого буквально сгубила Крымская война¹⁷: «Что бы ни было, а будет уже не то». Судя по многочисленным воспоминаниям современников, это ощущение охватило самые разные круги населения, выражаясь иной раз в весьма причудливых формах¹⁸.

Однако, надо заметить, что изменилось лишь общее настроение — а, отнюдь, не соотношение сил сторонников и противников крепостного права. По крайней мере, пока все эти эмоции, порожденные поражением в Крымской войне, выражались в бесконечных пересудах, носивших сугубо частный характер, крепостники могли быть относительно спокойны. Ожидание перемен становилось все напряженней, но реально огромная страна, по-прежнему, находилась в состоянии сту-

¹⁷ Николай I, чрезвычайно переживавший за несчастный ход военных действий, простудился на смотру; простуда, на которую царь не обращал внимания, перешла в пневмонию... Умирал Николай тяжело, и в обществе ходили упорные слухи, что он потребовал у лейб-медика Мандта яд, чтобы покончить со своими мучениями.

¹⁸ Из массы возможных примеров приведу лишь один, по-моему, выразительный. В.Г. Короленко, проведший детство, пришедшее как раз на эпоху реформ, в украинском захолустье — городе Ровно, вспоминал, какое сильное впечатление на местных обывателей производил спившийся чиновник, имевший уникальную способность — «прослушивать» телеграфные столбы... Так вот, ему удалось «прослушать» официальные переговоры между новым русским царем Александром Николаевичем и французским императором Наполеоном III, который, оказывается, освобождение крепостных выставлял главным условием при заключении мира. Александр Николаевич при этом «говорил робко» и со всем соглашался...

пора — и вывести из этого состояния ее, очевидно, могла лишь верховная власть.

Между тем, на нового царя, Александра II особых надежд в отношении реформ возлагать, казалось бы, не приходилось. Александр Николаевич взшел на престол в 36-летнем возрасте — то есть, зрелым человеком, с вполне сформировавшимися убеждениями. Не вдаваясь в подробности, достаточно сказать, что убеждения эти формировались под мощным влиянием его отца, которого Александр всегда искренне почитал, видя в нем единственный, в своем роде, образец для подражания. Соответственно в той государственной деятельности, к которой его привлекал император Николай, Александр постоянно проявлял себя, как человек по духу очень консервативный.

Однако, восприняв убеждения отца, Александр II имел совершенно другой, отличный от него характер. И на первый взгляд, сравнение здесь было совсем не в его пользу. Уже современники отмечали — и вполне справедливо — что новый царь совершенно не обладал твердостью и последовательностью Николая I, не имел столь сильной воли, был, скорее, уступчив, чем настойчив. И вроде бы, в последовательные реформаторы поэтому не годился... Однако, если учитывать условия, в которых начиналось это царствование, то скорее следует сказать, что при таких чертах характера царь не годился, как раз, в последовательные консерваторы.

Ведь, если исходить из знаменитой максимы Ларошфуко: «Наши достоинства не более, чем продолжение наших недостатков» и — наоборот, становится совершенно очевидным, что Александр II был более восприимчив, чем его твердокаменный отец, более открыт миру, более пластичен... Именно этих качеств, очевидно, требовала эпоха перемен от главы государства. Но при этом надо иметь в виду, что Александр II обладал еще одним качеством — безусловно позитивным, которое я, например, затрудняюсь подогнать под универсальную, казалось бы, максиму Ларошфуко: царь был человеком чрезвычайно ответственным. Этим качеством, я думаю, он даже превосходил Николая I, для которого очень многое значила поза, впечатление, им производимое, и тому подобная бута-

фория. Все это, ведь, нередко затмевает суть дела. Для Александра же Николаевича эта суть всегда была на первом плане...

* * *

Хорошо известно, что Александр II искренне и глубоко переживал события, в ходе которых он взошел на трон. Его потрясла явно преждевременная смерть отца, успевшего сказать ему напоследок: «Сдаю тебе команду не в полном порядке...» Что это именно так и есть, Александр II сразу же убедился, вникнув в проблемы, связанные с ходом войны и столкнувшись с теми вопиющими безобразиям, о которых писалось выше¹⁹.

Подробности внутренней, духовной работы Александра II от нас в значительной степени скрыты. Но, очевидно, что царь на удивление быстро сумел сделать единственный правильный вывод из всех этих своих тяжелейших впечатлений: он стал решительным сторонником отмены крепостного права, увидев в нем главную причину всех российских бед. При этом речь ни в коем случае не шла о каком-то чудесном перерождении его в последовательного либерала, принципиального сторонника широких преобразований. Нет, он, по-прежнему, оставался самодержцем не только по своему положению, но и по своей сути; он, в целом, сохранил свой общий консервативный настрой, при котором любые серьезные перемены, в принципе, были ему неприятны. Но, осознав насущную необ-

¹⁹ Сохранилась трогательная, в своем роде, запись современника — свидетеля беседы Александра II и знаменитого хирурга Н.И. Пирогова, только что вернувшегося из Крыма. Пирогов со свойственной ему прямоотой и резкостью говорил о тех жутких злоупотреблениях, с которыми ему приходилось сталкиваться в Севастополе. Царь отказывался верить... «Государь не верил, выходил из себя и говорил: «Неправда, не может быть!» и возвышал голос. А Пирогов, так же возвысив голос, отвечал: «Правда, Государь, когда я сам это видел!» — «Это ужасно!» — воскликнул, наконец, царь и едва удержался от слез...» Царь, здесь, ведет себя совсем не «по-николаевски», без свойственной умершему отцу величественной монументальности; согласитесь, очевидная искренность Александра II, его способность вести разговор на равных, непосредственность реакции — все это в какой-то степени объясняет, каким образом ему удалось разобраться в ситуации и дать ход реформам.

ходимость таких перемен, царь готов был переступить через свою неприязнь к ним. Такой позиции, конечно же, не хватало цельности, она грозила разнообразными осложнениями в будущем, и все-таки — это было начало прорыва.

Но только самое начало... Решившись на отмену крепостного права, царь понятия не имел, как это делается: очевидно, что никогда раньше этот вопрос им всерьез не воспринимался; никакой, даже самой общей программы действий у него не было. И посоветоваться было почти не с кем: Александра II окружали сановники, доставшиеся ему в наследство от отца, то есть, в лучшем случае, более или менее дельные исполнители «высочайших предначертаний». Подвинуть их на какие бы то ни было соображения по поводу коренных реформ было, практически, невозможно.

В свое время в этом должен был убедиться сам Николай I: стремясь, исподволь, нащупать путь смягчения крепостного права, он за свое тридцатилетнее царствование создал 10 комитетов для обсуждения этого вопроса — ни один из них не дал сколько-нибудь заметного результата. О каком результате, впрочем, могла идти речь, если все эти комитеты были **секретными**: ведь, поскольку крепостное право в рамках официальной идеологии провозглашалось одной из главных основ счастливого бытия русского народа, то обсуждать его с критических позиций открыто, **гласно** было, конечно же, невозможно. Если бы еще при этом удалось крепостное право как-нибудь секретно отменить²⁰...

* * *

Александр II тоже попытался действовать в духе своего обожаемого отца: очередной Секретный комитет по крестьянскому вопросу был создан им в 1857 году. В этом комитете заседали отборные сановники, сделавшие карьеру в николаев-

²⁰ Сами бюрократы, заседавшие в этих комитетах дело понимали тонко... Один из них М.А. Корф с явным самодовольством приводит в дневнике свою реплику соседу, шепотом ужаснувшемуся сложности крепостного вопроса: тронешь ничтожную частность — ползет целое. Как быть?.. «Как быть? — отвечал я ему. — А не трогать ни частей, ни целого. Так мы, по крайней мере, дольше протянем».

ские времена, во главе с недавним шефом жандармов А.Ф. Орловым. Все было как при покойном царе — включая и полное отсутствие серьезных результатов.

К чести Александра II он очень быстро понял полную бесперспективность подобных — то есть, секретных — действий. Тем более, что эта секретность свела на нет и еще одно очень важное, в принципе, предприятие. Дело в том, что царь изначально не хотел решать крепостной вопрос исключительно сверху, то есть чисто бюрократическим путем. Так же, как и его отец, Александр II в этой ситуации с опасением посматривал на одну из главных заинтересованных сторон — помещное дворянство²¹. Одним из самых заветных желаний царя было наладить с этой серьезной социальной силой контакт, инициировать какое-то подобие сотрудничества с ней.

Осуществлению этой цели была посвящена, так называемая, «миссия Левшина» — конечно же, секретная. Левшину, товарищу (заместителю) министра внутренних дел, было поручено провести негласные переговоры с предводителями губернских дворянских собраний, съехавшимися в Москву летом 1856 года на коронацию Александра II. От дворянских лидеров требовалось, всего-то навсего, обращение к верховной власти с любым, пусть, самым невнятным предложением «улучшить положение крестьянства». Нужна была хоть какая-то зацепка...

Однако, предводители царя разочаровали. Товарищ министра со сдержанной скорбью докладывал о явном нежелании этих людей, вполне реально представлявших интересы помещиков своих губерний, вступать в переговоры с властью по такому щекотливому вопросу. Все они в ответ на настойчивое предложение Левшина не упрямыться и проявить добрую волю реагировали, в общем-то, схоже: кто был предельно уклончив, кто отделялся общими фразами, кто мямлил что-то

²¹ Известно, что когда Николаю I предложили нормировку барщины и оброка, проведенную им в 1847 году в украинских губерниях распространить на губернии русские, царь дал весьма выразительный ответ: «Хотя я всевластный и самодержавный, я на это не пойду: я не могу ссориться с моим дворянством» (ополяченное и окатоличенное украинское дворянство — шляхту Николай I, очевидно, своим не считал и потому готов был несколько ограничить эксплуатацию им украинских крестьян).

невнятное... Общий же смысл их заявлений сводился примерно к следующему «Делайте, что хотите, власть ваша, мы люди подневольные; но сами голову на плаху — не положим». «Миссия Левшина», таким образом, оказывалась невыполнимой... Причем, учитывая общую ситуацию сложившуюся в стране к концу Крымской войны, можно было быть уверенным: большинство этих представителей «благородного сословия» не рискнули бы так откровенно проигнорировать вопрос об улучшении положения трудовой крестьянской массы — если бы этот вопрос был задан им **гласно**, открыто.

Традиционная секретность неразрывно связанная с лубой критической оценкой крепостничества, служила отличным прикрытием для крепостников любого толка — будь то высшие сановники, искушенные в бюрократических интригах, или незатейливые помещные хозяева.

* * *

Клин клином вышибают; бюрократическую секретность, канцелярскую тайну — **гласность**. Это понятие, оживленное в обществе славянофильскими публицистами, оказалось привлекательным и для русского самодержца. Может быть, главное достоинство Александра-реформатора именно в том и заключалось, что он вовремя понял: прежде, чем начинать какие бы то ни было реформы, нужно создать для них соответствующие условия. То подспудное ощущение необходимости и неизбежности перемен, которое охватило в это время самые разные слои населения, следовало вывести на поверхность, легализовать, позволить ему выразиться в свободной дискуссии, обмене мнениями... Только так можно было дать ход процессу преобразований, сделать его необратимым. Иначе все эти сильные и, в принципе, позитивные чувства могли, так и погрязнуть в пучине секретности.

Первый, пусть робкий, но тем не менее, очень важный шаг на этом пути сделал сам царь, приняв совет и помощь от «чужих» — от представителей того самого «образованного меньшинства», которых так не любил и презирал его отец и с которыми сам Александр до поры до времени не имел никаких дел.

Теперь же на его имя, буквально, с первых дней царствования начинают поступать записки, посвященные критике существующего положения вещей; проекты, связанные с грядущими переменами и, прежде всего, с отменой крепостного права. Пишут их люди очень авторитетные в общественной среде: славянофилы А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, А.И. Кошелев; западники К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин. И царь читает все эти своеобразные послания от «образованного меньшинства», получая, тем самым, возможность выйти за пределы привычных бюрократических воззрений, познакомиться со свежими, совершенно непривычными для него взглядами, посмотреть на знакомую ситуацию в новом, неожиданном ракурсе²².

* * *

Почти сразу же после восшествия на престол Александра II меняется отношение власти к периодической печати. Прежде всего, появляется возможность, которая раньше практически отсутствовала: открыть новый журнал (Николай I, который держал это дело под своим личным контролем, на соответствующих прошениях накладывал, как правило, одну и ту же резолюцию: «И без того слишком много»). Теперь же, в 1856 — 1857 годах, с удивительной легкостью дозволяются новые периодические издания, из которых особо выделяются органы идейных кружков — западнический «Русский вестник», издававшийся М.Н. Катковым, и славянофильская «Русская беседа» А.И. Кошелева. Все большую популярность приобретают и старые, хорошо знакомые читателю журналы — «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения».

Буквально на глазах слабеет цензурный надзор за печатью. Правда, вплоть до 1857 года в печати запрещалось об-

²² В контексте этой статьи особое внимание следует обратить на записку К.С. Аксакова, в которой очень четко была сформулирована славянофильская точка зрения на то, как следует управлять Россией: «Сила власти — царю, сила мнения — народу». Та же система управления, которая господствовала в России, царя возводила в Бога, а его подданных низводила до звериного уровня. Аксаков с большой силой и выразительностью отстаивал свободу слова, утверждая, что свобода эта неизбежно приводит к торжеству истины и отрицать это — есть безбожие... Согласитесь, что почитать все это самодержцу было очень и очень полезно.

суждать крепостной вопрос — но зато никто не запрещал обличать то, что можно условно назвать порождением крепостничества: произвол, беззаконие, унижение личного достоинства... Именно в это время на журнальной основе начинает складываться **обличительная литература**, привлекающая к себе все большее внимание читателей. Тем более, что наряду с произведениями художественного характера в печати все чаще появляются документальные материалы, в которых речь идет о реальных событиях, называются настоящие имена...

Конечно же, в русской подцензурной печати эта небывалая раньше свобода имела свои пределы. Но с 1856 года в России все большее распространение получают издания Вольной типографии А.И. Герцена (той самой, что базировалась в Лондоне) — «Полярная звезда», затем «Колокол». И вот тут уже никаких ограничений в обличении крепостничества и призывов к реформам нет, по определению... Хотя издания Герцена распространяются в России нелегально, происходит это удивительно легко и почти не встречает сопротивления со стороны властей. Да, о чем тут говорить, если сам Государь император не скрывал, что читает «Колокол» с большою пользою для себя.

Все эти журналы, издававшиеся разными людьми и имевшие, в принципе, различные программы, безоговорочно сходились в одном: они готовы были поддерживать любое «отрадное явление», связанное с ожидаемыми переменами, и — столь же последовательно нападали на все, что, с их точки зрения, мешало прогрессу. Быть крепостником в России стало небезопасно²³...

* * *

В атмосфере все более торжествующей гласности особое значение приобретали те шаги, которые продолжал делать в этом направлении сам Александр II. Каждое событие,

²³ Характерно, что при огромном количестве противников крестьянской реформы в образованной среде — то есть, среди людей, умеющих читать и писать, — в русской периодике практически не было открытых и последовательных выступлений в защиту крепостных отношений. Это действительно было небезопасно — могли, если не убить, то изувечить... Духовно.

порождаемое этим поступательным движением, было значимо; я отмечу два из них — те, что представляются наиболее важными.

В 1856 году, накануне коронации, Александр II приехал в Москву и по настоянию московского генерал-губернатора графа А.А. Закревского держал речь перед представителями московского дворянства. Закревский, сам принадлежавший к помещикам того типа, которым право владения крепостными представлялось столь же естественным, как и право есть, пить и дышать, просил царя успокоить дворян, встревоженных «нелепыми слухами». Царь начал успокаивать и, выдержав всю свою речь в заздравном тоне в отношении «благородного сословия», совершенно неожиданно закончил ее заупокойной фразой: «И все же крепостное право придется отменить. Лучше начать уничтожать его сверху, чем ждать того времени, когда оно само собой начнет уничтожаться снизу».

Значение этой фразы переоценить невозможно: впервые глава государства открыто, во всеуслышание заявлял о своих принципиальных намерениях в отношении крепостной системы. Именно с речи Александра II перед московским дворянством и начинается, собственно говоря, эпоха Великих реформ²⁴.

В следующем, 1857 году, Александр II еще раз с блеском продемонстрировал свое умение использовать гласность в интересах дела. Надо сказать, что после неудачной «миссии Левшина» царь не оставил надежд «раскатать» помещиков на какое-либо движение в пользу крестьянской реформы. Зацепка с этой стороны, по-прежнему, казалась ему необходимой. Вместо незадачливого Левшина «дворянскую проблему» должны были решать теперь представители власти в губерниях, которым вменялось в обязанность нажимать на «своих» по-

²⁴ Эта речь была настолько неожиданной и шокирующей не только для московских дворян, но и для всей бюрократической верхушки, что подвигла тогдашнего министра внутренних дел С.С. Ланского на некоторое нарушение этикета. По возвращении Александра II в Петербург он решился прямо попросить у царя подтверждения в отношении сказанной им фразы — слухам министр, очевидно, не поверил. «Да, — отвечал Александр, — я сказал это и не жалею». В сущности, это было первым и очень ярким проявлением нового подхода царя к необходимым преобразованиям.

мещиков, гнать их в нужном направлении. В конце концов, генерал-губернатор Виленский, Ковенский и Гродненский В.И. Назимов, администратор весьма жесткий и настойчивый, вынудил подвластных ему помещиков совершить столь желаемое царем действие: обратиться к нему с просьбой дозволить им «усовершенствовать» свои отношения с крепостными. Царь дозволил.

20 ноября 1857 года Александр II подписал рескрипт на имя Назимова, в котором дворянам-помещикам Виленской, Ковенской и Гродненской губерний предлагалось создать путем выборов комитеты в каждой из этих губерний. В комитетах представители дворян-помещиков должны были обсудить, на каких условиях они готовы освободить своих крепостных и подготовить соответствующий проект для своей губернии.

Само по себе это было событием важным, но не решающим. В конце концов, дело пока что касалось окраинных западных губерний, населенных не русскими, а литовцами и белорусами. В этих краях у крепостного хозяйства была своя специфика; существовала опасность, что даже если здесь и будут проведены какие-то реформы, они могут иметь локальный характер²⁵. Как совершенно справедливо заметил в свое время один из первых историков реформы А.А. Корнилов, принципиально важен был не столько сам рескрипт, сколько то, что он был тут же **опубликован** в печати.

Это была инициатива самого царя, которого окружавшие его крепостники всячески пытались удержать от этого шага — их самих пугала именно публикация рескрипта. И можно понять почему: после этой публикации дело освобождения крестьян приняло, наконец, практическое направление. Прошло совсем немного времени после того, как царский рескрипт стал известен всей России и — «процесс пошел». Те самые предводители, которые совсем недавно даже слышать не хотели об обсуждении крестьянской реформы, один за другим подают прошения на царское имя: от лица предводимых им помещиков просят Государя императора позволить им со-

²⁵ Так, еще при Александре I было отменено крепостное право в соседних с этим регионом Лифляндии и Эстляндии — совершенно нечувствительно для всей остальной Российской империи.

здать в своих губерниях комитеты, по образцу Виленского, Ковенского и Гродненского. Верховная власть, публично заявив о начале реальной работы над подготовкой реформы, не оставила им другого выхода. Было очевидно: откажешься обсуждать и составлять проект — реформу спустят сверху. Предложенный правительством вариант подготовки отмены крепостного права позволял, по крайней мере, поддержать это дело в своих руках, попытаться при расставании со своими крепостными урвать себе кусок пожирнее...

Как бы то ни было через несколько месяцев после публикации рескрипта губернские комитеты работают уже по всей России; дворянские депутаты обсуждают в них проекты крестьянской реформы и обратного хода уже не будет — колесо истории пришло в движение, пусть и с характерным для него скрипом... Гласность, живое обсуждение не только сделали процесс преобразований того времени необратимым, но еще направило его в нужное русло, придало ему плодотворный характер.

С 59–60-го годов начинаются проблемы. Дальше дело, однако, пошло хуже. А кончилось, как известно, совсем плохо... Чем больше занимаешься русской историей, тем больше впадаешь в тоску. Если не кровь, то ложь, если не застой, то бунт. Праздничных страниц в нашей истории мало.

Гласность в политике Перестройки

В.Л. Шейнис,
ИМЭМО РАН

В Вашингтоне через улицу от знаменитого художественного музея уже два года как существует новый музей, посвященный Первой поправке к Конституции США. Все завораживает в этом учреждении: содержание, оформление, толпы посетителей и среди них — большое число молодежи, американцев и иностранцев. Музей — многоэтажное здание, заполненное броскими диаграммами, яркими картинками, вещественными экспонатами, фотографиями. Идут фильмы, звучат ау-

дидзаписи. Все это призвано продемонстрировать значимость комплекса свобод и для Америки, и для всей современной цивилизации. Я бы хотел когда-нибудь увидеть в нашей стране Музей Перестройки, в котором было бы наглядно показано, как гласность перерастала в свободу слова и печати, а затем наступил откат, в ходе которого в неявной форме была восстановлена государственная цензура в наиболее массовых средствах коммуникации. Хотелось бы надеяться, ненадолго. **Гласность была важнейшим компонентом политической реформы Горбачева**, с нею было неразрывно связано то позитивное, что пришло в нашу жизнь на исходе XX века. Гласность была одним из наиболее значимых сигналов, которые власть подала обществу в 1985 году.

Но в свете того, о чем я собираюсь говорить, хотелось бы прежде всего обратить внимание на то, как была сформулирована первая поправка к американской Конституции. Начинается она со слов: «Конгресс не должен издавать законы, которые посягают на свободу слова, собраний, религиозную свободу» и т.д. Мы, американцы, говорили авторы поправки, сами разберемся со своими правами. Мы утверждаем свободу слова, а Конгрессу — высшему законодательному и представительному органу — запрещается эти свободы ограничивать.

Нам же наша история предписала начать (или, точнее, не начать, а возобновить) движение к свободам, лежащим в основе современной цивилизации, как бы с другого конца. Это потом «отцы-основатели» российской Конституции оснастят ее неплохо сформулированным (но, к сожалению, недостаточно надежно гарантированным) набором прав и свобод человека и гражданина. А начиналось с другого: наш де-факто высший государственный орган, а именно Политбюро ЦК КПСС, в принятой тогда форме нормотворческих партийных документов провозгласило гласность.

Гласность — это, конечно, еще не свобода слова. Но в самом этом провозглашении содержались и прорыв, и достижение, и противоречия, с которыми Перестройка входила в нашу жизнь. Наше общество в середине 1980-х гг. принципиально отличалось от американского конца XVIII века. То было общество восставших против короны, сознающих свои неотъемле-

мые права и силу плантаторов, фермеров и горожан. Наш старт был другим. Гласность вводилась в ригидную **идеократическую** общественно-политическую систему. Идеология, предмет особого внимания государства была не единственным, но ключевым фактором формирования общественного сознания и стандартов поведения и выполняла важнейшую охранительную функцию. Официальная идеология утверждала в массовом сознании набор мифов, неладно скроенных, но крепко сшитых. В такой системе гласность, предполагающая поступление неконтролируемой государством информации и свободный обмен мнениями, была не только инородным, но и взрывным элементом.

Во вступлении к дискуссии Ольга Здравомыслова упомянула известную триаду из романа Достоевского — речение Великого инквизитора. Можно сказать, что именно **чудо, тайна и авторитет** были важнейшим идейным субстратом, который сообщал устойчивость власти в советском обществе. Правда, представляли они в модифицированном виде. **Чудеса** были растиражированы, сменяемы и бесконечны. **Тайна** была превращена в таинство государственной жизни, а сама государственная жизнь с ее невообразимыми поворотами (читай Орвелла) и управляющими механизмами была укрыта как в кощеевом сундуке (который потом кибернетики назовут «черным ящиком»). И **авторитет** — самая уязвимая субстанция — зиждился не просто на силе внушения земного Бога (после 1953 г. мы вслед за Ницше могли бы воскликнуть: Бог умер!). Но на великолепно отлаженной системе общественного устройства, главным компонентом которой являлись идеологическая и политическая монополия правящей партии, всесторонний контроль государства над обществом, машина подавления и изоляции от всякого рода внешних влияний на население (цензура, радиоглушилки, спецхраны библиотек и т.д.).

Со всем этим была **абсолютно несовместима гласность**, объявленная уже на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. Реальная же проблема заключалась в том, каким образом гласность будет вводиться в эту систему и какие превращения в связи с этим произойдут в нашем обществе.

Необходимо подчеркнуть, что приход нового руководства, назначение на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева произошел в момент, когда СССР находился в полосе **глубокого общего кризиса**, глубина и проблемность которого были осознаны не сразу. Понятие «общий кризис общественной системы» еще в 1930-х годах выдвинул акад. Варга для теоретических упражнений Сталина и относилось к капитализму. Я не берусь сейчас обсуждать, в какой мере оно было теоретически правомерно и исторически адекватно тогда и тому объекту, к которому оно было отнесено. Но понятие не конъюнктурного и циклического, а очень глубокого общественного кризиса, который распространяется на все сферы жизни и неустраним без глубокого преобразования системы, очень точно отражало положение СССР в последние десятилетия его существования. Иное дело — в какой мере это осознавалось на различных ступенях общественной пирамиды, в частности, на ее вершине. Сознание серьезного неблагополучия, столь глубоко расходившееся с постулатами официальной идеологии, пробивало себе дорогу. Но публично с высокой трибуны о нарастании кризисных явлений будет сказано лишь через два года. Вопрос, вставший перед новым руководством, собственно, заключался в том, как совместить назревшие перемены со «священными коровами» коммунистической идеологии. Иными словами — как последовательно будет вводиться гласность, как широко будут удалены «зоны закрытые для критики»? То есть, как выходить из кризиса — отдавали ли тогда себе отчет в том, что речь идет именно о кризисе, или нет.

Существует довольно распространенная точка зрения, что ошибка нового руководства, ошибка Горбачева заключалась в том, что задачи, которые надо было решать одну за другой, принялись решать одновременно. Надо было, утверждают сторонники данного воззрения, сначала авторитарными, технократическими методами решить экономические проблемы, а уже потом перейти к политической (и идеологической, ибо в СССР они были неразрывны) декомпрессии. Тогда не возникли бы социально-политические напряжения, которые в конечном счете погубили Перестройку и вырвали руль государственного управления из рук реформаторов. Не осуществ-

вившаяся альтернатива видится как нынешний китайский (будто бы успешный, подтвердивший возможность введения эффективной рыночной экономики при сохранении партийно-бюрократического режима) либо как идеализированный андроповский вариант — совсем уж абстрактно выстроенная конструкция.

Я с этим взглядом согласиться никак не могу. «Китайский вариант», если и возможен был в СССР, как переходная стадия, то примерно тогда, когда сломали НЭП. В конце XX в. этот поезд уже ушел: не та была страна, не то общество, не та экономика и не та партия. Что же до Андропова, то попытки изобразить дело так, будто он, осуществив технологическую реконструкцию, примется за демократические реформы, очень слабо увязываются с лидером, оказавшимся «калифом на час». Да и с опытом всех послесталинских попыток экономических реформ, рыночный компонент которых неизменно и закономерно уходил в песок. Хотя гниение, маскируемое дезодорантами, которые мог выдумать Андропов или кто-либо еще, могло быть продлено, но выход из кризиса, переход на другую ступень общественного развития **невозможно было осуществить без политической реформы, подступом к которой как раз и было провозглашение гласности.**

Осознание необходимости и неотложности политической реформы приходило постепенно. На апрельском пленуме ЦК 1985 г. она была обозначена в достаточно общей форме. Слово «Перестройка» появилось в докладе Горбачева именно тогда, но в следующем виде: «Перестройка... хозяйственного механизма». То есть задача была тогда еще в значительной мере сведена к экономическим преобразованиям. И магистральный путь виделся чисто технократически — в ускорении развития на основе переброски капиталовложений из ТЭКа в обрабатывающую промышленность. Словам **«гласность» и «уроки правды»** в наскоро подготовленном тексте принадлежала скорее сопутствующая роль. Но важные слова эти были произнесены, и в перспективе обозначенные ими процессы станут профилирующими. Объективно выбор, который еще предстояло сделать, заключалась в том: **пытаться осуществить модернизацию сверху или вернуть политику в жизнь обще-**

ства. (Перед таким же выбором Россия вновь оказалась ныне). Конечно, Михаил Сергеевич и его соратники, приступая к реформам, не собирались ломать систему. Но их вела жизнь, которая стала меняться под воздействием заданных импульсов.

Важно при этом подчеркнуть еще один момент, на мой взгляд, очень значимый для понимания Перестройки и тех проблем, которые не сняты с повестки и сейчас. А именно: революционные, по сути, преобразования важно было совершить на мирном, эволюционном пути. Ибо справедливо сказано: насильственные потрясения в стране, начиненной ядерными боеголовками и атомными электростанциями, губительны, и вообще Россия исчерпала лимит насильственных революций в XX веке.

Казалось бы, некоторые важные условия для успешных не только экономических, но и социально-политических преобразований, для глубокой Перестройки, которая постепенно обретала все более объемное содержание, существовали. Во-первых, была партия с ее иерархической организацией, с высокой концентрацией власти в верхнем эшелоне, с дисциплиной и передаточными механизмами для команд, поступающих сверху. Во-вторых, было управляемое, слабо структурированное общество, в котором постепенно созревала и крепла надежда на благие перемены под влиянием того, что звучало с главной государственной трибуны. Следовательно, в руках реформаторов, как полагали многие, был безотказный инструмент в виде партии и податливый материал, который подлежал преобразованию. Такой взгляд на роль партии и готовность общества к переменам объединял верхний эшелон власти в партии и государстве. До поры и после того, как из него в 1985–86 годах был удален очевидный балласт в лице известных фигур, последних коммунистических мастодонтов, физически переживших свое время.

Известные результаты на этом пути, в частности, в сфере постепенно расширяемой гласности, в первые годы Перестройки были достигнуты. Советское общество прошло политическую школу первой ступени. Были существенно раздвинуты информационные горизонты, возвращены закрытые

до того пласты национальной и мировой культуры, ослаблены идеологические и политические запреты. Уже в это время распространение гласности, а вслед за тем и демократизация не были всецело направляемым из центра и сверху процессом: стали возникать очаги общественной самодеятельности на инициативной основе.

Но время шло, и возникало ощущение, что Перестройка начинает буксовать. В Тольятти, где Горбачев выступает перед активом, он встречает характерную реакцию: «Да, все ваши идеи замечательны, но ведь Перестройка до нас не дошла; у нас ничего не меняется». И Михаилу Сергеевичу ничего не остается, как обратиться к людям: «Берите дело Перестройки в свои руки». Отсюда до призыва «огонь по штабам» (конечно, не в хулиганской, хунвейбинской манере) — один шаг. (Мой опыт лектора, который в Перестройку впервые стал выступать по внутривнутриполитической проблематике, вполне с этим совпадает, а именно: в 1986 г. — «как здорово то, что Вы говорите вслух», а в 1987 г. — «а у нас ничего не происходит».) Действительно, смелые слова произносятся, гласность пробуждает надежды, создает новую идейную атмосферу, но на деле все или очень многое вершится по-прежнему. Одной только гласности (во многом еще дозированной), публичного обсуждения закрытых прежде вопросов — недостаточно. А жизнь в существенных для масс людей проявлениях не меняется (или даже из-за развала экономики меняется к худшему).

И вот тогда-то становится ясно, что партия в том виде, как ее унаследовали реформаторы, — неадекватный инструмент для проведения глубоких реформ. Тон, в особенности на местах, задает аппарат, номенклатура. Они существуют для совсем другого. Пытаются придушить и гласность.

Приведу характерный пример, в 1987 г. привлекла внимание публикация Григория Водолазова в «Коммунисте». На страницах главного партийного журнала Водолазов рассказывает о так называемой «нежинской истории» — одной из многих, но очень типичной. Водолазов был привлечен Комитетом партийного контроля для экспертизы материалов, которые вызвали скандал в Нежинском пединституте. Начальник спецотдела института написал донос: имярек такой-то прочитал

идейно порочную лекцию. Человека исключили из партии, уволили с работы. Дело об «идеологической крамоле» дошло до Комитета партийного контроля, где завершилось — не в пример многим тысячам аналогичных персональных дел по доносам «бдительных солдат партии» в прошлом — благополучно для жертвы.

Сопrotивление гласности, по сути — Перестройке, нарастало не только в средних и нижних звеньях аппарата. В этой связи напомним характерный для того времени обмен мнениями, который состоялся на XXVII съезде КПСС в 1986 г. Горбачев в докладе возвращается к проблеме гласности и говорит: «Иной раз, когда речь идет о гласности, приходится слышать призывы поосторожнее говорить о наших недостатках и упущениях, о трудностях, неизбежных в любой живой работе». Формулировка мягкая. Встречается аплодисментами. Но через несколько дней на трибуну поднимается секретарь Кемеровского обкома и предостерегает: «Печать, радио, телевидение — могучее оружие партии. Но надо уметь им пользоваться ...». Далее он ссылается на выступление Лигачева: «Отдельные газеты, в том числе «Правда», допустили срывы...» и добавляет: «Нельзя терять чувство меры. Нельзя, чтобы отдельные журналисты, не имея ни опыта, ни профессиональных знаний партийной работы, давали свои субъективные оценки проведению крупных партийных мероприятий». И, конечно, — аплодисменты зала.

Гласность провозглашена сверху. В зависимости от нарастания проблем и соотношения сил в верхнем эшелоне сигналы становятся все более определенными, зона дозволенного, ее проблематика расширяются. Акценты в официальных партийных документах переставляются. Достаточно сопоставить еще очень сдержанные трактовки исторических событий и деятелей советского периода в докладе М.С. Горбачева на праздновании юбилея Октябрьской революции в 1987 г. и нарастание антисталинизма в его последующих выступлениях. Но развитие идет не прямолинейно. На пути публикации знаковых произведений, демонстрации кинофильмов, «подрывающих основы» официальной идеологии, громоздятся преграды. На местах распорядители прибегают к проверенным методам

прямых запретов. Но когда препятствия преодолеваются, происходит рывок в углублении и расширении процесса.

Самое главное — в обществе начинает консолидироваться социальная база Перестройки. Она расширяется за пределы первоначально существовавшего ядра — части интеллигенции, читателей и распространителей сам- и тамиздата, еще до 1985 г. многое уяснивших и проговоривших на кухнях малогабаритных квартир. Наиболее продвинутые группы общества, отталкиваясь **от гласности, берут свободу слова снизу.** Два потока соединяются. Нарастает и сопротивление перестроечным сигналам, «заволакивание» объявленных преобразований. И тогда реформаторы во главе с М.С. Горбачевым на январском пленуме ЦК 1987 г. обостряют постановку задач, провозглашают переход к кадровой и политической реформе. Ибо отдельные шаги, в том числе и в экономике, и сама гласность, оказываются недостаточными. **По российско-советскому обыкновению реформы, если они проводятся непоследовательно, замедленно, только сверху, уходят в песок.**

Январский пленум 1987 г., где был очерчен набросок политической реформы (правда, очень общо и неточно) был переломным. За ним последовала XIX партийная конференция, затем решения, принятые Верховным Советом в соответствии с постановлениями партконференции по конституционной реформе и реформе избирательной системы. И самое главное — альтернативные выборы 1989 и 1990 гг. Так выглядит **вектор.**

Если смотреть на прошлое из сегодняшнего дня, может показаться, что развитие шло поступательным образом, что последовательно, шаг за шагом продвигалась политическая реформа. К сожалению, это было не так. Сами реформаторы не раз сдерживали продвижение и подчас даже отступали. Неровный ход Перестройки, заминки на пути гласности бросались в глаза тем общественным силам, которые были разбужены Перестройкой, порождали скепсис, разочарование, сомнения в способности реформаторов решить поставленные ими же задачи.

В этой связи можно вспомнить два эпизода рубежа 1987–88 гг. Первый — «дело Ельцина», «октябрьский эпизод»

1987 г. Выступление на предпраздничном пленуме ЦК, в котором он подверг критике замедленность Перестройки и секретаря ЦК Лигачева, вполне отвечало линии на развертывание гласности. Можно было сказать и так: он вторгся в зону, еще не открытую для критики. Но говорил он это не где-нибудь, а на закрытом пленуме ЦК. И ничего «антипартийного», заслуживавшего суровой отповеди, Ельцин не сказал. Нарушил он только те каноны, которые свято соблюдались при режиме, который как раз и размывала гласность. Не было ничего крамольного и в том, что его выступление выпадало из предпраздничного ритуала (что особо возмутило его товарищей). В упрек Ельцину можно было поставить лишь то, что его выступление было поверхностным, а поведение после того — сумбурным и непоследовательным. С ним можно было спорить, но официальная реакция была неоправданно возбужденной, гневной. К тому же само выступление гласности предано не было. (Оно распространялось в самиздате и лишь в 1989 г. было напечатано в журнале «Известия ЦК КПСС».) А расправа с «диссидентом», объявившимся на Старой площади, прошла, как это издавна было принято в партии, разномыслия не терпевшей. Участники разоблачительной кампании повели себя как персонажи известной басни Крылова: «Пусть и мои копыта знает!» Самое же скверное заключалось в том, что урок антигласности был преподан пробуждавшемуся обществу, которое поторопилось увидеть в гонимом за неизвестно какую критику деятеле своего героя. Героя, которому предстояло, заместив Горбачева как лидера обновления, сыграть роль противоречивую, а под занавес — негативную. Такова была цена отступления от гласности и курса на демократизацию.

Второй пример — дело безвестной прежде ленинградской преподавательницы Нины Андреевой, рассылавшей свои убогие просталинские сочинения по редакциям газет. Бригада журналистов, посланных редактором «Советской России» в Ленинград, довела первоначальный текст до стандартов установочных образцов коммунистической пропаганды. Он, конечно, не вытягивал на уровень «манифеста антиперестроечных сил», как он был окрещен позднее в редакционной статье «Правды», и в потоке публицистики разного содержания и уровня мог бы остаться незамеченным. Существенным же бы-

ло демонстративное нарушение режима гласности и «плюрализма мнений». На протяжении трех недель в стране разворачивалась кампания, которая была расценена как реванш сталинистов. Статья из «Советской России» перепечатывалась в местных газетах, ксерокопировалась, райкомы рекомендовали изучать ее в сети партийного просвещения. И самое главное — был наложен запрет на публикации, критикующие заявленный подход. Поскольку кампания разворачивалась, когда Горбачев и Яковлев находились за границей, из всего этого следовал вывод: Перестройка, гласность, откровенный разговор о политике партии обратимы, если так легко и быстро можно было восстановить привычный идеологический пресинг.

И уже после XIX партконференции развернулся скандал вокруг подписной кампании. Обществу напомнили, что принципиальные решения, колеблющие гласность, принимаются в закрытых кабинетах, что сама она может быть ограничена не только цензурой, но и сокращением тиражей наиболее популярных изданий, шедших в авангарде Перестройки. Затею эту удалось опрокинуть, но еще раз было продемонстрировано, на какие препоны натыкались на каждом шагу процессы обновления.

После того, как прошли в 1989 и особенно в 1990 гг. выборы на альтернативной основе (для ликвидации чего нынешним руководителям государства потребовались время и усилия), **партийные реформаторы, Горбачев, оказались перед новым выбором.** Продвижение политической реформы привело к активизации независимых сил в обществе. На смену разрешенному «плюрализму мнений» шел политический плюрализм, на смену гласности — свобода слова. Выборы дали — и не могли не дать — сложный состав Съездов народных депутатов Союза и России, структурированных на фракционной основе. Политическая конфронтация обострялась. Большая часть партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры (в том числе сначала поддержавшей реформы), справедливо увидев во всем этом потрясение основ советского социализма, стала переходить на антиперестроечные, консервативные позиции. В обществе же с огромной силой вспыхнули ожидания пере-

мен к лучшему — достаточно вспомнить, как была воспринята прямая трансляция с заседаний первого Съезда народных депутатов СССР по телевидению. Генеральный секретарь и его сторонники оказались под сильным давлением с противоположных сторон. К сожалению, курс на демонтаж системы государственного социализма не был продолжен достаточно твердо и последовательно, не был адекватно сориентирован на быстро изменяющуюся расстановку сил.

Главным вопросом стало — где пройдет основная линия размежевания в политике: левее или правее Горбачева, **состоится ли блок демократов и партийных реформаторов**, который один только теперь мог обеспечить более или менее последовательное продвижение Перестройки как мирного эволюционного процесса. К сожалению, **колебания Горбачева**, его затянувшееся стремление сохранить в составе СССР рвавшиеся из него республики, его уступки силам, стремившимся притормозить радикальную экономическую реформу отложить раскол партии («давай, Анатолий, их всех объединять», — говорил он Черняеву), его ошибки в кадровой политике (трудно объяснимое доверие к будущим ГКЧПистам), с одной стороны, **натиск и нетерпение демократов**, — с другой **сделали этот союз невозможным в самый критический момент**.

Демократы, вдохновленные своими избирательными успехами, оказались в меньшинстве в союзном парламенте, и реагировали на это неоправданно нервно. Стремясь завладеть рычагами власти если не в Союзе, то в России, ухватившись за знамя республиканского суверенитета, они сделали ставку на Ельцина и сблизившись с российской антисоюзной, антигорбачевской, антидемократической бюрократией, устремившейся из второго и третьего ряда структур власти — в первый. В этом противоестественном союзе демократы будут отодвинуты на политическую периферию, но за ними долго будет тянуться шлейф ответственности за реформы, основной выигрыш от которых достанется бюрократии и новоявленным «олигархам».

Это произойдет позже, а в 1990–91 гг. наступил перелом в развитии Перестройки. Партийные реформаторы стали те-

рять почву под ногами в политической жизни, переоценили возможности всеобщей консолидации и недооценили — не смотря на недвусмысленные предупреждающие сигналы — опасность, исходившую от реваншистов и готовившегося ими государственного переворота. Накануне и после августа 1991 г. Горбачев и его сторонники оказались в политической изоляции.

Раскол между реформаторами и демократами, на мой взгляд, — худшее, что произошло на излете Перестройки. Он во многом предопределил дальнейшее развитие, откат в политике и идеологии, утрату многого из того, что принесли реформы Горбачева. Россия оказалась во многом отброшенной на раннеперестроечные, а в чем-то даже доперестроечные позиции. Публичная политика ушла из жизни страны. Ключевые вопросы ее развития решаются вне гласности, вне демократических процедур.

Конечно, «конец истории» не наступил. Но из уроков Перестройки — очередной попытки вырваться из наезженной колеи российской истории — надо извлечь уроки.

Выступления в дискуссии

«Один из главных элементов гласности — изучение общественного мнения»

А.Г. Левинсон,
Левада-Центр

Изучение общественного мнения и сообщение обществу того, что общество думает или готово говорить, — это один из фундаментальных, один из главных элементов гласности как процесса, гласности как института. И, в самом деле, Всесоюзный центр общественного мнения (ВЦИОМ) не мог бы быть создан в конце 1987 года без инициативы и поддержки Михаила Сергеевича Горбачева. Основатели Центра Татьяна Ивановна Заславская и Борис Андреевич Грушин не смогли бы его создать без такой поддержки.

Хотел бы сказать о том, что мы, включившись в работу в общем, узнали о гласности как явлении, как процессе. Мы начали ее изучать фактически сразу, понимая, что это один из важнейших компонентов той реальности, которая в этот момент нас окружала.

Я не буду оперировать никакими цифрами. Я хотел бы сказать о природе или о функции, точнее сказать, гласности, о том, какую функцию исполнила гласность в нашем обществе. Я думаю, что она исполнила важнейшую функцию. Андрей Левандовский говорил о том, что Александр Второй искал социальную опору для реформ. И было рассказано о том, как он ее нашел. В России, точнее в Советском Союзе, во второй половине 80-ых социальная опора для Перестройки была найдена, и средством мобилизации была гласность.

В России к моменту начала Перестройки существовала значительная доля, значительная численная и занимающая важные позиции в обществе группа — мы ее называем словом «интеллигенция». Как показали наши исследования, — это, вообще говоря, часть государственной бюрократии, но такая особая часть — это люди слова. Есть такой народ, который называют «народом слова», «народом книги», а это были люди слова, те, для кого слово было не только инструментом, но, вообще говоря, условием существования. Это были люди, которые преподавали, читали, издавали, писали, и, главным образом, люди, которые читали и воспитывали других — таких же.

Кроме собственной интеллигенции, штатной, в стране было множество других — детей, рабочих и крестьян, людей неинтеллигентных занятий, воспитанных учительницами и учителями, которые принадлежали к интеллигенции. Было уважение к слову и убеждение, что слово должно быть правдой. А если слово несправедливое, то весь мир несправедливо устроен. В общем, в этом было очень много от крестьянского миропонимания.

Это убеждение было распространено широко и еще существовало убеждение, что если сказать слово правды, то мир неправды рухнет. (Это было глубочайшим убеждением, по сути дела, эта триада, которую Ольга Здравомыслова упомя-

нула в самом начале, — чудо, тайна и авторитет — в перевернутом виде здесь присутствует. Неправедный авторитет рухнет, если открыть эту тайну. Тут и про сундук кощеев было сказано. Все эти образы из русского фольклора или из русской религиозной традиции присутствовали в сознании этого слоя, и это было мощнейшим убеждением.)

И заметьте, это давало шанс на мирную, бескровную революцию. Никто не призывал никого идти и вешать на фонарях, как это было в конце XVIII века во Франции. Никто не предлагал даже идею люстрации, даже идею суда над коммунистами — она, в общем, никогда не была особенно популярной. Казалось, что все можно сделать одним этим словом: скажи это слово — и рухнет этот морок. А что после этого будет? А начнется, так называемая, нормальная жизнь, которая все расставит по своим местам сама, потому что нормальные люди будут жить нормально.

Это убеждение, заметьте себе, образует логический круг, и поэтому его невозможно опровергнуть и вскрыть. Это даже не идея невидимой руки рынка, в которую кто-то поверил. Не так много народа про нее знали и думали. Но просто думали: ну, что же, мы не люди что ли. Если ничего не будет искажать нашу жизнь, если уйдут из нее институты... Я помню точно, как мы измеряли, так сказать, отношение к институтам КПСС, КГБ и армии. Это институты, которые стремительно теряли доверие. И было убеждение у тех, кто мерил эти показатели: еще немного, будет меньше 11% — и собственно, что, опять-таки ничего делать не надо, все само, дальше вода уже все смоеет.

Что говорить? Мы с вами прожили все эти годы и знаем, что этого слова правды оказалось недостаточно для того, чтобы далее все получилось, как надо. Оказалось, что кроме ретроградов, которых удалили из Политбюро или из ЦК, или даже из КПСС, есть не ретрограды, а группы, которые сумели адаптироваться. Адаптироваться к чему? К этому первому промежуточному этапу и попытаться его закрепить.

И недовольство очень многих, о котором тоже здесь рассказывали, состояло в том, что, оказывается, та власть, которая двигала вперед, сказала это слово, теперь она зависима не от тех людей вчерашнего дня, а от неких людей сегодняш-

него дня. А мы-то ждем не этого, мы ждем дня завтрашнего. И началась очень сложная, действительно, пробуксовка, тогда началась смена лидеров...

Я хотел бы сослаться на Гавриила Харитоновича Попова, который задолго до Перестройки сказал в одной из своих статей, опубликованных в популярном журнале, о том, что (он говорил о реформе 1961 года) российская бюрократия не пропустит, не даст совершиться никакой реформе, покуда она не найдет в этой реформе места для себя. Он объяснял такую длительную историю работы этих тайных комитетов ни чем-нибудь, а тем, что шел поиск. Когда была найдена конфигурация, при которой российская бюрократия встраивалась в эти великие реформы, только тогда они оказались возможны. Он ставил вопрос именно так: дело не в воле монарха, а в том, что был найден этот ключ к этому замку.

Думаю, что тогда Гавриил Харитонович был глубоко прав. Я думаю, что мы получили нечто в этом роде. Я имею в виду нынешнюю ситуацию, которая устраивает огромные массы бюрократии. Она теперь новая, она теперь существует не в партии, а в других корпорациях, в других форматах, но она существует и ей нужен такой порядок, который имеет место сейчас.

Гласность оказалась разовым инструментом разового действия. На наших с вами глазах несколько месяцев назад не кто-нибудь, а нынешний президент Российской Федерации выступил с несколькими статьями, которые, если их прочитать, являются самым мощным сводом критических соображений и замечаний в адрес того, что происходит в России, которые вообще можно прочитать. По-старому говоря, это, так сказать, хлеще любого самиздата.

«Левада-Центр» мерил реакцию общества на эти выступления президента. Прежде всего, реакция общества была крайне пассивная! Сказано слово правды: сказано и про нашу историю, и про современность, и про то, на каком мы месте в мире, и каковы на самом деле ужасные ближайшие перспективы развития по этому пути. Но, в общем, ничего, мало-мальски сравнимого с феноменом гласности, о которой мы говорим, ничего похожего не было. Никакого потрясения в обществе!

Я не знаю, что думал сам автор этих статей. Я не знаю точно, кто автор этих разоблачительных материалов, но ясно, что автор рассчитывал на громоподобный эффект. Ничего подобного!

Согласие со стороны общества получили отдельные моменты. Скажем, обвинение в том, что коррупция — это самое большое зло поддержало до 98% опрошенных. Это небывалый процент для социологических исследований. Такие горькие и жесткие слова, старые обвинения, что это страна рабов, только немножко по-другому сказанные, — этого не поддержали. Гордость не позволила согласиться с тем, что сказано было с самого верха.

Эпоха горбачевской гласности не только позволила нам работать и включила общественные механизмы, в том числе механизмы изучения общественного мнения. Эта эпоха очень многим (и я из числа этих людей) дала новое ощущение жизни — жизни со своим обществом, со своей страной, со своим народом, в конце концов, а российская интеллигенция не знает более высокого счастья, чем находиться, как сказала Анна Ахматова, «там, где мой народ в то время был».

**«Гласность с самого начала рассматривалась
как одна из главных черт демократии»**

В.А. Медведев,
Горбачев-Фонд

Обсуждаемый вопрос мне очень близок. В течение всей Перестройки, входя в команду Горбачева, я в течение двух лет нес и прямую ответственность за идеологическую работу партии как член Политбюро и Секретарь ЦК КПСС. Ситуация в этой сфере и моя деятельность в ней проанализированы мной достаточно подробно²⁶.

Во-первых, хочу высказать солидарность с заслушанными сегодня докладами. Лишь в отдельных моментах я с ними не очень согласен. В частности, вопреки утверждению Виктора Шейниса, на Политбюро какого-либо решения о введении

²⁶ Книга В.А. Медведева «Прозрение, миф или предательство», вышла в 1998 году в издательстве «Евразия+».

гласности не принималось. И вообще эта идея возникла еще до Перестройки в намерениях ее будущего инициатора и тех, кто с ним тогда работал.

При этом важно подчеркнуть, что гласность с самого начала нами рассматривалась не только как самоценность, одна из главных черт демократии, но и как рычаг решения политических, экономических, социальных проблем. Без гласности мы не могли бы сделать ни одного крупного шага в реформировании страны. Гласность, безусловно, является знаковым понятием Перестройки, неотделима от нее, так же, как и Перестройка неотделима от гласности.

Что касается того, как она начиналась на практике, то я хотел бы напомнить о том, что, по-моему, уже стало легендой — это выступления Горбачева в Ленинграде перед различными аудиториями, встречи его с жителями города на улицах и площадях, которые положили начало прямому общению руководства страны с народом, открытому и ничем не ограниченному. Одновременно была расширена информация о деятельности партии и ее руководства, о работе Политбюро. По каждому из его заседаний, а они проходили еженедельно, стала даваться, правда, краткая, но внятная информация о том, какие вопросы решаются на Политбюро. Позднее стали проводиться экспресс-конференции по итогам пленумов ЦК, практиковаться регулярное общение с журналистами и Михаила Сергеевича, и других лидеров партии и государства.

Следование принципу гласности нашло свое яркое проявление в открытии доступа к запрещенным ранее книгам, фильмам, прекращении глушения западных радиостанций, критическом пересмотре важнейших событий истории нашей страны.

В этой связи я хотел бы прокомментировать то, что было связано с отменой Постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года. С этого акта началась моя деятельность как члена Политбюро на новом участке работы. Буквально в первые же дни мне пришлось столкнуться с обращениями со стороны Союза писателей и Союза кинематографистов, а также Ленинградского обкома партии по этому вопросу. Посоветовавшись с Михаилом Сергеевичем, мы пришли к выводу

вынести этот вопрос на заседание Политбюро и отменить решение 1946 года как ошибочное. Так и было сделано.

Вообще говоря, отмена политического решения далекого прошлого не может вычеркнуть его из истории: «из песни слова не выкинешь», что было, то было. Но важно было обозначить отношение нового руководства партии к идеологическим постановлениям ЦК послевоенного периода. Со стороны деятелей культуры поднимался вопрос об отмене и других постановлений, решений ЦК «О репертуаре драматических театров», «Об опере Мурадели «Великая дружба» и т.д. Но решили ограничиться одним «знаковым» осуждением, поручив профильным журналам высказать отношение общественности и к другим идеологическим постановлениям того периода.

М.С. Горбачев. Вадим Андреевич, нам с Вами есть что сказать по этим вопросам. А в это же время писатель Иванов на Пятом съезде кинематографистов советовал нам: для того, чтобы остановить «раскардаш», разлом сознания и мнений — и наоборот, принять что-то наподобие постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград».

В.А. Медведев. Хочу обратить внимание на то, что решение о ленинградских журналах было принято в 1946 году, несмотря на то, что тогда «бывший руководитель ленинградских большевиков» Жданов находился в составе высшего руководства, был фактически вторым лицом в партии.

Виктор Шейнис затронул вопрос о подписке на печать. Действительно, именно в этот момент, в октябре 1988 года, вопрос об ограничениях при проведении подписной кампании очень остро встал и горячо обсуждался в обществе. При ближайшем рассмотрении оказалось, что дело вовсе не в ограниченных ресурсах бумаги, на что делались публичные ссылки, а в пристрастном отношении к прессе. После тщательного изучения этого вопроса на Политбюро было принято принципиальное решение: отменить ограничение по подписке на все без исключения газеты и журналы. Боялись, что это приведет к каким-то трудностям с бумагой, но ничего подобного не произошло. Подписка на партийные газеты и на «Известия», на основные официозные издания осталась на прежнем уровне или очень незначительно увеличилась. Зато она резко возрос-

ла на популярные издания: журналы «За рулем», «Работница», «Огонек», газеты «Комсомольская правда», «АИФ», некоторые другие, хотя никакой чрезвычайной ситуации с бумажными ресурсами не возникло. Этот вопрос вообще в дальнейшем не возникал.

Продолжался процесс возвращения на книжные полки библиотек запрещенных и изъятых из свободного доступа книг и журналов со статьями, в частности, Троцкого и Солженицына.

Хотел бы остановиться на вопросе о характере событий и дискуссий, которые складывались вокруг реабилитации Солженицына. С этой проблемой я столкнулся буквально с первых дней своей деятельности на идеологическом поприще. В октябре 1988 года Союз кинематографистов обратился в Верховный Совет с предложением отменить дискриминационные меры в отношении Солженицына. Группа писателей поставила вопрос о восстановлении его в правах как члена своего Союза. В связи с этим в начале ноября 1988 года у Горбачева с участием Крючкова, Чебрикова, Лукьянова и моим состоялся обмен мнениями по этому вопросу. Были даны поручения Крючкову и Лукьянову — внести предложение об отмене дискриминационных мер, принятых в отношении Солженицына и его выдворения, а мне — о публикации его произведений.

В дальнейшем вопрос развивался довольно сложно, потому что со стороны Крючкова и Лукьянова не было проявлено, мягко говоря, никакого энтузиазма в этом вопросе. Что касается публикации произведений Солженицына, то у меня состоялась беседа с Сергеем Залыгиным — редактором «Нового мира», и ему было предложено начать публикацию тех произведений Солженицына, которые были уже проансированы для публикации до выдворения Солженицына. Это «В круге первом» и «Раковый корпус». Через некоторое время Залыгин мне сообщил, что Солженицын категорически не согласен с такой последовательностью и ставит вопрос о первоочередной публикации «ГУЛАГа». Ни на что другое он не согласен.

Так и шло время. Не могу не сказать и о том, что со стороны самого Солженицына не было никакой реакции на перемены в нашей стране и даже на первоначальные меры, которые приняты по его проблеме.

29 июня 1989 года на заседании Политбюро я информировал о сложившейся ситуации — о том, что на следующий день должен состояться Секретариат Союза писателей, который примет решение о публикации произведений Солженицына без каких-либо условий. Это сообщение было принято к сведению без обсуждения. На следующий день Союз писателей принял это решение, а в дальнейшем последовали шаги уже по государственной линии с отменой дискриминационных мер в отношении его.

В заключение я хотел бы остановиться еще на одном вопросе — истории Закона о печати. Практическое движение по пути гласности настоятельно требовало решения этого вопроса и на законодательном уровне, т.е. принятия Закона о печати. Должен сказать, что еще в советское, доперестроечное время была предпринята попытка создания такого закона, но она ни к чему не привела, ибо закон о печати был по существу несовместим с жесткой партийной дисциплиной в этой сфере.

В условиях Перестройки эта работа была возобновлена еще моими предшественниками на идеологическом поприще, и в сентябре 1988 года проект Закона о печати был обсужден на Секретариате ЦК, но не был одобрен из-за острых противоречий. Работа над ним была продолжена, по существу проведена заново в рамках идеологической комиссии, и в апреле 1989 года новый проект был вынесен на Политбюро.

В ходе обсуждения произошло нечто неожиданное, для меня во всяком случае. Начали критиковать Закон о печати — за что? За то, что в нем в преамбуле не было указания о служении СМИ интересам народа, о верности делу социализма. Почему в проекте говорится не о том, что они обязаны делать, а только о том, что в них не допускается и т.д. и т.д. Аргументы о том, что это не предмет для закона, не воспринимались. Проект закона о печати не был одобрен. Ограничились обсуждением. У меня сложилось довольно четкое понимание того, что новый Закон о печати в том составе Политбюро, который тогда был, непроходим.

По договоренности с генсеком мы условились передать этот вопрос в государственные органы — в Верховный Совет, тем более, что в это время началась Перестройка всей полити-

ческой системы, и Верховный Совет, и Съезд народных депутатов наделялись решающими функциями во всех сферах, в том числе, конечно, и в сфере законодательной. Вопрос был передан в Комиссию Верховного Совета по законодательству, которую возглавлял академик В.Н. Кудрявцев — известный ученый-правовед, а его заместителем был Г.Х. Шахназаров. В комиссии появились альтернативные законы о печати, в том числе вариант Ю.М. Батурина — помощника Шахназарова. В конечном счете после опубликования и тщательного обсуждения закон обрел более современные формы и был принят 12 июня 1990 года.

Думаю, что для всех ясно, что проблема гласности и сегодня не может считаться решенной. Ей явно не хватает многогранности, которая позволяла бы обществу вырабатывать обоснованное мнение по основным вопросам нашей жизни. Не могу не высказать и одну, наверное, парадоксальную мысль. Мне кажется, кое в чем у нас сейчас наблюдается и избыточная гласность. Это, во-первых, природные, техногенные, транспортные и другие катастрофы, террористические действия, убийства, покушения — и не только в сериалах, но и в основных информационных программах. И, во-вторых, освещение деятельности высших руководителей, в том числе их встреч, без раскрытия содержания, как будто кто-то сомневается в том, что они встречаются.

Так что тема гласности и сегодня не утратила своей актуальности.

«Опыт Перестройки в Свердловской области: революция ценностей или инерция развития?»

М.С. Ильченко,

Институт философии и права Уральского

отделения Российской Академии наук (Екатеринбург)

Сегодня, по прошествии уже достаточно периода времени, Перестройку все чаще рассматривают в качестве своего рода символической революции. Подобной оценкой подчеркивается то, что на фоне весьма противоречивых экономических и социальных преобразований незыблемым остается

основное достижение перестроечных реформ — кардинальная смена ценностных ориентиров общества. Между тем, именно «ценностный» аспект Перестройки обозначил одну из стержневых проблем современной российской политики, при этом не менее важную для страны сегодня, чем двадцать пять лет назад, — отсутствие сколько-либо прочного идеологического проекта, способного легитимировать масштабные изменения во всех сферах общественной жизни.

Символическое значение Перестройки определялось, прежде всего, глобальностью и масштабом перемен. «Внутренний ремонт» советской политической системы оказался изначально вписан в общемировой контекст. В этом смысле, проводимые реформы легитимировались не столько целостным видением общественного идеала, сколько общим фоном «волны демократизации», «будущего свободы» и «нового глобального мира». В таких условиях общественным сознанием демократия воспринималась в качестве несвязного конгломерата идей и абстрактных ценностей. Это способствовало, во-первых, достаточно стихийному и беспорядочному по своему характеру производству идеологических дискурсов, а, во-вторых, формированию в обществе отношения к демократии как «инструменту» быстрого решения накопившихся проблем. На последнее, в частности, обращает, например, внимание Рябов, отмечая что «под влиянием политики информационной открытости в общественном мнении быстро утвердилось инструментальное отношение к демократии — как к некоему набору процедур и правил, следование которым поможет быстро решить проблему подъема благосостояния населения»²⁷.

Именно в период Перестройки в полной мере были обозначены те факторы, которые впоследствии обусловили трудности в воспроизводстве демократических ценностей российским обществом. При этом действие таких факторов стало очевидным не только на общегосударственном, но и на региональном уровне. В этом смысле, представляет интерес обращение к особенностям общественно-политической жизни Свердловской области — к опыту региона, выступавшего ак-

²⁷ А.В. Рябов. Упущенный шанс для «революции ценностей» // Pro et Contra. 2009. Том 13, №5–6. С. 63.

тивным участником политических преобразований второй половины 80-х годов.

Особенности Перестройки на Среднем Урале, с одной стороны, отражают весьма специфический характер региона, с другой — наглядно демонстрируют общие тенденции изменений в политической сфере, указывая на комплекс факторов, существенно осложнивших процесс «усвоения» обществом демократических ценностей.

В качестве одного из решающих факторов, ощутило преопределивших ход Перестройки в Свердловской области, принято считать, так называемый «фактор Ельцина». Значимость фигуры первого президента России в политической жизни региона, действительно, оказалась крайне высокой. По сути, именно поддержка свердловчанами бывшего руководителя области в период его конфронтации с партийным руководством в 1987 году стимулировала рост политической активности в Свердловске. В декабре того же года в городе состоялись первые митинги в поддержку Ельцина, а тезисные изложения его выступления на Пленуме распространялись среди активистов неформальных организаций. Впоследствии такая общественная поддержка в регионе не раз играла серьезную политическую роль, что, в частности, выразилось в голосовании жителей области на всесоюзном референдуме против сохранения Советского Союза (более 62%).

Вместе с тем, «фактор Ельцина» имел ощутимый «обратный эффект» на формирование регионального политического сознания. Утвердившееся отношение к Ельцину как к «земляку» и «своему» вело к глубоко патерналистским настроениям населения области, когда фигура политика воспринималась в качестве своего рода покровителя региона, «выразителя чаяний уральцев»²⁸. Как следствие, за поддержкой свердловчанами демократических инициатив в существенной степени скрывался персонализм — поддержка не столько конкретных ценностей и принципов, сколько конкретного человека, в первую очередь, близкого «по духу». Вполне естественно, что демократи-

²⁸ Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Научн. редакторы — А.Д. Кириллов, Н.Н. Попов — Екатеринбург: Издательство «Уральский рабочий», 2000. С. 255.

ческие настроения в этом случае выступали ситуативным феноменом, никак не способствующим сколько-либо устойчивому воспроизводству соответствующего типа ценностей.

Закрепление за Свердловском статуса одного из центров демократической оппозиции было в значительной мере обусловлено стихийной мобилизацией и политической активностью масс, вызванной реакцией на события октябрьского Пленума. По большому счету, такой статус сохранялся за регионом на протяжении всего периода реформ. Вместе с тем, нередко встречающаяся оценка Свердловска как одного из идеологических центров Перестройки является, по меньшей мере, неоднозначной. События второй половины 80-х годов существенно интенсифицировали интеллектуальную жизнь региона, свидетельством чему стало активное участие городской интеллигенции в общественной жизни, утвердившаяся практика публичных дискуссий (в частности, возникновение Городской дискуссионной трибуны в мае 1987 года), широкие обсуждения текущей политики в вузах города (прежде всего связанное с введением в учебные курсы новых общественно-гуманитарных дисциплин) и др. Однако в целом, все эти дискуссии шли в заданных «сверху» теоретических рамках и, по сути, не привносили в общее обсуждение возможных альтернатив будущего развития советской системы ничего принципиально нового. «Реформаторский» дискурс Перестройки в регионе определялся московскими изданиями, в то время как областные либо перепечатывали наиболее значимые материалы центральных газет и журналов, либо вписывались в предлагаемую ими стилистику. По замечанию Расторгуева, предпринявшего попытку исследования всего объема региональной журнальной и книжной публицистики периода 1985–1991 гг., резонанс за пределами области в эти годы получила лишь одна публикация, вышедшая в местном издании. Ею стала статья Андреева «Причины и следствия», опубликованная в общественно-политическом журнале «Урал» и посвященная недостаткам деятельности советского управленческого аппарата²⁹.

²⁹ А.П. Расторгуев. Попытка прорыва, или трансформация политического сознания в уральской и московской публицистике (1985–1991) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. №3(65). 2009. С. 267–276.

Наконец, стоит заметить, что, несмотря на резкий рост и стремительное появление в регионе различных по своей ориентации общественных «неформальных» организаций (особенно интенсивно этот процесс шел в 1987–1988 гг.), политические дискуссии в области редко выходили за рамки общего «лозунгового» характера. Как и по стране в целом, объединительной платформой таких сил — от националистов-консерваторов до радикальных демократов — стала так называемая идеология отрицания, опирающаяся на резкую критику коммунистической доктрины, существующего положения вещей и, вместе с этим, на весьма смутные представления об идеале политического развития. Формирование подобных организаций в большинстве случаев происходило стихийно, а их деятельность носила довольно сумбурный характер. И хотя в целом это являлось вполне естественным следствием процессов демократизации и политики гласности, само восприятие демократии в условиях политической мобилизации населения в регионе было в большей степени эмоциональным.

Развитие Свердловской области после Перестройки наглядно продемонстрировало, что ее статус «демократического региона» на деле означал не более чем особые притязания местных элит в их отношениях с Центром. Это сначала проявилось в попытке реализации проекта Уральской республики в период дележа полномочий между Москвой и субъектами Федерации, а впоследствии нашло отражение в политике постоянного лавирования и разыгрывании карты «особого экономического региона» во взаимодействиях с федеральной элитой. Как следствие, местные элиты «усваивали» ценности демократии в той степени, в какой это соотносилось с их стратегическими замыслами. В то время как население региона после нескольких стихийных волн гражданской активности со временем стало демонстрировать все большую политическую инертность.

**«В сегодняшней России заметно различие между
гласностью и свободой СМИ,
или свободой печати»**

М.А. Липман,
Центр Карнеги, журнал Pro et Contra

Находясь в Фонде Горбачева, не могу не поделиться своими собственными воспоминаниями о периоде гласности, который, по крайней мере, в моем опыте был периодом невероятного счастья: то, что находилось под запретом, под спудом и существовало только в самиздате, стало печататься и открыто издаваться. И это даже нельзя назвать осуществлением надежд. Потому что, я даже и не смела надеяться на то, что нечто подобное будет происходить в моей стране. Это было такое рукотворное чудо, такой неожиданный и прекрасный подарок. Очень важно, что это был именно подарок.

Период гласности можно считать таким **райским** счастьем по сравнению с **адам** тоталитаризма. К сожалению, пребывание в раю было относительно кратковременным. И за ним наступило — если уж пользоваться метафорой рая — грехопадение. Гласность была замечательной возможностью говорить Правду (именно с большой буквы!), которую до того приходилось скрывать. В тот период Правду говорили, не заботясь об издержках — словно птичка божия. В частности о самых буквальных финансовых издержках. Это правда публиковалась в государственных изданиях и на деньги коммунистического государства.

А грехопадение — необходимость осваивать профессию журналиста и формы существования свободной прессы — произошло в самом конце существования СССР и особенно резко с началом экономических реформ. Это произошло тогда, когда не учитывать коммерческий фактор стало уже невозможно.

Гласность 80-х годов и до самого конца Советского Союза сродни не столько западной свободе печати, сколько российской же гласности. Потому что в конце 1980-х гг. это слово возникло в российской истории не в первый раз. Оно связыва-

ется с правлением Александра II и с тем периодом, который потом называли периодом обличительной гласности. И то время, и гласность конца 80-х, которую мы помним живой памятью, представляли собой расширение **свободы высказывания** в результате смягчения государственных ограничений. Это было расширение свободы для журналистов в условиях отсутствия свободы печати.

Особенность становления независимой печати в России связана с самой главной особенностью российской жизни вообще, причем во все времена — доминированием государства над обществом и крайней слабостью или полным отсутствием тех институтов, которые могли бы служить сдержками и противовесами государственной власти.

Западная пресса возникала из нужд общества, из нужд коммерции, из нужд политики. В России, как хорошо известно, первая российская газета изготовлялась для единственного читателя — для российского царя (если пользоваться советскими сравнениями, это был такой «белый ТАСС», то есть подборка информации, составлявшаяся для самого главного человека). Петр I распорядился, чтобы дворяне тоже имели право знакомиться с этими подборками. Более того, в соответствии со своими обычаями, он вменил им это в обязанность.

В России, где общество всегда оставалось под контролем государства, пресса тоже оставалась под государственным контролем. Просто периоды жесткого контроля и подавления время от времени сменялись периодом относительной вольности. Но и то, и другое было результатом действий и выбора верховной власти.

В сегодняшней России это различие между гласностью как свободой публичного высказывания и свободой СМИ, или свободой печати чрезвычайно хорошо заметно. Словесной вольности у нас действительно достаточно много: много и площадок, и средств массовой информации, и печатных, и в Интернете, и по радио, и даже телевизионных, если мы не говорим о самых крупных, самых массовых телеканалах. Однако в условиях доминирования государства над обществом, которое имеет место и сегодня, свобода печати как таковая отсутствует.

Несколько лет тому назад министр иностранных дел Сергей Лавров подарил своей тогдашней американской коллеге госсекретарю Кондолизе Райс диск, на котором были собраны выдержки из российских СМИ. Там были подобраны выдержки, в которых содержалась критика власти. С точки зрения Лаврова, этот диск, видимо, должен был доказать американским партнерам, что их критика в отношении несовершенства или ограничения на свободу печати необоснованны.

Трудно сказать, заблуждался министр иностранных дел или лукавил. Наверное, все-таки второе. Разумеется, само по себе наличие какого угодно числа выдержек, с какими угодно критическими или даже ругательными отзывами о власти не свидетельствует о наличии свободы СМИ, свободы прессы, свободы слова, как хотите.

Свобода СМИ — это институт, который может существовать только при наличии, в связке, в тесном взаимодействии с другими институтами, которые тоже служат сдержками и противовесами государственной власти. Это независимый парламент, это независимый суд, это честные и свободные выборы и т.д.

Свобода прессы совместно со всеми этими институтами существует для подотчетности, то есть для того, чтобы общество могло с власти требовать и получать отчеты. Как это работает? Пресса от имени общества смотрит на то, что происходит кругом, в частности, на действия власти, которая тоже теоретически действует от имени общества. СМИ за ней приглядывают, и там, где обнаруживаются злоупотребления властью, пресса об этом сообщает. Это самый первый этап. За ним должны последовать другие.

Эти сообщения, если они соответствуют профессиональным стандартам, если они представляются достаточно достоверными, должны привлечь к себе внимание — внимание общества, внимание парламента, внимание политической оппозиции, внимание политических оппозиционных фракций в парламенте. И тогда это становится предметом общественной дискуссии, той самой, для которой наш парламент, по словам его спикера, — не место. Эта дискуссия может развиваться по-разному. Она может постепенно угаснуть. Действующая

власть может успешно защититься от критики или оппозиция может настоять на проведении, например, парламентского расследования.

Чем больше событий (публикаций, расследований и пр.) происходит вокруг этих обстоятельств, чем больше они обсуждаются, тем больше пищи для прессы, пищи для внимания общества, тем больше пищи для дальнейших публикаций. (Заметим, наши критические сообщения, когда они проходят и иной раз оказываются даже чрезвычайно важными, редко длятся, чем один-два дня, и редко появляются более, чем буквально в одном-двух-трех изданиях). Потом в дело может вступить независимый суд, который может рассматривать самые разные данные, в том числе и те, что появлялись в прессе или разбирались в парламенте. Затем может быть проведено уже судебное расследование обстоятельств. И это тоже может стать темой для освещения в прессе, а также пищей для размышления, для общества. И сюжетом, вокруг которого развивается конкурентная борьба между правящей партией и оппозиционной.

Все это вместе механизм, который превращает политическое сообщение, политическую новость в политическое событие. И этот механизм у нас отсутствует. Новостей-то у нас сколько угодно. **Событий** политических у нас нет — таких, источником которых послужили бы общественные институты. Если посмотреть вокруг, то мы находим почти ежедневно в нашей прессе, которую, я думаю, все присутствующие читают, такие сообщения, которые при более открытой, более конкурентной политической системе могли бы стать причиной и темой политического обсуждения, общественного обсуждения или даже политического скандала и привести к каким-то политическим последствиям.

Такого рода сообщения мы читаем в нашей прессе почти ежедневно. Это, например, обстоятельства расследования трагедии в Беслане. Или например, обстоятельства приобретения «Юганскнефтегаза», когда вопреки заявлениям — формальным, официальным и публичным — тогдашнего президента страны Владимира Путина, газета «Ведомости» установила, как именно осуществлялась сделка купли-продажи, от-

куда были переведены средства. Это была не литература. Это не были ругательства. Это не была критика. Это было конкретное расследование, причем были приведены даже факсимильные копии документов, которые свидетельствовали о том, что характер перевода средств той компании, которая приобрела на первом этапе компанию «Юганскнефтегаз», противоречил правилам и даже законам.

Таких историй, именно историй, потому что они не превращаются в политические события с политическими последствиями, мы можем в нашей прессе найти значительное количество, они появляются практически каждый день. Но отсутствуют те самые институциональные каналы, которые призваны превращать эти новости, эти истории в политические события. Эти каналы надежно закупорены в результате совершенно целенаправленной политики нынешней власти, которая намеренно и очень успешно, эффективно препятствует работе механизма подотчетности. Потому что суть сегодняшнего режима как раз в том, чтобы обеспечить монополию на принятие решений, удерживать под контролем политический процесс и минимизировать политические риски, связанные с функционированием демократических институтов для правящей элиты.

При этом сегодняшняя власть вовсе не стремится всем заткнуть рот, свидетельством чему все то, что я перечислила, все те издания, все те истории, которые мы читаем. В этом нет необходимости. Более того, в сегодняшней среде это представляется, скорее, даже и вредным, потому что нужно, ведь, чтобы граждане, выпускали пар. Выпускание пара — чрезвычайно важная — для государства — функция тех средств массовой информации, которые продолжают проводить относительно независимую редакционную линию. Потому что таких средств массовой информации, повторяю, у нас совсем не мало. Но это выпускание пара должно быть надежно маргинализировано, что как раз и имеет место сегодня. Таким образом, сегодняшнее Российское государство допускает гораздо больше свободы публичного высказывания, но лишает прессу ее институционального смысла и боится себя от ее влияния.

Независимая редакционная линия возможна постольку, поскольку государство милостиво разрешает этим самым

средствам массовой информации функционировать и проводить свою независимую или относительно независимую редакционную линию. А не потому, что в нашем обществе существует общественно признанный и защищенный институт свободы печати.

Поэтому возникают естественные вопросы: а почему же, собственно, общество не говорит: а мы хотим влиять, не участвовать в диалоге, а именно влиять и определять? Но какие же у вас есть механизмы, рычаги, дорогое общество, чтобы влиять? Примерно так звучит ответ государства — хотя, конечно, в таких терминах оно его не формулирует. Для того, чтобы влиять, надо выложить на стол свой козырь, свой аргумент, чтобы стало видно, почему, собственно, с вашим мнением невозможно не считаться.

При полном контроле над политическим процессом — процессом принятия решений — власть может просто игнорировать все эти истории о превышении полномочий и пр. и добиваться того, чтобы они оставались маргинальными, чтобы они так и оставались **НОВОСТЯМИ**, а не политическими событиями.

Разумеется, еще существуют те средства массовой информации, которые государство просто превратило в свой собственный политический ресурс. Это, разумеется, главным образом, самые массовые средства массовой информации, а именно — федеральные телеканалы в той их части, в которой они занимаются освещением власти, политики. Если относительно независимой прессе властью отведена функция «выпуска пара», то государственные телеканалы в том, что касается политического освещения, — должны формировать общественное мнение. И тут тоже сегодняшнее государство оказывается гораздо тоньше и софистицированнее своих советских предшественников.

Государство не пытается создавать картину безмятежного счастья, где нет проблем. Вовсе нет. Проблемы существуют. Они существуют и на экранах федеральных телеканалов и демонстрируются общественности, но при этом важнейшим, постоянно сопровождающим мотивом всех этих проблем является тезис о безальтернативности власти. Вот этим и опреде-

ляется этот самый рейтинг около 80% у двух главных лиц. Не их соревнованием с кем-то другим, где они выглядят лучше, то есть они выглядят на 80%, а кто-то там выглядит на 40%. У этого рейтинга иной смысл: он означает принятие гражданами предлагаемой им концепции взаимоотношений общества и государства — патерналистской концепции.

Мне представляется, что эти высокие рейтинги, как раз и отражают то, что предлагаемый патернализм принимается. Патернализм это привычно, знакомо, не идеально, конечно, проблемы есть и немалые, но привычный патернализм лучше, чем пускаться в какие-то социально-политические эксперименты, в которых у общества будет выбор, и люди сами должны будут нести ответственность. Мне представляется, что общество добровольно отказывается от того, чтобы брать на себя ответственность за то, что происходит в стране.

В определенные периоды, разумеется, функция наиболее массовых средств массовой информации, федеральных телеканалов состоит в том, чтобы формировать электоральное поведение. Также она используется для точечных операций по дискредитации, умалению или возвышению значимости любого события, фигуры, группы и прочего.

Мы это все легко можем вспомнить — это формирование, скажем, антизападных настроений, когда нужно, антиукраинских, когда нужно, антигрузинских, когда нужно. По опросам общественного мнения, оказывается, что это получается очень эффективно. И причина эффективности не только в том, что это транслируется в течение длительного времени. Мне представляется, что те люди, которые командуют этими каналами, очень умело используют те элементы мироощущения, которые и так уже имеются. Это игра на знакомых клавишах. Людям не навязывают ничего такого, во что они совсем не готовы поверить, что они совсем не готовы разделить.

При этом, возвращаясь к теме общества и власти, важно отметить, что общество не то, чтобы прямо верит каждому слову, которое ему говорят. У людей советская закваска, они привыкли на все смотреть с прищуром, они понимают, что власть их, конечно, обманывает. Но и они не глупы — тоже могут обмануть власть. Это тоже очень существенная часть взаи-

моотношений общества и власти. Поэтому когда люди соглашаются голосовать за «Единую Россию» — это не обязательно потому, что они считают, что она так отлично справляется с проблемами. Это, как мне представляется, демонстрация того, что «мы принимаем ваши правила игры». Вы хотите, чтобы мы за это голосовали, ладно, мы проголосуем. Мы принимаем в целом то, как эта жизнь устроена. Мы голосуем не потому, что считаем, что от этого станет лучше, а потому, что мы принимаем предлагаемые обстоятельства. Самое главное, что принимает общество, — это как раз патерналистская модель, в которой государство доминирует над обществом. В рамках такой модели принимается многое из того, что при иной постановке вопроса люди скажут, что это им не нравится. Интересный вопрос: а когда, при каких условиях ситуация может стать неприемлемой...

Не потому люди голосуют за «Единую Россию», что она им нравится, а потому, что не верят в политику как инструмент отстаивания собственных интересов. Потому что вообще не верят, что от перемен станет лучше. Потому что, наоборот, есть опасение, что от перемен станет хуже. Потому что уж лучше пусть будет как есть. Потому что те, — а это большинство населения, — кто разделяет такую иждивенческую психологию, скорее, иждивенческое мировоззрение, притерпелись и боятся, что любое изменение будет изменением к худшему.

А что же та часть общества, которая побойчее, более предприимчива, более образованна, с большим кругозором, в целом более успешна, в меньшей степени разделяет эти иждивенческие настроения? Для них это тоже приемлемо, потому что у этой части общества в сегодняшней России совсем неплохие возможности — для самореализации в творчестве, в науке, в искусстве, в занятии бизнесом. Конечно, если сравнивать с развитыми демократиями, то это очень будет выглядеть неважно, но если сравнивать с нашим собственным прошлым, то едва ли в какой момент возможности для воплощения самых разнообразных человеческих талантов были лучше, чем сегодня.

Таким образом, если сохранение статус-кво, то есть правящая элита остается у власти и сохраняет монополию на при-

нятие решений, является целью власти, то аналогичным образом для общества в целом статус-кво — вполне приемлемая перспектива. И в этом тоже, как мне представляется, ответ на все те вопросы, которые задавали Елене Башкировой. Например, а почему же люди не говорят: какая у нас ужасная преступность, какая у нас страшная милиция! Да, да, именно такая страшная преступность и страшная милиция! Но, видимо, этого недостаточно для того, чтобы превратиться — в гражданское ли общество, или просто в общество. То есть нет стимула говорить, что мы как общество имеем право, потому что это ничего не значит и для реализации этого права у общества нет никакого инструмента.

Проблема в том, что у российского общества нет опыта формирования коллективных интересов и их артикуляции, общество не верит сегодня, как не верило прежде, что такая деятельность осмысленна. Я себе позволю после Елены Башкировой привести всего две цифры, но они вполне совпадают с тем, что мы только что слышали в ее презентации. Более 80% по разным опросам Левада-центра говорят, что у них нет возможности влиять на политическую ситуацию в стране, а также на ситуацию даже в своем регионе.

Примерно такая же цифра, это где-то 81–82% — результаты другой социологической службы, но они абсолютно совпадают. Это люди, которые говорят: большинство нашего населения нуждается в опеке государства. Именно так это формулируется. А если так люди смотрят на себя самих и на большинство общества, то непонятно, какие такие инструменты они могут выложить на стол и сказать власти: вот наши козыри, вот наша переговорная позиция, мы требуем учета наших интересов.

Этот иждивенческий элемент мироощущения остается во все времена и сегодня так же, как и прежде, хотя обстоятельства нашей жизни сильно изменились. И в этих условиях экспансия государства в общественную сферу, которая происходит у нас на протяжении последних десяти лет, почти не встречает сопротивления. Если и встречает, то недостаточно для того, чтобы власть должна была бы с этим посчитаться.

Эта экспансия включает в себя радикальное ослабление института независимых СМИ, и независимого парламента, и выборов, и то, что многопартийность и политическая конкуренция существуют только номинально. Эта экспансия последовательно и без особенных затруднений осуществлялась на протяжении последнего десятилетия. Не то, чтобы в предыдущее десятилетие все это у нас было и было развито и укоренено. Конечно, нет. Но просто то, что казалось тогда усилением общества, было, на мой взгляд, ослаблением государства. А когда государство стало вновь набирать силу, тут оказалось, что общество так же слабо, так же атомизировано, так же пассивно и так же апатично, как оно было и прежде. И точно так же лишено тех институциональных механизмов, которые призваны обеспечивать подотчетность власти по отношению к обществу.

В заключение я себе позволю привести цитату. Я процитирую Владимира Путина и то, как он определял функцию прессы. Было это десять лет тому назад.

«По роду своей деятельности разведчики очень близки тем, кто работает в средствах массовой информации. У них та же задача — собирать информацию, синтезировать ее и предоставлять тем, кто принимает решение, чтобы они могли ею воспользоваться в своей работе».

Это видение власти. Оно сформулировано, причем сформулировано совсем не в ответ на вопрос о том, как вы, господин президент, видите функцию средств массовой информации в демократическом обществе, каким является сегодня ваша страна. Он отвечал совсем на другой вопрос. И тем ценнее эта формулировка, потому что, по-моему, она совершенно искренняя.

Так видит это власть. А за пределами небольших островков или оазисов независимых СМИ общество не может эффективно противопоставить этому свое видение и свой взгляд на функцию средств массовой информации. И можно, конечно, надеяться, что возникнет какая-то другая власть и более либеральный правитель, который по доброй воле поделится властью с обществом.

У российского общества, действительно, нет опыта в прошлом, на который можно было бы опереться для создания и использования демократических институтов, нет ни в одной сфере — будь то общественное представительство, строительство политических партий, гражданские ассоциации или средства массовой информации. Для того чтобы и СМИ, и другие институты обрели реальную силу, это должно стать общественной инициативой, потребностью, а не подарком сверху.

Вопрос. В западной политической культуре существует своего рода культ формулировки *make a difference*. Как вы полагаете, почему подобная формулировка и ее «культ» не сложились в нашем обществе?

М.А. Липман. *Make a difference* значит, иметь влияние, или значение. Практически, в нашем обществе не было периода, когда было иначе, за исключением быть может очень коротких периодов, в конце XIX — начале XX веков; тогда действительно в обществе стали формироваться групповые интересы, которые и есть прообразы политических партий. Если посмотреть на развитие западного общества, оно выглядит совсем по-другому. В нем формирование либеральных ценностей очень сильно предшествует формированию демократии как предоставлению некоторых механизмов обществу для участия в управлении государством.

В России все-таки, на мой взгляд, самое главное, что во взаимоотношениях между обществом и государством существовало во все времена и сегодня тоже, — это ровно то, о чем я сказала: доминирование государства над обществом. Вопрос о том, почему, — может быть, скорее, философский, чем чисто исторический.

О.М. Здравомыслова. Мария в своем выступлении даже отчасти опровергла идею возможности диалога в той ситуации, в какой мы сейчас находимся. Потому что диалог без всякой возможности влияния — это, скорее, пустые слова.

М.А. Липман. Мне кажется, диалог на сегодня возможен, и он происходит, но только в тех сферах, которые не умаляют этой самой монополии на принятие решений. Мне представляется, что есть некоторые пункты ущемления гражданских и политических прав, которые составляют саму основу

режима, а именно, например, отмена выборов губернаторов и вообще сведение института выборов к какой-то редуцированной, совсем маргинальной форме. И здесь власть на уступки совершенно не готова идти, ни в каком диалоге содержательного участвовать не будет.

А есть вопросы, которые, как мне представляется, являются издержками нынешней политической системы, результатом низкого качества управления, которое, в свою очередь, связано с отсутствием политической конкуренции. Там, где речь идет о борьбе с издержками, я думаю, власть готова к диалогу. Действительно, если выборы власти реально мешают, то насилие в милиции или тяжелые условия содержания в местах заключения, или расовое, этническое насилие совершенно не являются целью этой власти, и она была бы непрочь эти проблемы решить.

Я думаю, что по этим темам диалог вполне возможен. В отличие от принципиальных вопросов, которые составляют (повторю) самую суть нынешнего режима: например, сути режима противоречит превращение парламента в автономную независимую представительную власть. Улучшение работы милиции никаким образом не противоречит, наоборот, это было бы очень хорошо и для нас с вами, и для власти тоже. Просто достичь этого чрезвычайно сложно, особенно при такой системе принятия решений.

О.М. Здравомыслова. То есть нужно правильно выбирать темы для диалога.

М.А. Липман. Просто надо признать, что у нас очень ограниченные возможности.

**«Бюрократическая система в России
опять находится на пути контрреформ»**

Ю.Г. Чернышов,

Алтайская школа политических исследований (Барнаул)

Я руковожу ассоциацией политологов, занимаюсь профессионально изучением того, что происходит, и много приходилось вариться непосредственно в гуще событий. Была, например, такая организация Конгресс интеллигенции, была Независимая общественная палата при Михаиле Евдокимове и т.д. Но мне кажется, что стоит лучше рассмотреть один из главных вопросов, который сегодня обсуждался. Он связан с тем, насколько опыт гласности уникален и насколько он универсален.

В свое время, образно говоря, Михаил Сергеевич Горбачев взял «ниточку», потянул ее (а этой ниточкой была — гласность) и смог за эту ниточку распутать целый клубок проблем, которые нужно было распутать в то время. Время показало, что именно эта ниточка тогда была выбрана правильно. Однако есть и другой пример — Дмитрий Медведев тоже потянул похожую «ниточку» своей статьей «Россия, вперед!». Но ниточка оборвалась и зависла в воздухе, никаких особых последствий не наступило. Почему?

Мне кажется, что здесь стоит более широко взглянуть в целом на то, чем была Перестройка в истории страны. Потому что до сих пор, к сожалению, часто в массовом сознании очень эмоционально воспринимаются эти события, сразу начинают вышаривать какие-то ярлыки, стереотипы: или «предатель», или, наоборот, «святой человек». Люди спокойно, объективно не могут оценить то, что происходило.

Мне кажется, что для более широкого понимания было бы полезно сравнить опыт нашей страны и Германии. Потому что в чем-то судьбы у этих стран похожи: достаточно мощная авторитарная традиция в истории, которая в XX веке вылилась в опыт тоталитаризма с разными, конечно, окрасками, с большими различиями, безусловно, но в то же время и с большими сходствами — вождь, партия, идеология, тотальный контроль, репрессии и т.д. и т.д.

Германия все-таки и вошла в тоталитаризм позже, и вышла из него раньше, а ее главное отличие в том, что в Германии тоталитаризм был насильственно сломан в ходе Второй мировой войны. У нас же, во-первых, все происходило дольше, глубже проникло в поры общества и, во-вторых, пришлось это не ломать, не переоценивать кардинально, а постепенно выдавливать. Хрущев сделал определенный шаг к тому, чтобы перейти, скорее, к авторитарному государству с сохраняющимся наследием тоталитаризма. Но элементы этого наследия сохранялись вплоть до краха коммунистической системы.

Заслуга Горбачева заключается в том, что он, я бы сказал, виртуозно начал постепенно готовить к демонтажу эту систему, которая, практически, стала тупиковой, которая не давала дальше развиваться стране. Нужно было что-то делать, иначе бы она все равно потом рухнула, но с гораздо более тяжелыми для страны последствиями. Он это сделал, а потом уже этот демонтаж завершил другой человек, известный своими прямыми, достаточно грубыми методами.

Гласность была именно той «ниточкой», которую, действительно, в тех исторических условиях было правильно потянуть, потому что наше общество жило в информационной изоляции. Была идеологическая монополия КПСС, и поэтому правда, например, о репрессиях стала шоком для общества. Эти материалы стали откровением и привели к переоценке всего, что было. То есть люди расставались со своей утопией и со своими иллюзиями.

Но это помогло сформировать новые элиты, провести дальнейшие реформы. С другой стороны, прежняя «партно-менклатура», выросшая в теплично-привилегированных условиях, оказалась совершенно не готовой к политической борьбе в условиях свободы слова и конкуренции.

Сейчас мы живем в совершенно иную эпоху. Кстати, очень интересно совпало, что Перестройка вплотную примыкает к эпохе «интернетизации», новых информационных технологий. То есть сейчас уже невозможно установить информационный «железный занавес», невозможно глушить «вражеские» радиостанции, как это делалось раньше. Люди, которые хотят получить альтернативную информацию, ее получают. Сейчас

не столько недостаток, сколько избыток разнообразной информации, в которой неподготовленные умы дезориентируются и «тонут».

Какие бы критические материалы сейчас ни вбрасывались в информационное поле, они не производят серьезного резонанса, переходящего в действие. И власть даже, может быть, действительно, сознательно терпит некоторую свободу выражения мнений, потому что это служит клапаном для выпуска пара «в свисток». Следовательно, сейчас нужна несколько иная «ниточка» для того, чтобы попытаться инициировать реформирование системы.

Бюрократическая система в России опять находится на пути контрреформ, то есть на пути демонтажа того, что было завоевано в 90-е годы — на пути отмены выборов, распространения коррупции и повторения некоего застоя полусоветского типа.

Вновь становится актуален поиск этой «ниточки», и для этого надо посмотреть на глубинку, посмотреть, что происходит в регионах России. Потому что в Москве совершенно другой уровень жизни, другие проблемы, а в глубинке, на мой взгляд, происходят процессы, достаточно характерные для всей страны. Во-первых, сама власть, стремясь сделать себя несменяемой, совершает все более неадекватные действия. Так, отменяются последние выборы, муниципальные выборы. В городе Бийске фактически продавливается решение об отмене выборов мэра. Все это — на фоне десяти уголовных дел, которые заведены на мэра Бийска. И в городе Барнауле сняли с должности мэра, уголовные дела тоже заведены. И тоже назначены общественные слушания по отмене всенародных выборов.

Пытаясь зондировать общественное мнение, спрашиваем: а выйдут ли тысячи людей на площади, чтобы защищать выборы? Увы. Для многих простых людей это звучит достаточно абстрактно. Люди говорят: «Извините, но такие выборы, какие сейчас проходят, мало чем отличаются от назначения, потому что идут административные манипуляции, результат предсказуем, и мы не хотим участвовать в этом фарсе. И вообще уже нет ни порога явки, ни графы «против всех», то есть от нашего мнения практически ничего не зависит».

Может быть, подобное равнодушие граждан и есть то, чего добивались власти. На этом фоне бюрократические кланы теперь ликвидируют выборы там, где только можно, для того чтобы гарантированно сохранять за собой власть.

Но внутри партии власти происходят расколы. И, кстати, то, что мы наблюдаем в Москве (я имею в виду ситуацию с отставкой Юрия Лужкова), — это тоже очень характерное явление, когда начинают бороться кланы внутри партии власти. Они выплескивают друг на друга компроматы и дискредитируют всю систему в целом, ведя себя все более неадекватно. При таких порядках «верхи» не смогут эффективно управлять долго.

В «низах» же пока, как может показаться, царит безмолвие. Что может вывести людей на улицы? Реально сейчас люди часто объединяются не под политическими лозунгами, не ради каких-то абстрактно звучащих прав человека и т.д., а тогда, когда задевают их непосредственные жизненные интересы и социальные права. Скажем, очень радикально прошла голодовка в городе Рубцовске, когда не выплачивалась зарплата рабочим. Там тоже наблюдалась очень характерная деталь: Путин, хотя и был на Алтае, не поехал в Рубцовск и не сделал из него «второе Пикалево», а вот оппозиционные политики начали появляться в Рубцовске, хотя пока и не очень смело. Характерно, что сейчас объединяются бывшие оппоненты, то есть часто можно видеть и «Справедливую Россию», и коммунистов, и ЛДПР, и «Яблоко» — в одних рядах. Они все придавлены «партией власти», вынуждены «дружить против нее», и смотрят, можно ли получить какую-то «подпитку» от таких стихийных протестов.

Или Химкинский лес. Тоже очень характерная история: ведь сначала не было никакой политики, а была чисто экологическая проблема локального значения. Но она переросла в проблему общегосударственную и привела к большим последствиям. Потому что власть реагировала грубо, неадекватно и сама привела к радикализации движения.

То же самое было и во времена ранней Перестройки. Первые проблемы, которые тогда обсуждались, — это протесты против проекта поворота рек, защита от последствий ядерного облучения и т.д. То есть сначала не спорили: отменить руководящую роль КПСС или нет. Но когда неадекватная власть не

решала волнующие людей проблемы, тогда приходила мысль о необходимости ее смены.

Надо всячески поддерживать гражданские инициативы «снизу», когда люди консолидируются и защищают свои законные интересы. Наверное, на этом пути будет шанс как-то влиять на ситуацию. Совершенно правильно было сказано, что с интеллигенцией и с гражданским обществом считаются только тогда, когда они могут показать, что с ними надо считаться. То есть они должны показать определенное влияние, определенную силу, те негативные для чиновников последствия, которые наступят, если они не выслушают общественность. Если же интеллигенция хочет лишь того, чтобы она была востребована властью, — это, извините, не интеллигенция. Это по-другому принято называть («образованцы» и т.п.). Это те люди, которые хотят, чтобы их востребовали. Настоящая интеллигенция все-таки выражает свое мнение, сообразуясь со своей совестью и независимо от того, будет она востребована или не будет востребована властью.

Сейчас, мне кажется, ускоряются темпы происходящего, и, наверное, в ближайшие несколько лет уже произойдут серьезные перемены на политическом ландшафте. Начинается кристаллизация каких-то новых движений (так, четыре политика — Немцов, Касьянов, Рыжков и Милов — смотрятся как мушкетеры, которые двадцать лет спустя собрались, чтобы снова побороться). Какие-то новые процессы начинают происходить, и можно надеяться, что начнется обновление системы. Иначе при пессимистическом варианте власть будет просто разлагаться изнутри, потому что уровень коррупции — потрясающий и нет никаких внешних ограничений этого процесса. Если удастся обновить власть, направить ее в то русло, которое было задано, во многом, Перестройкой, тогда у нас появится шанс на то, что Россия не впадет в очередные катаклизмы, а будет развиваться эволюционно.

Вот поэтому и важен опыт того, что делал Михаил Сергеевич Горбачев в начале Перестройки. Мне кажется, об этом надо рассказывать объективно, и разрушать стереотипы, потому что это — наша история. Из нее надо извлекать уроки, которые должны служить успешному развитию нашей страны в будущем.

СТАТЬИ

Гласность 20 лет спустя: томский оазис

Н. Погодаев, Томск

20 лет тому назад: потешный батальон сибирского эфира

Сегодня гласность, то есть профессиональная независимая журналистика, отражающая существующие в обществе проблемы, мнения и настроения, представлена, в Томске в том числе, двумя электронными средствами массовой информации. Одно из них — полностью местный телеканал ТВ-2, другое — ретрансляция компанией «Рекламный дайджест» федерального радиоканала «Эхо Москвы» с местными врезками.

В начале 90-х новые средства массовой информации создавались людьми, которые хотели перемен. Среди них были те, чьи взгляды, по их собственному определению, были «стойко антисоветскими, антикоммунистическими». Во многом они сформировались под влиянием большого количества прочитанного сам- и «тамиздата». Разговоры о необходимости демократизации КПСС казались им достаточно наивными. Многие сделали потоки информации и начавшиеся общественные дискуссии в период гласности. В воздухе витало общее недовольство советской властью — старцами в Кремле, талонами на товары, идеологическим пустословием КПСС и так далее.

Определенную роль сыграла местная томская кампания против строительства Белково-витаминного комбината. Тема для многих была не столько экологической, сколько общественно-политической, темой противостояния власти.

Выборы народных депутатов РСФСР в 1990 году дали опыт разработки «правил игры», от которых зависела «прозрачность» выборов. Честные выборы показали, что народ готов к участию в них, что вполне можно выстроить систему контроля на выборах.

В тех условиях люди, порой подспудно, искали возможность самореализации. Новые СМИ были одним из таких вариантов. Для многих точкой окончательного самоопределения был август 1991 года — дни путча ГКЧП. Огромные перемены в стране вели и к появлению новых структур на медийном поле Томска.

Прежние СМИ, государственное телевидение в особенности, не позволяли журналистам оперативно и без оглядки на отжившие структуры освещать мейнстрим местных событий. Некоторых из телевизионщиков даже пытались выжить из города. Но это, как говорят свидетели тех дней, «лишь добавляло им адреналина». В этих условиях и появилась идея создания независимого телевидения. Поверившие в перемены люди воспользовались «окном возможностей», использовали свой общественно-политический и профессиональный потенциал.

Компания ТВ-2 существует в Томске с 1990 г. Возникла она как антитеза государственному телевидению. Возникла во многом на основе энтузиазма непрофессионалов при единомышленном скептицизме мэтров вещания. В качестве экономического проекта частное телевидение его создателями изначально не рассматривалось. Разношерстный коллектив создателей формировался по принципу личного знакомства. Журналистов среди тогдашних новаторов медиаполя было немного. Гораздо больше было историков, философов, инженеров. Сотрудники РТПЦ, например, продвигали идею о том, что в эфире есть немало свободных частот, которые можно использовать. По признанию самих участников этого процесса, в профессиональном отношении они были «полными нулями».

Журналистике и медиа бизнесу учились на ходу. Первопроходцы частных телеканалов из разных регионов быстро перезнакомились и делились опытом. Тогда насчитывалось около 25 региональных телекомпаний, часть из которых действует и сегодня. Очень большую роль сыграло появление «Интерньюса». Он создал площадку для общения телевизионщиков из регионов и начал проводить семинары по журналистике. В экономическом отношении частная телекомпания первые годы жила очень трудно — не было ни рекламного рынка, ни тех, кто умел бы на нем работать. Некая экономическая стабилизация началась лишь году в 93-м году.

К середине 90-х определились с форматом — информация и информационная аналитика. Основой местной тематики стала социальная проблематика — детсады, дороги, коммунальные услуги, цены на продукты, школы и больницы. Медиа измерения показали, что именно эта тематика интересует людей, сидящих у телевизора. Но делают эти темы журналисты ТВ-2 профессионально и достаточно остро, что нередко вызывает недовольство чиновников. Пристально следила редакция и за политической ситуацией в регионе, в стране в целом. Хотя четкое представление о месте журналистики в политических кампаниях появилось далеко не сразу. Вплоть до 96-го года, когда в Томске проходили первые выборы мэра, ТВ-2 могла поддерживать какого-то определенного политика. Но постепенно пришло понимание того, что журналистика и политический пиар — вещи совершенно разные. С той поры компания никогда не участвует ни в каких предвыборных штабах. Постепенно Информационная программа «Час пик» и Информационно-аналитическая — «Час пик. Суббота» стали брендом.

Вторым каналом гласности для Томска является радио «Эхо Москвы». С 2004 года его ретранслирует радиостанция, которая входит в медиа холдинг «Рекламный дайджест». Благодаря журналистам московской редакции канала томичи слышат обсуждение многих острых проблем страны, критику в адрес российской власти, имеют представление о взглядах оппозиционных сил. В ряде соседних регионов — Новосибирске, Кемерово, Красноярске «Эхо Москвы» не транслируется. Томская редакция имеет около трех часов в сутки для размещения на канале своих программ.

Формула успеха: журналистика + бизнес

Понимание того, что такое медиа бизнес появилось благодаря американским консультантам. От них создатели частной телекомпании узнали о необходимости и технологии формирования бюджета. Чуть позже семинары на эти темы стал проводить и «Интерьюс».

Одна из основных проблем жизни частных СМИ — взаимодействие с властью, финансово-промышленными группами, с бизнес-структурами. Единственной ФПГ в Томской обла-

сти была нефтяная компания ЮКОС, заинтересованная в существовании либерального информационного пространства. Некоторые сотрудники ЮКОСА под этим понимали лояльность по отношению к своей компании, но руководство ЮКОСА рассматривало это как существование либерального пространства в целом. ЮКОС, действуя через «Глобал Медиа Менеджмент», скупал те медийные активы, которые представляли какой-либо интерес. В частности, компания приобрела и 74% акций ТВ-2. Остальной пакет оставался в руках телекомпании. После начала крушения ЮКОСА ТВ-2 выкупила акции обратно.

Сотрудничество с ЮКОСОМ означало для телекомпании, во-первых, получение средств на развитие, во-вторых, в руководство компании пришли люди, которые очень хорошо разбирались в бизнесе. Они смогли по-новому сформулировать цели и задачи развития, реорганизовать структуру компании. Это стало вторым после помощи «Интерньюса» мощным импульсом развития ТВ-2. По свидетельству руководства телекомпании ни одного случая давления на их редакционную политику со стороны ЮКОСА не было.

Основой бренда ТВ-2 является информационный телеканал. Но главным достижением компании является создание в 2002 году холдинга «Томская медиа группа», который объединяет ряд томских средств массовой информации и рекламных предприятий. Это позволяет в рыночной ситуации удерживать не только зрительские рейтинговые позиции, но и рыночные. В одиночку телеканал не смог бы этого достичь. И это тоже одна из важных характеристик успешного медиа проекта.

Отношения с властью: диалог или длинный поводок

Следуя журналистскому кредо, ТВ-2 старается считать, что запретных тем нет, и потому выступает серьезным раздражителем власти. Телекомпания делает репортажи со всех митингов и акций протеста, предоставляет слово всем политическим партиям, действующим в Томске, приглашает в эфир посещающих Томск столичных экспертов и политиков разных политических направлений. Интервью в прямом эфире профессиональны, корректны, остры. Журналисты не дают политикам и чиновникам расслабляться. В качестве примера — сюжет

про бабу Машу. Выступающего в эфире председателя областной думы спросили, что он думает по поводу прогнившей крыши дома некой бабы Маши. Вождь местных парламентариев сказал, что он занят более масштабными делами, а баба Маша его не интересует. Тема получила развитие. Через неделю лидер регионального парламента в четвертой реинкарнации не знал куда деваться. Ситуация стала притчей во языцах и уроком для местных публичных политиков.

Давление на компанию усиливается во время острых социальных конфликтов и политических кампаний (новации социального регулирования типа монетизации льгот, забастовки, акции протеста, выборы). Обострение давления на журналистов в предвыборных ситуациях выглядит довольно парадоксально. Власть располагает мощным административным ресурсом, который гарантирует нужный исход выборов. В то же время она настолько загнала себя показателями по выборам, что любой сколько-нибудь критический материал рассматривается как угроза получению нужных процентов голосования за правящую партию и вызывает раздражение.

Но существование независимой телекомпании на протяжении 20 лет свидетельствует о том, что это раздражение ведет не к «взаимоистреблению», а к развитию очень непростого сотрудничества — сотрудничества и на институциональном уровне — богу — богово, а кесарю — кесарево, и на уровне межличностном — личные контакты руководителей компании с руководством области и города, переговоры, определенные компромиссы. Журналисты оперируют фактами, а власть никогда не переходила определенной черты, за которой последовала бы ликвидация компании. Более того, губернатор Кресс не раз выступал в качестве заступника за ТВ-2 перед федеральными структурами. Вообще «фактор Кресса» все эксперты называют определяющим. Именно он поддерживает либеральный климат в отношении СМИ вообще и в отношении ТВ-2 в частности. Подобная модель взаимодействия губернатора и телекомпании стала производной от ряда факторов. Во-первых, это определенный микроклимат университетского Томска, позиционирующего себя как центр инновационной деятельности. Для привлечения соответствующих кадров, для упрочения креативного потенциала города необходима

либеральная аура. Удушение в этой ситуации независимого телеканала выглядело бы нелогичным и заметно уронило бы престиж руководителя региона среди части местного общества. Во-вторых, наличие среди непосредственного окружения губернатора нескольких людей с либеральными взглядами. Они выполняют роль «хвостового оперения», которое не дает «самолету» сорваться в «вертикальный штопор». Своего рода некий «микрорюгенс». В-третьих, умение губернатора использовать критические материалы журналистов в качестве бича для многочисленной и многоликой армии местных чиновников.

Томск свободнее многих других городов. Цензура здесь выглядит в виде пожеланий не давать тот или иной материал, того или иного политика. Но если телевизионщики стоят на своем, то постепенно градус недовольства растет. Через некоторое время может прийти предупреждение за нарушение каких-то чисто формальных правил. Руководству компании открытым текстом объясняют — за что это на самом деле. Чаще всего, по оценке экспертов, подобное недовольство исходит от представителей федеральных органов, контролирующих ситуацию в регионе. Тем более, что ТВ-2 местной тематикой не ограничивается. В начале сентября 2010 года, например, в «Час пик. Суббота» был показан ролик, снятый забайкальским клубом «Диверсант» о путешествии премьера Путина по федеральной трассе «Амур». Там и три желтых машины «Лада-Калина», и вереница мощных иномарок кортежа и закадровые реплики читинских видеолюбителей. Хроника значительно отличалась от материалов центральных телеканалов по поводу путешествия премьера.

Когда в Москве накапливается определенное количество докладных от федеральных структур в Томске, маховик давления на компанию начинает раскручиваться и остановить его бывает очень сложно. В этой ситуации важно, что отношение региональной и городской власти к ТВ-2 является более-менее взвешенным. Власть отдает должное тому, что компания вполне вменяема, ответственна, давно известна. Если ее закрыть, то кто знает, кем будет занята эта ниша.

Сложнее складывались отношения ТВ-2 с федеральными структурами, особенно с УВД до недавнего времени. Баталии

были достаточно серьезные, но телевизионщики никогда перед ними не пасовали. Опорой им были и журналистский профессионализм, и умение позиционировать себя в российском медиапространстве и в других структурах гражданского общества. В 2007 году ТВ-2 очень оперативно обнародовала материал об убийстве следователем УВД в своем кабинете томского предпринимателя Игоря Вахненко и о попытках скрыть содеянное. Начальник УВД был против обнародования преступления и разгорелся достаточно ожесточенный конфликт. В период его обострения в Томск, по просьбе руководителей ТВ-2, приезжали представители Общественной палаты России. С января 2010 года ТВ-2 последовательно освещает скандал вокруг убийства в медвытрезвителе томского журналиста Константина Попова. Под давлением общественного мнения начальник УВД был отправлен в отставку.

Кроме ежедневной информационной и еженедельной информационно-аналитической программ ТВ-2 ведет и несколько спецпроектов. Один из них — «Обыкновенное чудо» — посвящен частной благотворительности, помощи малышам-сиротам и детям инвалидам. Журналисты начали этот проект, раскрутили его, добились реальных результатов в помощи детям. Кроме этого они сумели так выстроить отношения с властью, что изначальное недовольство (некоторые чиновники говорили, что журналисты взялись за проект, дабы показать недееспособность власти) сменилось тесным сотрудничеством на ниве благотворительности.

Томская редакция «Эха Москвы» никогда не выступает в качестве раздражителя власти. Политика холдинга сосредоточена исключительно на зарабатывании денег, а не на журналистике. В редакции работают всего 4 человека, часть из них начинающие журналисты. Они готовят и материалы «Эха» и новостные выпуски на пяти музыкальных каналах. Сильна текучесть кадров. Трехчасовая разница между Москвой и Томском дает местной редакции возможность использовать местные прайм-таймы. Но имея в своем распоряжении отрезок с 8 до 9 утра, томичи заполняют его повторами московской редакции. Власть подобных тружеников эфира в качестве серьезной силы медийного фронта, конечно же, не рассматривает.

ТВ-2 создает некий нерв думающего, спорящего и потому, хотелось бы верить, развивающегося регионального пространства. Для томского истеблишмента достаточно престижно появляться в эфире ТВ-2, обладающего большой аудиторией и устойчивой репутацией независимого канала. В то же самое время в компанию обращается большое количество рядовых томичей, рассматривающих телевизионщиков как средство достучаться до властей.

Редакция «Эха Москвы в Томске» таким нервом не является. В бизнес формате фирма «Рекламный дайджест» достаточно успешна. Но ее руководство не ставит задачу превратить местное «Эхо» в сильного игрока на медийном поле. Тем не менее, именно благодаря этой компании, повторяю, томичи слышат голоса тех политиков и экспертов, которые на всем остальном эфирном пространстве давно забыты, а у Венедиктова звучат. Томичи нередко пользуются возможностями интерактивных программ местной редакции «Эха» и откликаются по телефону на наиболее острые проблемы местной жизни.

Вероятно, на деятельности томской редакции сказывается и то, что лицензия на вещание в Томске принадлежит не «Рекламному дайджесту», а «Эху Москвы». Томичи выступают не сетевыми партнерами, а работают по комиссионному договору. Из 43 регионов вещания «Эха Москвы» такая ситуация существует лишь в девяти.

Работа частных региональных медиа, по мнению экспертов, усложнилась после ликвидации «Интерньюса». Компании разобщены, не стало организации, которая была машиной по обучению и обеспечению коммуникаций. Эта машина была сознательно разрушена, площадка вытоптана, а замены ей нет. В силу этого сложнее стало с формированием и поддержкой определенных стандартов в журналистике. Негде стало обсуждать проблемы развития медиа бизнеса. Разобщенность особенно остро сказывается на молодежи, у которой нет того коммуникативного ресурса, что остался у старшего поколения телевизионщиков.

Попытка заступиться за «Интерньюс» привела к тому, что компания ТВ-2 инициировала еще один шаг по развитию гласности — практику «Открытого письма» Президенту России. Его запустили через интернет, через блоги. Именно тогда пришло

осознание значения интернет-ресурса. Благодаря ему под письмом появились тысячи подписей в защиту «Интерньюса».

На упреки чиновников, что компания лишена патриотических чувств, журналисты ТВ-2 отвечают словами Салтыкова-Щедрина, что надо разделять понятия «Отечество» и «Ваше превосходительство». Но многие чиновники по-прежнему пытаются доказать им обратное.

Финансовую зависимость от власти ТВ-2 минимизировала за счет диверсификации своих доходов от рекламного рынка. Именно подход к своей деятельности как к бизнесу позволил добиться того, что заказы от властных структур не являются определяющими в структуре доходов телекомпании и потому не могут определять ее деятельность.

Сохранится ли прежнее относительно нормальное отношение ТВ-2 с властью и дальше — не ясно, потому что, как говорят эксперты, ситуация ужесточается. У власти стало больше рычагов давления на СМИ, но спокойствия ей это не прибавило. Раздражение усиливается по партийной линии. А в условиях вертикали партия и власть превращаются в ленту Мебиуса. Накануне предвыборной кампании, в конце лета 2010 года, ТВ-2 дала сюжет о дорожном строительстве — «Партия власти трамбует и асфальтирует». Раздражение вызвал не только он, но и сюжеты о проблемах в системе здравоохранения, о нехватке мест в детских садах. Они не соответствуют уверениям «Единоросов» перед выборами об успешном решении острейших социальных проблем. Некоторым чиновникам руководство запрещает в предвыборный период выходить в эфир ТВ-2. Но тогда вместо комментария чиновника — почему прорвало трубу и когда ее починят — у трубы оказываются только оставшиеся без воды жители, ругающие власть. Потому что сколько «ни лечи» журналистов этой телекомпании, изношенную трубу и оставшихся без воды людей они все равно покажут.

Директор Центра по изучению средств массовой информации и общества при Университете штата Массачусетс в Бостоне, США, Эллен Хьюм выделяет четыре важнейшие функции, выполняемые свободной прессой:

- 1) обеспечение подотчетности государственных руководителей народу,

- 2) привлечение внимания к важным вопросам,
- 3) просвещение граждан, чтобы они могли принимать обоснованные решения,
- 4) установление связей между людьми в гражданском обществе.

Оценивая через призму этих функций деятельность компании ТВ-2 в Томске, можно сказать следующее:

- 1) Обеспечение подотчетности государственных руководителей народу весьма относительно, потому что нет свободных выборов, которые являются главным средством контроля за властью со стороны населения. Но телеканалу удастся добиваться того, чтобы чиновники приходили и отвечали на вопросы, которые задает им население.
- 2) Журналисты телекомпании делают все возможное для привлечения внимания к важным вопросам жизни общества. И делают это, чаще всего, на хорошем профессиональном уровне.
- 3) Формат вещания ТВ-2 дает в настоящее время мало возможностей для создания собственных просветительских программ. Хотя большинство материалов телеканала, так или иначе, служат просвещению граждан, объяснению существующих социальных механизмов, способов решения проблемных ситуаций.
- 4) Учитывая проект «Обыкновенное чудо» и ряд других можно сказать, что телекомпании удастся содействовать развитию связей между людьми. Но это происходит на фоне очень слабого развития гражданских коммуникаций в России в целом.

Dura lex sed Russia

По мнению экспертов по сию пору действует либеральное законодательство, которое было создано в отношении СМИ в начале 90-х. В то же время власть после 2000 года создала ряд законодательных возможностей для того, чтобы в нужный момент закрыть любое СМИ. Хотя пока ими широко и не пользуется. Главным орудием власти, говорят эксперты, является Россвязькомнадзор. Если власти очень понадобится лишить

канал лицензии, то в качестве камуфляжа и легендирования будут использованы формальные аргументы этой достойной организации. Компания ТВ-2 несколько раз едва не лишалась лицензии лишь за то, якобы, что информационно-аналитического вещания у нее оказалось на 4% больше, чем было заявлено в концепции, которая прилагается к лицензии. На самом деле за этим стоял счет, который чиновники разного уровня предъявляли журналистам. То есть политическая составляющая дамокловым мечом висит над частными независимыми региональными телерадиокомпаниями. ТВ-2 не раз спасала лишь политическая воля губернатора Виктора Кресса.

ТВ-2 рассматривает в качестве совершенно обычной практики участие в судебных разбирательствах по искам против нее. Большинство из них компания выигрывала, но и по поводу тех, что проиграла, у нее нет претензий к региональному судопроизводству. Наличие конфликтов и разрешение их в суде, с точки зрения менеджмента компании, является неотъемлемой частью современного общества, взаимодействия людей и организаций на медийном и предпринимательском полях.

Томская редакция «Эха Москвы» с судебными исками в свой адрес никогда не сталкивалась.

Что касается местного гражданского общества и медийного сообщества, они не могут выступать в качестве гаранта прав частных СМИ. Эта ситуация общая для России и Томск здесь не исключение. По мнению экспертов, вопрос жизни и смерти частных СМИ в руках Администрации Президента России.

Будущее: магия цифры

За 20 лет работы ТВ-2 завоевала 17 наград ТЭФИ и ТЭФИ-регион. Четверо сотрудников компании являются академиками Российской академии телевидения. В компании работают наиболее сильные журналисты-новостейщики Томска. Вещание ведется на пятом метровом канале в режиме самопрограммирования. Суммарный рейтинг четырех выпусков новостей по будням по данным Гэллуп-медиа стабилен:

2007 г. — 12,5%

2008 г. — 10%

2009 г. — 12,5%

2010 г. — 13,2%

Рейтинги показывают, что продукт востребован.

Из нескольких местных телеканалов, которые в 90-ые годы выпускали в Томске свои программы, теперь остались лишь два — ГТРК и ТВ-2.

Телекомпания озабочена развитием своего присутствия в интернете. Главная цель при этом — заполучить молодежную аудиторию. На телевидении молодежь 18–35 лет составляет четверть аудитории. Основная аудитория — люди после сорока.

Будущее компании связано с тем, как частные электронные СМИ смогут вписаться в новые технологии, в цифровое вещание. Эксперты считают, что во многом это зависит от того, какие правила игры будут заданы властью. У этого процесса есть два аспекта: это и переход на уровень новых технологий, и способ «упорядочить» существующие ныне электронные СМИ. Упорядочить с политической точки зрения. В цифровые пакеты одних можно включить, а других нет. И объяснить это не политической, а технологической подоплекой.

Позиция руководителей частных региональных телеканалов такова: «дайте возможность выжить или умереть самостоятельно, не используя административно-бюрократические препоны». Речь идет о том, что в России будут созданы 3 цифровые мультиплекса, куда должны будут попасть все нынешние электронные каналы. Первый мультиплекс будет создаваться за счет государства. В него войдут 8 основных центральных телеканалов и 1 региональный. Этот региональный канал должен удовлетворять нескольким требованиям: самопрограммирование, выпуск большого количества собственных программ, наличие мощного журналистского коллектива, наличие необходимых финансов для вещания через мультиплекс. В Томске всем этим требованиям больше всего удовлетворяет ТВ-2. Но есть еще один пункт — одобрение губернатора. И этого одобрения ТВ-2 может не получить, так как в Томске создается губернаторский телеканал. И выходит, что такие каналы, как ТВ-2, а их в стране очень немного, в первый мультиплекс не попадают. То же касается, как говорят эксперты, и частной телекомпании «Эфир» в Казани. Несмотря на ее 20-

летнюю историю и все достижения, приоритет может быть отдан более слабому телеканалу «Татарстан», который пользуется поддержкой главы региона.

В этой ситуации все продвинутые частные региональные телекомпании типа томского ТВ-2 будут обречены на третий мультиплекс. (Во второй мультиплекс войдут все телевизионные сети — Ren-TV, ТНТ, СТС и т.д. Региональных каналов там не будет). Но не ясно — будут ли частоты для третьего мультиплекса и каковы будут финансово-технические условия его существования. Региональные компании могут его просто-напросто финансово не потянуть. Совершенно не ясны, как говорят, и временные рамки появления третьего мультиплекса. Такая ситуация может стать роковой для таких телекомпаний как ТВ-2.

Есть опыт США, где каждый владелец аналоговой частоты автоматически получает цифровую, да еще и не одну. Но наше государство боится, вероятно, что возникновение в этой ситуации большого количества каналов приведет к хаосу и невозможности контролировать медиа пространство.

На сегодняшний день вопрос о том — будут ли учтены интересы тех, кто на протяжении 20 лет создавал успешные частные медиа проекты, будут ли учтены интересы многомиллионной аудитории частных региональных телекомпаний или государство проведет очередную зачистку медийного поля — остается открытым.

20 лет спустя: не частные проблемы частных телекомпаний

Ситуация с частными телекомпаниями в России в целом, считают эксперты, «сильно и трагически ухудшилась». Изначально они создавались на основе невероятных усилий групп энтузиастов. Потом появились телевизионные сети, которые на первых порах были очень лояльны к региональным партнерам. Регионалы имели тогда достаточно места для своих программ. Им чаще всего принадлежал весь прайм-тайм. Но постепенно позиции региональных компаний все больше ужимались и они стали «кассовым аппаратом при чужом программном продукте». Размещали свою рекламу и небольшую программу «а-ля новости» или что-то развлекательное. Те, что хо-

тели оставаться в журналистике, должны были уходить на самопрограммирование. Но в этом случае они значительно проигрывали в рыночной ситуации — не могли покупать для проката конкурентную продукцию.

Компаний, старающихся вести более-менее независимую политику и выстраивающих свою деятельность в рамках местного бизнеса, говорят эксперты, в России остались единицы. Если в 90-х их количество увеличивалось, то сейчас сокращается. Происходит это в результате давления власти, давления телевизионных сетей, резкого сокращения генерации телевизионщиков 90-х. Новое поколение реализует себя в иных областях.

Томск относится к числу городов, где гласность, давшая некогда толчок демократическим преобразованиям в России, представлена сегодня несколькими реальными независимыми средствами массовой информации. Это каким-то образом влияет на умонастроения в собственно Томске. Но эфир ТВ-2 и «Эха Москвы» ограничен границами Томска и Томского района, а по остальным городам и весям нашей области — лишь центральные телеканалы и развлекательное радио. Тем не менее, возможно деятельность таких компаний, как ТВ-2 и «Рекламный Дайджест», способствует тому, что уровень свободы средств массовой информации в России находится, по международным рейтингам, не в самом кончике хвоста. По оценке Freedom House (апрель 2010 г.) Россия занимает 175 место из 196. А по оценке «Репортеров без границ» (сентябрь 2009 г.) — 153 из 175 возможных. Но сможем ли мы — народ России — предпринять усилия, чтобы страна оказалась не между Фиджи и Тунисом, а в когорте стран, где реально действующие социальные институты обеспечивают динамичное и относительно гармоничное развитие общества? Где журналистика на территории всей страны является реальным механизмом взаимодействия общества и власти. Вопрос о том — будут ли оазисы независимых СМИ отвоевывать у пустыни народной апатии и алчности элит новое пространство или окончательно погибнут под зыбучими песками гламура и официоза — остается открытым.

Как мы воспринимаем прошедшее, ставшее уже историей

В.Л. Каплун,

Фонд «Общественное мнение»

Что такое историческая память о недавнем прошлом, свидетелями которого мы были?

Это то, что мы пережили сами и о чем рассказываем своим детям. Это то, о чем наши отцы и деды рассказывают кому то из нас, живущих ныне. Это мемуары, которые пишут немногие. Это учебники истории, которые читают (почти) все.

Если говорить про последнее пятнадцатилетие прошлого века (1985–1999), то в учебниках истории ему сегодня едва ли посвящено много страниц. Мемуары об этом времени единичны и принадлежат в основном непосредственным участникам политических событий того времени. Воспоминания простых обывателей, если и написаны, то едва ли будут напечатаны на бумаге в обозримом будущем. Пишу «на бумаге», потому что в электронном виде рефлексий событий того периода можно найти довольно много. Речь идет об интернете, о многочисленных авторских страничках, блогах, форумах, литературных порталах сам-себя-издатовской прозы, эхоконференциях и многом-многом другом.

Однако существует огромное количество людей, для которых интернет — не более чем справочник телепередач, или прогноз погоды на завтра, или счет последнего футбольного матча на чемпионате мира. Они не ведут дневников, не пишут воспоминаний, а между тем они тоже являлись свидетелями или непосредственными участниками событий недавнего прошлого. Что они расскажут своим детям? И есть ли вообще, что им рассказать? Ответы на эти вопросы попытался выяснить летом 2010 года Фонд «Общественное мнение», проведя серию экспертных интервью, свободных и стандартизованных телефонных интервью, собирая коллекцию мемуарных нарративов, и, наконец, репрезентативный общенациональный оп-

рос взрослых жителей нашей страны по заказу Фонда «Современной истории»³⁰.

В своих рассуждениях я опирался на обсуждения событий 80–90-х годов прошлого века в различных интернет-форумах, дневниковые интернет-записи, а также на результаты личных бесед с различными людьми, в которых я использовал те же вопросы, что и в свободных интервью из упомянутых исследований Фонда «Общественное мнение». При этом я придерживался теоретической рамки общепринятой сегодня в исследованиях памяти. «Историческая память рассматривается как представления о прошлом, которые подтверждают для членов общества их коллективную идентичность и символически обозначают их единство во времени и пространстве, благодаря созданию общей истории.»³¹

В свое время Ильф и Петров написали замечательные строчки: «...Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Волховская гидроэлектростанция, совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «Уйди-уйди», написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «Полпред». В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далек от таких высоких материй. У его обитателей стремление одно — как-нибудь прожить, не испытывая чувства голода...»

Примерно так же дело обстоит и с памятью о прошедших временах. Есть большая История, которую вершат политики и есть обыденные, повседневные человеческие истории. Об этих маленьких историях и пойдет речь.

Все воспоминания начинались с мелочей, с зацепок, связанных с повседневной жизнью, и лишь постепенно, в процессе разговора, «картинка» укрупнялась, проявляя более мас-

³⁰ Речь идет о разведывательном телефонном опросе жителей 18+ Екатеринбурга и Ставрополя. В каждом городе было опрошено 45 респондентов, случайно отобранных среди абонентов городской телефонной сети, по анкете из восьми открытых вопросов. Ответы респондентов не только записывались интервьюерами, но и фиксировались на звуковых файлах.

³¹ <http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html>

штабные события. Хорошую иллюстрацию этого я нашел на одном из интернет-форумов, посвященному 80-м годам.

Началось с того, кто, что слушал в то время. «...*Осенью 1985 я пришел из армии. Первым делом — к отцу, давай все новинки. Бог Ты Мой!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Modern Talking «1st Album», Bad Boys Blue...*»

После довольно долгого перечисления рок-групп и музыкальных альбомов обсуждение перешло на аппаратуру, при помощи которой музыку слушали: «*Вся аппаратура в доме менялась вместе с ходом технического прогресса СССР. Сначала — ламповый катушечный магнитофон GINTARAS (из Прибалтики), затем — VILMA M1 и радиола RADIOTECHNIKA.*»

«Картинка» постепенно укрупнялась, начались воспоминания, сколько стоила та же аппаратура, потом продукты, сигареты, проезд в общественном транспорте. «...*80-е мы проездили на автобусах с полуавтоматическими кассами и компостерами. Только в середине-конце 90-х опять вернули кондукторов из 50-70-х. А ведь почти все десятилетие народу ВЕРИЛИ...*» «...*На улицах города еще были аппараты, выдававшие билеты на проезд, в магазинах приходилось стоять в очередях, зато доступен был полет на самолете. Все было просто и скромно, но по-домашнему приятно...*».

И вот уже кто-то вспомнил про дефицит и талоны, про блат и натуральный обмен «...*в 89-м ...не прошла по конкурсу в институт, пришлось поработать год кассиром в булочной. Место было неплохое, «хлебное»... Наряду с водкой, основной «конвертируемой валютой» тогда был сахар. Для простых смертных — по талонам, 1 кг на месяц... По соседству с нашим хлебным магазином находилось еще несколько торговых точек, и мы, с «заднего крыльца» ходили друг к другу в гости. В парфюмерии меняли сахар на дефицитную польскую косметику, в кооперативном мясном — на колбасу и мясо, в молочном — на молоко и масло..».*

Следом прозвучало слово «Перестройка», вспомнили Горбачева и Ельцина, денежную реформу и ГКЧП. От малого — к большому, от частного к общественному — таково, видимо, свойство человеческой памяти. В первую очередь вспоминаются события, оказавшие непосредственное влияние на

жизнь человека. Все остальные события приглушаются, «фильтруются». Впрочем, «плотность» этого фильтра напрямую связана с образовательным уровнем собеседника. Чем выше этот уровень, тем быстрее и легче человек вспоминал общественно-значимые события напрямую с ним не связанные.

Еще одна характерная деталь, удивившая меня — нацеленность на **негатив**. То есть в первую очередь и с большей легкостью вспоминались события отрицательные, оказавшие негативное влияние на жизнь собеседника. Впрочем, может быть это не странности восприятия, а странности нашей жизни, странность ближайшей нашей истории.

Впрочем, изучение эмоциональной окраски произошедших со страной событий является лишь одной из составных частей нашего исследования. Двумя другими, не менее важными частями являются, ЧТО вспоминают и КОГО вспоминают.

Получилось так, что в процессе интервью, интернет-испытаний респонденты расслоились для меня на шесть основных типов, различных в основном по своему возрастному, образовательному и несколько менее различных по социальному и материальному положению.

Вот эти группы:

1. «Ветеран».

Родился при Сталине (1920–1940). Социализация, да и практически большая часть жизни, пришлось на советское время. Достиг определенного социального положения к середине 80-х годов (стал квалифицированным, хорошо оплачиваемым работником (профессором, начальником цеха, заведующим лабораторией, главным агрономом колхоза), дети выросли, в сберкассе лежат сбережения, впереди стабильная пенсия и обеспеченная старость). Член КПСС. Политизирован. Перестройку встретил без восторга, но с интересом и некоторым одобрением. На митинги не ходил, но «был в курсе». В период 1991–1999 годов лишился социального положения, сбережений в сберкассе, стабильной пенсии и обеспеченной старости. Некоторые лишились и детей. Выживал, подрабатывая вахтером, водителем, в профильных кооперативах (если везло).

Если сформулировать совсем коротко — это человек, привыкший к стабильности, ничего кроме стабильности не знавший, добровольно принявший и хорошо изучивший «правила игры» принятые в СССР, и в одночасье лишенный этих правил и привычного уклада жизни. Аквариумная рыбка, выпущенная в тропическую реку. Не все из подобных людей дожили до сегодняшнего дня, и не только возраст был тому причиной.

2. «Кооператор»

Брежневское поколение (1945–1970). Социализация пришла на советское время. Достиг некоторого социального положения (не столь высокого, как у «ветерана»). Квалифицирован, но высокой должности не занимал (ведущий или просто инженер, рабочий, колхозник). Хороший, достаточно образованный специалист. Но главное не это. Важнее гибкая психика и большая способность к адаптации. Возможно член КПСС, возможно беспартийный. Хорошо понимает советские «правила игры» (карьерного роста), возможно и хотел бы в них поучаствовать, но не сложилось. Перестройку встречает с энтузиазмом, понимая, что система начинает меняться и это дает шансы. Однако, кооператором становится только к концу 80-х, когда все окончательно проясняется. Не становится олигархом или финансовым магнатом, но обзаводится основательным и прибыльным бизнесом, который не разорит гиперинфляция середины 90-х и дефолт 1998-го, который доживает до 2000-х. Как правило, после начала бизнеса довольно часто разводится и женится (выходит замуж) снова. Причем, не один раз. Детей от предыдущих браков не забывает, содержит.

Если сформулировать коротко — это человек с пассионарностью чуть выше нормы, успешно адаптирующийся ко всякого рода социальным изменениям. Не крупный хищник, но и далеко не овечка. Это нынешний средний бизнес.

Таких не чрезмерно много, но и не мало.

3. «Работяга»

Может относиться к тому же поколению, что и предыдущий персонаж, может быть значительно моложе или старше. Уровень образования значительной роли не играет. Возможно это слесарь, а возможно редактор в издательстве или врач в

районной больнице. Важнее то, что в отличие от «кооператора» менее пассионарен. Весь «пар» уходит в «свисток» — в кухонные обсуждения политики, начальства или неудач наших спортсменов на очередном чемпионате. Кооператива не организывает, и в 90-х годах его судьба может иметь широкий спектр вариантов. Начиная от работы в коммерческой структуре, что позволяет ему безболезненно пережить экономические потрясения и кончая работой на низко-, а иногда и вовсе (месяцами) неоплачиваемой работе в около государственных структурах. Уход в рэкет и алкоголизм — варианты крайние и достаточно редкие. С большими или меньшими трудностями преодолевает бурные 90-е годы. Семейное положение, в отличие от предыдущего персонажа, стабильное.

Сформулировав коротко — это большая часть населения. По крайней мере, большая часть социализировавшегося, трудоспособного населения «в самом расцвете лет» в 80–90-е годы.

4. «Циник»

Родился в 1970–1978. Социализация пришлась на конец эпохи Советского Союза, начало 90-х годов. Семья среднего или невысокого достатка. Конец 80-х — ничего непонятно и шумно. Начало 90-х — все понятно, но голодно. Деньги — главное мерило ценностей. Высокие притязания в материальной сфере, сфере престижа, должностной сфере. Хочется всего и сразу, тем более, за окном множество тому иллюстраций. Вещи и быт определяют статус — машина, самые последние электронные гаджеты, места отдыха и досуга. Инициативность, аполитичность. Образование — не главное, диплом можно купить. Зачастую участвует в криминальном и полукриминальном бизнесе. Превалирование семейных ценностей, материально помогает родителям. В 2000-х, получает второе или реальное первое образование, становится владельцем не очень большой фирмы или руководителем среднего звена в фирме очень большой. Впрочем, должностей при всем обилии фирм не хватает, поэтому данный персонаж может оставаться тем, что называется «офисным планктоном», клерком в средней руки фирме, шумным, непрерывно интригующим, ищущих лучших путей и больших зарплат, и очень-очень циничным.

Их гораздо меньше чем «работяг», но они шумны, категоричны и весьма амбициозны, поэтому кажется, что имя им — легион. Их очень много на популярных интернет-форумах и в популярных блогах.

5. «Отставник»

Такое же «брежневское поколение», как и «кооператор» (1945–1970). Кадровый военный, вполне возможно, что потомственный. В «горячих точках» не служил («афганцев», как мне кажется, стоит рассматривать отдельно, особенно в контексте 90-х годов. Там больше энергии, амбиций, да и криминала). Ровный и плавный, плановый карьерный рост. К началу Перестройки в чине от полковника до капитана. География и престижность места службы — от Западной Группы Войск или военпреда в столичном НИИ, до командира батальона в сибирском военном округе. Перестройка особого энтузиазма не вызвала, хотя за политическими событиями следил внимательно. Сокращение и обнищание армии и ВПК воспринял болезненно. Ущерб не только материальный, но и моральный. В бизнес интегрировался не как владелец, а скорее, как исполнитель, служащий среднего звена. Диапазон возможной работы широк — от сотрудника охранной структуры, до завхоза в торговой компании.

К этой категории не относятся бывшие сотрудники МВД и Государственной Безопасности. Там ментальность, на мой взгляд, совершенно другая, заслуживающая, возможно, отдельного опроса.

«Отставников» достаточно много (все же армия у нас была не маленькая!), но они не особо заметны, потому что по ответам на анкетирование пересекаются с группой «работяг».

6. «Эскапист»

Год рождения 1980–1986-й. Поколение тех, чье раннее детство пришлось на 90-е. Следующее поколение после «циников». Так же как и «циники» аполитичен и циничен, но в отличии от него совершенно лишен финансовых и карьерных амбиций. Вполне довольствуется, купленным родителями компьютером. Свой, достаточно замкнутый круг друзей, реальных или виртуальных. Школу закончил, но особого желанья работать или учиться дальше нет. Это о них обычно сокрушаются ро-

дители: «Я ему и то, и это предлагал — ничего не хочет! Сидит, у себя в комнате, уткнувшись в компьютер!» По сути, затянувшееся детство, отложенная социализация. У одних детство рано или поздно кончается, у других — нет. Кто-то со временем превращается в «циника», кто-то в работягу.

Как говорится, «молодость — это недостаток, который быстро проходит». Наиболее восприимчивое и внушаемое к рассказам старших поколение, зацепившее «самым краем» опросный период 1985–1999 годов. За ними будущее, они и расскажут сегодняшнему «завтра» о нынешнем «вчера».

Конечно же, границы всех этих шести групп достаточно условны. Они могут пересекаться по возрасту, социальному и материальному положению. Существенным остается, пожалуй, образовательный, интеллектуальный уровень и степень (простите) пассионарности. От этого в меньшей степени зависит, какие события вспоминают респонденты и в большей, какая эмоциональная окраска им придается.

Но вернемся к собственно опросу, к воспоминаниям респондентов о годах с 1985 по 1999-й. С года в котором Генеральным Секретарем ЦК КПСС стал М.С. Горбачев до года в котором Первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин сложил с себя свои полномочия.

«Золотой век»?

Занимаясь поисками в интернете воспоминаний о 80-х годах я понял, что 80-е годы, начало Перестройки неразрывно связаны с эпохой Брежнева. То есть, в исторической памяти все, что называлось когда-то «чехардой генсеков» сошло на нет. Немногие уже помнят последовательность, а уж тем более годы смены генеральных секретарей коммунистической партии советского союза. Поэтому историческое разделение происходит как бы по линии Брежнев-Горбачев. Андропова и Черненко вспоминают немногие. Андропова больше, как борца за дисциплину: «...людей арестовывали в банях, кинотеатрах и даже на похоронах. Потом посылались письма на работу и человека увольняли с «волчьим билетом», он не мог больше нигде устроиться. А потом его сажали за тунеядство...»

Брежневское время вспоминают двояко. Если посмотреть многочисленные обсуждения в одном из самых популярных наборе блогов страны, в LiveJournal, то упоминаний можно найти множество. Суждения диаметрально противоположные — от «Ужасы тоталитарного режима», до «Золотого века нашей страны». И то и другое сопровождается обильным визуальным рядом фотографов официальных, самодеятельных и корреспондентов зарубежных агентств. Все фотографии несут в себе богатую эмоциональную нагрузку.... Споры в LiveJournal могут продолжаться бесконечно.

«В 70-е появились первые брошенные деревни, село начало стремительно спиваться и стареть, от того в 70-е появились массовые «гоны» горожан на уборку урожая, которого кстати собиралось в разы меньше чем сейчас. В 70-е СССР превратился в мирового лидера по импорту сельхозпродукции. В 70-е появились дефицит, фарцовщики и валютчики, сшитые в Узбекистане под американские лэйблы джинсы стоили порой как «Жигули», а японская стереосистема — как «Волга», рубль тогда, в 70-е, в народе начали называть деревянным...»

И с другой стороны:

«Вот думаю: атмосфера 2000-х годов, из чего она — интернет, компьютеры, сотовые, DVD, MP3, большие ТВ, поколение NEXT, гомосексуализм в квадрате, бесконечные шоу, тупость собеседников в простых темах, никто не читает книг, цены за баррель.... и т.д.

А атмосфера 80-х: из чего она — бог ты мой!!! Джинсы, макияж, французские духи, кубик рубика, нормальные милиционеры и ДНД, везде лавочки и урны, работающие телефоны-автоматы за 2 коп., пионеры и КПСС, квартиры бесплатно через 10 лет работы, кредиты на мебель и ТВ за 2% годовых (да-да), почти ничего нельзя (говорить, петь, читать, слушать, производить), 6 видов лекарств, 2 вида лимонада, никакой заграницы, ТУЧА ХОРОШЕЙ ОФИГЕННОЙ МУЗЫКИ на пластинках и катушках...»

Наверное, как говорится в сериале «Секретные материалы», истина лежит где-то там... посередине.. И истина эта, хороша ли она или плоха, задает отсчет на последующее пятнадцат-

цатилетие, потому что в интервью и воспоминаниях многих людей «брежневское время» определяют как некий эталон, точку отсчета, к которой привязывают все последующие события.

В 70-е, в начале 80-х все находились на старте, возможно и не в равных, но в комфортных и привычных условиях: «Ветераны», «Работяги», «Кооператоры», «Отставники». «Циники» пребывали в младенческом возрасте, когда небо голубее, солнце ярче, а воздух чище... «Эскаписты» еще не родились — с них и спросу немного.

Мне кажется, что в опросе было бы уместно задавать еще один вопрос: «Какими вам представляются 70-е годы?» Это, наверное, многое прояснило бы в дальнейших ответах. Хотя, глядя, как отвечают на открытые вопросы Фонда «Общественное мнение» можно получить ответ и на этот вопрос: *«...в те времена мне нравилось, как работал профсоюз, когда мы могли спокойно поехать отдохнуть по бесплатной путевке..»*

1985–1987 гг.

Перестройка, гласность, возвращенные имена, отмена цензуры, начало антиалкогольной компании, конец конфронтации с Западом, вывод войск из Афганистана, Чернобыль, декларация права частной собственности, чувство свободы, надежда на перемены.

Первым значимым событием периода 1985–1999 годов все респонденты отметили приход к власти М.С. Горбачева и начало «Перестройки». Это событие ассоциируется в первую очередь с «гласностью», появлением новой, недоступной ранее информации, публикациями в газетах и журналах, острыми сюжетами телевизионных передач, ощущением наступающей свободы и грядущих перемен. Многие упоминают «разрядку» — нормализацию отношений с западными странами и начало вывода войск из Афганистана. У всех групп респондентов начало «Перестройки» (по моим впечатлениям это период с 1985 по 1988 год, примерно) связано с позитивными эмоциями.

На мой взгляд, связано это с тем, что основные события в жизни страны происходили в идеологической сфере, не вы-

«Отвечая на вызов времени»

лившись в реальные, ощутимые для конкретного человека последствия.

«Были надежды на улучшение уровня жизни». «Началось возвращение к ленинским нормам». «Горбачев решил сконцентрировать всю свою деятельность на партийном строительстве. Надо прямо сказать, что его первые шаги в своей деятельности были восприняты обществом с одобрением.» («Ветераны»)

«Стали появляться зачатки частной собственности». «Всеобщий интерес к переменам.» «Практическая отмена цензуры.» «Окончание холодной войны и вывод войск из Афганистана». («Кооператоры»)

«Перестройку восприняли в основном по контрасту с предыдущим периодом... А главное — советская пропаганда тех времен. Кто читал Стругацких «обитаемый остров» — поймет. Поздняя советская атмосфера была просто мерзкой... А как вам мелкий спекулянт японской электроникой и джинсами, или торговый работник как образец для подражания? Я тогда был, как бы поточнее... «Моделист-конструктор». А мои друзья смотрели на меня как на дурачка. Перестройка хотя бы спекулянтов поставила на нормальное место...»

«А публикации в толстых журналах! Мы тогда, помнится в «курилках» только и обсуждали новые статьи в каком-нибудь «Знамени»... Ну, и о политике тоже...» («Работяги»)

«Западных шмоток стало побольше. «Голоса» глушить перестали. «Аквариум» и Гребенщикова по телевизору показали. В Питере начались фестивали «Рок-лаборатории», мы туда с ребятами катались...» («Циники»)

Несколько иной взгляд на события того времени прослеживается в воспоминаниях «Отставников»: «Замполитов он, конечно правильно поприжал... Да и из Афганистана пора было войска выводить, завязли мы там... Но бардак, как раз тогда уже и начался, боеготовность сильно упала...»

«Эскаписты», да и респонденты из других групп, не заставшие Перестройку в сознательном возрасте, судят о событиях более категорично, отталкиваясь от рассказов старшего поколения.

«Только те люди, которые ничего не знают о СССР, начитавшись таких же умников, говорят, что в 85-м было Г. Дефицит товаров был, но не в катастрофическом масштабе. Население было обеспечено основными продуктами и могло себе позволить жить всытую. Идеология нисколько не устарела. По крайней мере, это не «великие лозунги» Перестройки: грабь, воруй, убивай... В Афгане солдаты гибли за компартию» — пишет на форуме человек, родившийся в 1993 году. И тут же следует ответ его ровесника:

«Перестройка была необходимой и это было единственным способом вывести страну из дерьма, пускай это и не удалось. К 1985 году в СССР был катастрофический дефицит товаров, идеология уже устарела и все в ней уже разуверились, советские солдаты гибли в бессмысленной войне в Афганистане, отношения с Западом были на нуле. Все нужно было менять..»

Налицо знания, почерпнутые из внешних источников. Просто источники эти полярны.

Единственным событием того периода, негативно воспринимаемым всеми группами (за исключением, пожалуй «ветеранов») стала антиалкогольная компания. Это событие затронуло практически каждого жителя страны, не оставив равнодушным никого. Отношение к нему мотивируется различными причинами, начиная от *«вырубались элитные виноградники»*, заканчивая *«подорвало сельское хозяйство»*, но дело мне кажется лежит в иной плоскости. «Сухой закон» — это единственное новое на тот момент ограничение «прав и свобод» — права выпить и закусить.

«..Водку стали продавать по талонам, вследствие чего она стала для молодежи и вовсе — практически недоступной. Особенно усложнилась жизнь у молодоженов — вступая в брак, крепкие напитки можно было получить в очень ограниченном количестве и по талонам, поэтому в стране появилось такое дикое явление, как безалкогольные показательные свадьбы. На них пили только соки и лимонады.»

Впрочем, даже те «ветераны», которые отнеслись антиалкогольной компании положительно, считают ее недостаточно продуманной и последовательной. *«Загубили и такое важное*

движение, как движение за трезвый образ жизни. Антиалкогольная компания была развернута с размахом. Ну, и как часто в таких случаях бывает — в спешке наломали много дров. В конечном итоге важнейшая и нужная работа за трезвый образ жизни была провалена. А ведь можно было эту работу проводить без революционного размаха, а эволюционным путем, постепенно внедряя в сознание народа новые обычаи и нормы.»

Что интересно, авария на Чернобыльской АЭС упоминается респондентами не столь часто. Вполне возможно, что если бы опрос проводился среди жителей Украины, результат был бы совсем иным... Возможно, утверждение достаточно спорно, но факт остается фактом — Чернобыль не затронул подавляющего большинства респондентов. Точно так же, как землетрясение в Спитаке, или же Сумгаит и Карабах³². Родственники, близкие, знакомые не пострадали — значит, этого как бы и не было...

1987–1991 гг.

Дефицит, талоны на продукты, табачные бунты, Карабах, обмен денег, сокращение армии, реальные кооперативы, неуверенность в завтрашнем дне.

Следующие события, упоминаемые респондентами относятся к периоду 1988–1991 годов. Это перебои с товарами повседневного спроса, введение талонов (в особенности на водку и сахар), межнациональные конфликты (конкретно — Карабах), табачный дефицит, «Павловский обмен денег». Кроме того вновь, но уже в другом, более эмоциональном ключе, упоминается возникновение кооперативов и антиалкогольная компания.

Как писали тогда газеты: «Перестройка пошла в массы». Происходящее в стране шагнуло из идеологической плоско-

³² Судя по всему, отвечая на открытые вопросы анкеты телефонного пилотажа респонденты рассказывают о событиях, которые хранились в их оперативной памяти (т.е. в какой то мере были связаны с нынешним положением и вспоминались сравнительно легко и в течение нескольких минут). Когда же в анкетном опросе респонденты получили карточки с 30 событиями 85–99 годов, то оказалось, что об аварии на ЧАЭС помнят 84% опрошенных, а о Карабахе — 56%.

сти в плоскость бытовую. Довольно сложно не заметить отсутствие мыла, сигарет или сахара, если конечно ты умываешься, куришь или любишь выпить стаканчик сладкого чая. Отравления фальсифицированной водкой из страшилок превратились в пугающую действительность. Слово «беженцы» уже ассоциировалось не только с Великой Отечественной войной и африканскими государствами. Да и для того, чтобы увидеть многолюдную очередь у сберкассы не требовалась особая острота зрения. Началось расслоение общества, связанное с появлением реальных, а не «потемкинских» образцово-показательных кооперативов. Фраза **«неуверенность в завтрашнем дне»** присутствует в воспоминаниях практически всех групп респондентов, социализировавшихся к тому моменту.

Знаменательно, что такие важные события этого периода, как подписание договора СНВ-1, первый съезд народных депутатов СССР, публикация полного текста «Архипелаг ГУЛАГ» респондентами не упоминались. Вывод же войск из Афганистана, завершившийся как раз в это время большинством опрошенных ошибочно относится к более раннему этапу Перестройки.

В воспоминаниях «ветеранов» мотив неуверенности в завтрашнем дне звучит наиболее отчетливо. Крах привычного уклада жизни, изменение «правил игры», зачастую происходящее неоднократно, отсутствие привычных ориентиров в представлении старшего поколения оказалось тесно связанным с идеологическими переменами предыдущих лет Перестройки. *«Крушение коммунистических идеалов», «Была дружба народов, а что стало?».* *«Уничтожили Советскую власть, народную власть... Профсоюзы лишили права, с ними никто не считается»* *«Разруха началась.»* Дальнейшие события эту уверенность «ветеранов» только укрепили.

Подобным образом воспринимают произошедшее и респонденты группы «работяги». Однако суждения в этой группе, хотя в целом негативные, но не столь однозначные. Часть респондентов вспоминает события того времени, как агонию советской власти, логический конец коммунистического режима, предельно выявивший все его недостатки. *«К этому все и шло».* Другие связывают произошедшее со слабостью и нере-

шительностью руководителей государства, с недостаточной жесткостью и половинчатостью принимаемых ими решений.

Респонденты группы «отставники» вспоминают события тех лет крайне негативно. И виденье событий у этой группы свое. Не только дефицит, не только обмен денег. Есть еще и другое: *«В 89 году сократили армию на пол миллиона, выселяли в чистое поле. Оборонка перестала работать, вместо танков кастрюли стали делать... конверсия, твою мать... В Тбилиси войска ввели и нас же крайними сделали...»*

Респонденты группы «кооператоры», напротив, концентрируются на более позитивных личных моментах, связанных с зарождением собственного бизнеса. Для них это романтическое время, «золотая лихорадка» первопроходцев Клондайка. Именно к периоду 1987-1991 годов можно отнести начало создания реального частного предпринимательства в стране. Появилась неиллюзорная возможность сделать что-то свое.

«...в 89 году был зарегистрирован наш первый кооператив. Все начиналось с двух маленьких комнатухек в одном Научно исследовательском институте. Романтическое было время! Дефицитом было все, включая время. С ностальгией вспоминаю постоянный недосып, бесконечные телефонные переговоры (почему-то чаще всего ночные), командировки, деньги на которые приходилось изымать из семейного бюджета...»

Респонденты группы «циники» рассуждают о событиях тех лет более приземлено, без особого драматизма:

«...Начала работать в одном издательском кооперативе. По сравнению с моей прежней, «инженерской» зарплатой — это были конечно золотые горы. Помню, как с друзьями ремонтировала комнатенку на первом этаже старого дома, арендованную у какого-то ЖЭКа. Лето, жара, грязь, побелка с потолка сыпется, краской пахнет. А под окнами пивной киоск со своей жизнью. Пьяненькие мужики с литровыми банками вместо кружек, драки все время какие-то и непрерывный шум голосов, как на концерте...»

«В магазинах пусто было, только консервы какие-то селедочные и макароны. Сигареты на улице часто стреляли, но никто не давал, с сигаретами тяжело было.Я вобщем-то телевизор тогда как раз смотреть перестал. Надоело все это — го-

ворильня бесконечная, съезды, конференции. А потом Сумгаит, Тбилиси, Вильнюс — ясно было, что ничего хорошего не получится. Реально понял, что выживать надо учиться. А тут еще деньги менять затеяли.»

Респонденты, группы «эскаписты», а также те кто принадлежит к более поздним возрастным группам также называют в числе исторических некоторые из вышеперечисленных событий (дефицит, талоны на продукты, Карабах), хотя и гораздо реже остальных. Отношение к событиям самое разнообразное — это по прежнему отголоски мнений более старших возрастных групп.

1991–1992 гг.

ГКЧП, Распад СССР, либерализация цен, приватизация, рэкет.

Далее идут три события, упоминающиеся практически всеми. События, слившиеся в памяти респондентов воедино, может быть потому, что они достаточно близки по времени, а возможно по сравнимому шоковому воздействию на жизнь опрошенных.

Первое событие — ГКЧП, «август 1991-го», «путч», отстранение от власти Горбачева. Событие это рассматривается не само по себе, а как переломная точка, некий катализатор двух следующих событий (важнейших, по мнению большинства групп респондентов).

Событие это оценивается резко отрицательно большинством респондентов групп «ветераны», «отставники» и некоторой частью группы «работяги». Причем, сожаление вызывает не сам «путч», а бесславное его завершение. Руководители ГКЧП оцениваются, как нерешительные непоследовательные люди, не сумевшие проявить должной жесткости. *«Клоуны», «... поставили во главе пьяницу Янаева.»*, *«Один был серьезный человек — маршал Ахромеев. Так он и застрелился...»*

«Кооператоры» и большая часть группы «работяги» оценивают август 91-го года положительно. В значительной мере их оценка связана с поражением ГКЧП. В противном случае, предполагают респонденты *«...существовала реальная возможность начала гражданской войны»* и распада Российской

Федерации. Так же положительно оценивается идеологический перелом, связанный с провалом «путча». *«Наконец-то перестали строить социализм в одной отдельно взятой стране». «Произошел окончательный крах коммунистической идеи».*

«Циники» и часть опрошенных из группы «отставники» оценило произошедшее скорее положительно. В их представлении ГКЧП — это логичное завершение «горбачевской» эпохи, расчистившее дорогу для последующих событий.

«То, что власть попытались взять путчисты — историческая удача России. Члены ГКЧП понимали, что так, как жил тогда СССР, дальше жить нельзя. И вся страна это понимала. Только не знала, как именно жить дальше можно и нужно. Путчисты сделали выбор и показали, что он тоже не годится.»

«...Постоянное чувство какого-то неясного страха — как зубная боль, слабая, но постоянно ноющая. Мысль: если переход к социализму длился несколько лет, сопровождался разрухой, голодом, гражданской войной — почему обратный переход должен быть легче?...»

«Отставники» видят логичность произошедшего в несколько ином плане:

«...Сколько можно было над армией издеваться? После Тбилиси и Риги, военные крайними оказались... Никто и не стал стрелять — дураков нема...»

Воспоминания представителей группы «эскаписты» хорошо описываются следующими цитатами:

«Тогда мне было 9 лет, этот день начался для меня с балета вместо мультиков по телевизору. Это было жутко скучно, но потом стали показывать танки на улицах Москвы. Смотрел на это как на что-то нереальное, это было для меня как кино про войну. Странно, но о 91 годе сохранились очень расплывчатые воспоминания, 93 например запомнился очень ясно..»

«...Я с интересом наблюдал телевизионные картинки с колоннами танков и БТРов, Ельциным на броне, сообщением о гибели трех ребят и прочими событиями тех дней. Но это для меня было чем-то сродни шоу, от которого все же веяло духом историчности и важности. Каких-либо внятных объяснений о причинах происходящего я от родителей не услышал. Но мне

было совершенно ясно, что они оба находятся на стороне Ельцина и осуждают ГКЧП...»

Интересно, что последующий за провалом ГКЧП запрет коммунистической партии практически не отложился в памяти респондентов. Это может быть связано с тем, что сегодня внимание опрошенных сконцентрировано не на партиях, а на конкретных личностях, определивших ход тех или иных событий. А возможно, причиной тому возникновение КПРФ, которую небезосновательно считают преемницей КПСС.

Второе по времени, но первое по важности событие — это «подписание Беловежских соглашений». Все респонденты считают его важнейшим в периоде 1985-1999 годов. Оно затронуло каждого в бытовом, идеологическом, эмоциональном плане. Событие это определяется большинством опрошенных, как «развал Союза», «распад страны». Реже — как «создание СНГ». Уже сами определения несут в себе эмоциональный заряд, демонстрирующий отношение к событию. В первом случае — резко негативный, во втором — скорее неотрицательный. Какие-либо высказывания здесь приводить бессмысленно. Достаточно, набрав в интернет-поисковике любую из вышеперечисленных фраз, получить массу цитат.

Практически все «ветераны», «отставники» и большая часть группы «работяги» придерживаются первого определения события. Для многих оно до сих пор остается, в буквальном смысле, личной трагедией, усугубляемой тем, что носило оно характер окончательный и необратимый.

«Кооператоры», «циники», меньшая часть группы «работяги» воспринимают обретение независимости бывшими республиками СССР, как неизбежность, считая, что «Беловежские соглашения» всего лишь юридически закрепили фактическое положение дел, а создание СНГ оставило шанс на последующее объединение.

«Эскаписты» и представители более поздних возрастных групп оценивают это событие как важное, но без эмоциональной насыщенности. С одной стороны сказываются рассказы и воспоминания родных и знакомых старшего возраста о внезапно возникших на территории некогда единой страны границах. С другой стороны — нынешняя свобода передвижений,

возможность, отдыхать, жить и работать в любой точке земного шара, «сгладили» остроту восприятия этих границ.

Третье событие, вообще говоря, одним событием не является. Просто в исторической памяти либерализация цен и приватизация слились в единое, неделимое целое. В то, что часть опрошенных определила как «Гайдаровские реформы». Многие респонденты, говоря о либерализации цен, подразумевали под этим определением приватизацию. И наоборот. Прояснялось это посредством уточняющих вопросов.

Либерализация-приватизация затронула практически каждого из респондентов и эмоциональность ее оценки сравнима с оценкой «Беловежских соглашений». Оценки эти варьируются, начиная от резко негативных, кончая резко позитивными. Связанно это в первую очередь с изменением уровня жизни. Упоминается наполнение прилавков магазинов товарами и невозможность эти товары приобрести из-за отсутствия денег. Упоминается возможность выезда на отдых за рубеж и опять-таки отсутствие денег для этого.

Очень часто вспоминают гиперинфляцию. С залоговыми аукционами респонденты связывают упадок в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, падение обороноспособности страны. С этим же событием связывают последующий рост преступности или, выражаясь языком респондентов, «рэклет», «разгул бандитизма».

Характерно, что даже те, кто в качестве положительных событий отметил разрешение частного предпринимательства, право на частную собственность, разрешение кооперативной деятельности, все равно упоминают в числе отрицательных событий: «Рэклет и снова рэклет. Захват собственности и ее беспорядочный дележ. Социальное расслоение». Интересно, что последние слова принадлежат довольно успешному пожилому предпринимателю. То есть не все так просто, и «богатые тоже плачут», зачастую не менее горько, чем бедные.

Больше всего пострадали от экономических реформ «ветераны», «отставники» и наименее пассионарная часть группы «работяг». Соответственно, происходившее оценивается ими как «тотальное обнищание», «разруха», «разворывание собственности», «прихватизация».

«Разворовывание бюджета страны, деградация армии... Упорное утверждение, что наша страна идет по правильному пути — капиталистическому. Резкое расслоение общества на «элиту» и «быдло»...»

«...Люди старшего поколения еще кое-как помнили годы Второй мировой войны, когда выживание было формой существования, но их дети и внуки узнали, почему фунт лиха, впервые... Нищета властно забарабанила в двери подавляющего большинства населения России. Голод вернулся в нашу страну из далеких времен.»

Напротив, в воспоминаниях представителей группы «кооператоры» и «циники» преобладают положительные эмоции, хотя, как уже было сказано выше, в качестве отрицательных явлений упоминается резкая криминализация деловой жизни.

«..Я как-то совершенно забыл про тот праздник, с бассейном из шампанского, Таней Овсиенко в мини-юбочке и групповыми отлучками охраняемых лиц в мраморный сортир, откуда возвращались по одному, с бодрим блеском в глазах... Возможно, когда истекут все сроки давности, история тех лет будет написана — под редакцией кого-нибудь из доживших, но все еще помнящих. ... и про 13-ю Парковую, и про неудачные переговоры в Ялте... и про дважды перекрашенный самолет... Про печати белорусской таможни, изготовленные в CorelDraw! — ... это действительно была веселая история.... Мне было бы, наверное, сильно проще жить с верой, что это была не наша жизнь, а просто какое-то кино...»

Ощущения прочих (большая часть группы «работяги») можно охарактеризовать следующими словами:

«Первое чувство — возмущение. Как это так — отпустить цены. И так все дорого. Но в магазинах вдруг все появляется. Остается только придумать как заработать деньги.. Большинству, кто на это достаточно решительно настроен, удается. Остальные проклинаят Гайдара, жалуются и садятся на рельсы.»

«Эскаписты» упоминают либерализацию цен и приватизацию в качестве исторических событий значительно реже. Отношение к ним, в целом, положительное. По мнению «эскапистов», именно эти события сформировали сегодняшний

мир и определили их место в этом мире. Место достаточно комфортное.

* * *

Подводя итоги, можно сказать следующее:

Количество, упоминаемых событий из недавней истории зависит от образовательного, культурного уровня человека: чем образованнее, тем сильнее его способность абстрагироваться от личного, шире взгляд на прошлое.

Принадлежность к поколению также является достаточно существенным фактором. Это можно проследить по результатам закрытого опроса Фонда «Общественное мнение». Самые старшие («сталинское» поколение) плохо помнят, а самые молодые (поколение «путинское» и «медведевское») плохо знают о событиях недавней истории страны. Похоже, лучше всего с памятью дело обстоит у людей среднего возраста.

Уровень жизни, скорее, влияние на оценку событий, а не на способность вспоминать или придать значение тому или иному событию.

Эмоциональная составляющая события, «шоковость» очень много значит для запоминания и последующей оценки события.

Запоминаются и впоследствии признаются важными, историческими те события, которые оказывают непосредственное влияние на повседневную жизнь человека. Большую роль играет вовлеченность, непосредственное участие в событии.